

В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

МЕЖВУЗОВСКИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

25-26 ноября 2021
г.Ростов-на-Дону

**РОСТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРАВОСУДИЯ»
(г.Ростов-на-Дону)**

МЕЖВУЗОВСКИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

**В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА»**

СБОРНИК СТАТЕЙ

25-26 ноября 2021 г.

Ростов-на-Дону 2021

УДК 343
ББК 65.5
С56

Редакционная оллегия:

Полтавцева Лариса Ивановна – д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала Ростовского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»;

Палиева Оксана Николаевна – к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»;

Серегина Елена Владимировна – к.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовного права Ростовского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»;

Коблева Мария Мухадиновна – к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»;

Рogaва Инга Георгиевна – старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия».

С56 Межвузовский криминалистический форум (в рамках научного проекта «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства») [Электронный ресурс]/под. ред. Полтавцевой Л.И., Палиевой О.Н., Серегиной Е.В., Коблевой М.М., Рogaва И.Г. – Электр. текстовые данные (3,45 Мб) – Ростов н/Д: Издательство ИП Беспмятнов С.В., 2021. – С. 300 – 1 опт. компакт-диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-9500447-5-5

Настоящий сборник составлен по материалам Межвузовского криминалистического форума (в рамках научного проекта «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства»), состоявшегося 25 и 26 ноября 2021 года в г. Ростов-на-Дону. В сборнике научных трудов рассматриваются современные проблемы уголовного судопроизводства.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов с целью использования в научной и учебной деятельности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

ISBN 978-5-9500447-5-5

9 785950 044755 >

УДК 343
ББК 65.5

© Коллектив авторов, 2021

**Настоящий сборник составлен по материалам
Межвузовского криминалистического форума
(в рамках научного проекта «Актуальные проблемы уголовного
судопроизводства»), состоявшегося 25 и 26 ноября 2021 года
в г. Ростов-на-Дону**

**В сборнике научных трудов рассматриваются современные проблемы
уголовного судопроизводства**

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>АВАКЯН МАРГАРИТА ЭДУАРДОВНА</i> К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ГЕНОМНОЙ РЕГИСТРАЦИИ ГРАЖДАН В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ РАСКРЫВАЕМОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	9
<i>АРТЮХОВА ХРИСТИНА АЛЕКСАНДРОВНА</i> ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ ВЫБОРА МЕРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	13
<i>АТИКЯН ЭДИТА ВАЧАГАНОВНА</i> СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ.....	18
<i>БАДАЛЯН РИТА АРМЕЛОВНА</i> ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВАНДАЛИЗМА.....	23
<i>БАРАБАШОВА ЕКАТЕРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА</i> ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ.....	28
<i>БОДИКОВ ОЛЕГ ГЕННАДЬЕВИЧ</i> РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	34
<i>БОРОВИК ОЛЕСЯ СЕРГЕЕВНА</i> ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОДОРОЛОГИИ.....	38
<i>ВИСАРХАНОВА АМИНАТ МОВСАРОВНА</i> ТАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	44
<i>ВОЛОВИК ДАРЬЯ МИХАЙЛОВНА</i> ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	49
<i>ГАВРИКОВА ЮЛИЯ ОЛЕГОВНА</i> ЗАРОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	54
<i>ГАЛКИНА ДИАНА ЕВГЕНЬЕВНА</i> ПСИХИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	60

ГРИГОРЕНКО ЕВГЕНИЯ АНДРЕЕВНА ФЕНОМЕН ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....	65
ДАРАСЕЛИЯ ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	71
ДУДКА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫНЕСЕНИЯ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ВЕРДИКТА.....	75
ЕВЛОЕВ АХМЕД МАГОМЕДОВИЧ ПОНЯТИЕ КИБЕРТЕРРОРИЗМА.....	80
ЗАКУРДАЕВА МАРГАРИТА АЛЕКСАНДРОВНА ТАКТИКА ЗАВЕРШЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ВЫНЕСЕНИЕМ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА.....	85
ЗУЕВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	89
ИВЛИЕВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	93
ИСРАИЛОВ ЯРАГИ ИСАЕВИЧ ИНСТИТУТ ПОКУШЕНИЯ НА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	98
КЕШТОВА ДАННА ЖАМАЛДИНОВНА ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ.....	105
КОБЦЕВА ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВНА СПЕЦИАЛЬНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОСТИТУЦИИ.....	110
КОЛЕСОВА ЕКАТЕРИНА ВИТАЛЬЕВНА ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	117
КОСТАНДОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОШИБКИ.....	124

КОШМАНОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА ПРОТОКОЛЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕСС РОССИИ: ПРИЗНАКИ, КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ	131
КУРБАНАЛИЕВ ГАБИБ АБДУРАШИДОВИЧ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДОЗНАВАТЕЛЕМ СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ	137
ЛЕВЕНЕЦ АЛЕНА ФЕДОРОВНА ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	142
ЛИТВИНЕНКО ДЕНИС ВИКТОРОВИЧ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ И СУЩНОСТИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	149
МАЦЕГОРОВА ЕЛИЗАВЕТА СТАНИСЛАВОВНА СИСТЕМА ПРАВОВЫХ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	154
МИРЗОЯН ГЕВОРГ АРАЙКОВИЧ ЭЛЕМЕНТЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ	159
НЕКЛЮДОВ РОМАН ТОФИКОВИЧ ПРИВЛЕЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА К УЧАСТИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ: ТЕОРИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА	165
НИКОЛАЕНКО КИРИЛЛ АНАТОЛЬЕВИЧ ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ	170
ОЛЬХОВА ЛЮБОВЬ ГЕННАДЬЕВНА ГЕНЕЗИС СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ЭТАПЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО	175
ПЕЙЛИВАНИДИС СПИРИДОН АНАСТАСОВИЧ К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ИСТОЧНИК УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	181
ПОТАПОВА ДИАНА АНДРЕЕВНА ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ	185

ПРОСКУРА ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА ПРАВО ОБВИНЯЕМОГО НА УЧАСТИЕ В РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ.....	193
ПШЕНИЧНАЯ КРИСТИНА СЕРГЕЕВНА ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПРИ НАДЗОРЕ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ.....	198
САФОНОВА АНАСТАСИЯ МИХАЙЛОВНА ШЕВЧЕНКО ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВЫ СЕРИЙНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	203
СЕДЫХ ДАРЬЯ ВЛАДИСЛАВОВНА К ВОПРОСУ О ПОВОДАХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	208
СМОЛДЫРЕВА КСЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБМЕН БИОМЕТРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ В РАМКАХ СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ.....	214
СУПРУНЕНКО АЛИНА РУСЛАНОВНА ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ УБИЙСТВА.....	220
ТЕМНИКОВА ВАЛЕРИЯ ВЛАДИМИРОВНА К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 291.1 УК РФ.....	226
ТЕРНИКОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	231
ТИМОХИН ЮРИЙ ОЛЕГОВИЧ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ «УБИЙСТВ ПРОШЛЫХ ЛЕТ».....	238
УРУБЖУРОВ МУТЛ САНАЛОВИЧ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ФОРМЕ БЕЗДЕЙСТВИЯ.....	242

ХАЛЬЗОВ МИРОСЛАВ ИГОРЕВИЧ РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ, СПЕЦИАЛЬНЫХ, АНТИДЕМПИНГОВЫХ И (ИЛИ) КОМПЕНСАЦИОННЫХ ПОШЛИН	248
ЦАПЛИНА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ОСОБЕННОСТИ СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЫ ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	256
ЧЕБУШЕВ ДЕНИС РОМАНОВИЧ КАТЕГОРИЯ «ВИНА» В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ	264
ЧЕРНЯВСКИЙ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ НЕДОСТАТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ	270
ЧЕРНИЧКИНА ДАРЬЯ ИГОРЕВНА ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОДОРОЛОГИИ	276
ШУАЕВ САЛИМ АЛИЛОВИЧ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО ПО СОВРЕМЕННОМУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И РАНЕЕ ДЕЙСТВОВАВШЕМУ	279
ЯВРУЕВ ИГОРЬ ВАДИМОВИЧ ПРОБЛЕМЫ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕЧАТНЫХ ТЕКСТОВ	286
ЯНОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА ТАКТИКА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ДОЛЖНОСТНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ	290
ЯЦЮК ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЖЕНЩИНАМИ	294

УДК: 343.98.065

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ГЕНОМНОЙ
РЕГИСТРАЦИИ ГРАЖДАН В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ
РАСКРЫВАЕМОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

*Авакян Маргарита Эдуардовна,
Студентка 3 курса
Ростовского филиала ГКОУ ВО
«Российская таможенная академия»
Научный руководитель:
Рogaва Инга Георгиевна,
старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Ростовского филиала ГКОУ ВО
«Российская таможенная академия»*

***Аннотация:** в данной статье анализируется необходимость обязательной геномной регистрации граждан Российской Федерации. По мнению автора, это будет способствовать не только предупреждению определенных видов преступлений, но и повышению уровня раскрываемости преступности, а также и упрощению стадии уголовного преследования в уголовном судопроизводстве.*

***Ключевые слова:** геномная регистрация граждан РФ, судебная экспертиза, уголовное расследование, ДНК-учет, геномная информация государства.*

UDK: 343.98.065

**ON THE NEED FOR GENOMIC REGISTRATION OF CITIZENS IN
ORDER TO INCREASE THE DETECTION OF CRIMES**

*Avakyan Margarita Eduardovna,
Scientific adviser: Rogava Inga Georgievna*

***Abstract:** This article analyzes the need for mandatory genomic registration of citizens of the Russian Federation. According to the author, this will contribute not only to the prevention of certain types of crimes, but also to increasing the level of crime detection, as well as simplifying the stage of criminal prosecution in criminal proceedings.*

Keywords: *genomic registration of citizens of the Russian Federation, forensic examination, criminal investigation, DNA accounting, genomic information of the state.*

Проведение молекулярно-генетической экспертизы в условиях современной правовой действительности приобретает особую актуальность. Назначение молекулярно-генетической экспертизы производится по ряду уголовных дел, например, связанных с преступлениями против жизни и здоровья или преступлениями против половой свободы и половой неприкосновенности. За последние 5 лет судами было рассмотрено от 7 до 10 тысяч уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст.105 УК РФ. По половым преступлениям каждый год рассматриваются около 9 тысяч уголовных дел. Проведение данного вида экспертизы обусловлено тем, что благодаря сравнению тканей и выделений человека и животных можно определить не только наличие самого преступного деяния, но и идентифицировать подозреваемых (обвиняемых) по уголовному делу. Молекулярно-генетическая экспертиза во многом облегчает работу органов предварительного расследования и способствует разрешению уголовных дел, однако существует ряд спорных вопросов, которые на сегодняшний день все еще не разрешены.

Данная работа посвящена одному из таких вопросов. Проведение сравнительного исследования заключается в том, что эксперт проводит сравнение непосредственно выделений, тканей, обнаруженных на местах преступления либо при осмотре потерпевшего от преступления с образцами, взятыми у лиц подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и иных лиц. Однако, опираясь на положение ч. 2 ст. 21 Конституции РФ [1] без согласия лица нельзя проводить медицинское вмешательство по отношению к нему. Следовательно, можно сделать вывод, что взятие образцов для сравнительного исследования должно производиться так же по его согласию. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ [2] закреплено право на получение следователем образцов для проведения экспертизы. Таким образом, можно сделать вывод, что официального закрепления возможности отказа от дачи образцов для сравнительного исследования нет, но и обязанности содействовать расследованию уголовного дела, а именно давать данные образцы, тоже нет.

На наш взгляд неразрешенным является то, что при отказе от дачи образцов для сравнительного исследования невозможно будет провести самого исследования. По ряду преступлений такого рода экспертиза

является ключевым звеном. Так, например, при расследовании уголовного дела по преступлению, предусмотренному ст. 131 УК РФ (Изнасилование) проводится осмотр потерпевшей. Осмотр потерпевшей подразумевает не только медицинский осмотр женщины, но и осмотр ее одежды. Если при осмотре будут выявлены следы спермы, то сразу возникает необходимость проведения сравнительного исследования. Без биологического материала, подозреваемого (обвиняемого) определить причастность (или непричастность) лица к преступлению не получится.

Именно поэтому изменение характера и структуры преступности, усиление уголовно-правовой защиты обусловили возрастающую потребность оперативно-розыскного аппарата в использовании объективной доказательной базы, полученной криминалистическими методами и средствами, необходимость дальнейшего повышения эффективности и совершенствования такого приоритетного направления, как судебно-криминалистический учет.

Наиболее эффективными, безусловно, из таковых являются учеты, позволяющие по оставленным на месте происшествия следам идентифицировать преступников. Среди таких учетов наиболее результативным и перспективным следует признать учет данных ДНК биологических объектов. Данный вид учета позволяет установить конкретное лицо путем сопоставления профиля ДНК, содержащейся в объектах биологического происхождения (волосы, слюна, кровь и т.д.), изъятых на месте происшествия, с базой данных лиц.

На сегодняшний день в Российской Федерации существует такая база. Федеральная база данных геномной информации, которая представляет собой федеральную автоматизированную информационную систему по обработке геномной информации, оператором которой является федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Федеральным закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» [3].

Несмотря на то, что такая система существует, на наш взгляд она не разработана в той мере, в которой способствовала бы быстрой и эффективной раскрываемости преступлений. Согласно вышеназванному Федеральному закону обязательной государственной геномной регистрации подлежат лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных

действий. Помимо этого обязательной государственной геномной регистрации подлежат неопознанные трупы.

Геномная информация, полученная в результате проведения государственной геномной регистрации, используется в следующих целях:

- предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, а также выявление и установление лиц, их совершивших;
- розыск пропавших без вести граждан Российской Федерации, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих или временно пребывающих на территории Российской Федерации;
- установление личности человека, чей труп не опознан иными способами;
- установление родственных отношений, разыскиваемых (устанавливаемых) лиц.

То есть, как мы может заметить, данный учет действительно несет своей целью и предупреждение, и раскрытие, и расследование преступлений. Однако круг лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации исчерпывающий и минимален. На наш взгляд целесообразно расширить круг лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации. Тогда, в случае обнаружения признаков преступлений, в ходе расследования которых необходимо сравнительное исследование не будет необходимости проведение взятия образцов для такого исследования.

У этой правовой позиции есть не только сторонники, но и те, кто выступает против обязательной геномной регистрации всех граждан Российской Федерации. Оппоненты считают, что регистрация ДНК ограничивает общепризнанные права и свободы человека. Кроме того, по их мнению, сам факт постановки человека на ДНК-учет делает его потенциальным преступником. В результате своих аргументов они приходят к выводу, что в реалиях сегодняшней российской правовой действительности расширение круга лиц, подлежащих геномной регистрации, недопустимо. Однако мы придерживаемся мнения, что геномная регистрация никоим образом не влияет на социальный статус человека, а лишь способствует улучшению ситуации в стране, связанной с раскрытием преступлений.

Представляется, что в ближайшем будущем комплексные криминалистическая регистрация, интегрированная с другими информационными ресурсами Министерства внутренних дел Российской Федерации, создадут предпосылки для перехода на следующий качественно новый уровень – создание единой системы государственной регистрации населения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс»

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 08.12.2008. – № 49. – Ст. 5740.

© М.Э. Авакян, 2021

УДК: 343.98

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА: ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ ВЫБОРА МЕРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Артюхова Христина Александровна,

Магистрант 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Шипшин Сергей Сергеевич

к.пс.н., доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье анализируется проблема выбора конкретных мер воспитательного характера при прекращении уголовного дела и освобождении несовершеннолетнего от наказания. Принудительные меры воспитательного характера как альтернатива наказанию имеют высокий потенциал превенции дальнейшей криминализации несовершеннолетнего правонарушителя. Эффективность такого воздействия зависит от большого количества факторов социального порядка и психологических факторов, свойственных несовершеннолетнему. Суд, вынося решение о принудительных мерах воспитательного характера, сталкивается с решением прогностических задач, решение которых требует использования надежных методов оценки рисков рецидива и привлечения квалифицированных специалистов.

Ключевые слова: меры воспитательного характера, альтернатива наказанию, оценка рисков рецидива, специальные знания.

UDC: 343.98

**COMPULSORY EDUCATIONAL MEASURES:
ON THE MATTER OF SELECTING SANCTION**

Artyukhova Christina Alexandrovna
Scientific adviser: Shipshin Sergey Sergeevich

***Abstract:** the article depicts a matter of selecting an exact compulsory educational measures at the point of termination of a criminal case and exemption of an adolescent from punishment. Compulsory educational measures as an alternative to a punitive measures have a high range of a preventive potential in terms of a further criminalization of a young offender. An effectiveness of such impact much depends on a variety of factors of social and psychological nature intrinsic to an adolescent. A court on sentencing an adolescent to compulsory educational measures is facing different issues of a predictive nature, which are to be resolved by means of sufficient evaluation measure of recidivism risks and should involve specialists attendance.*

***Keywords:** compulsory educational measures, an alternative to punishment, evaluation measure of recidivism risks, special knowledge.*

Проблема борьбы с преступностью несовершеннолетних является одной из важных для любого общества, поскольку формирование правоисполнительного гражданина в период созревания его личности решает перспективную задачу снижения общего уровня преступности. Согласно имеющимся представлениям, зафиксированным в нормах международного права, противоправное поведение несовершеннолетних в большинстве случаев является проблемой взросления и личностного роста и сходит на нет по мере перехода к возрасту совершеннолетия (п. 5 Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) [1]. Другими международными нормативными актами рекомендуется применение принципов индивидуализация ответственности несовершеннолетних правонарушителей при минимизации применения уголовного наказания в виде заключения в исправительные учреждения. При этом приоритет отдается использованию альтернативных мер ответственности – воспитательных, направленных на перевоспитание, ресоциализацию несовершеннолетнего (п. п. 17 – 19 Минимальных стандартных правил

ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [2].

Принудительные меры воспитательного характера как альтернатива наказанию предусмотрены Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами Российской Федерации. Так, ч. 2 ст. 87, а также в ст. ст. 90 – 92 УК РФ раскрыто содержание подобных мер, предусмотрена возможность освобождения несовершеннолетнего от наказания с их применением. Иницируется назначение принудительных мер воспитательного воздействия в рамках ч. 1 ст. 427 УПК РФ следователем (дознавателем) либо прокурором. Прекратить дела и применить меру воспитательного воздействия по основаниям ч. 2 ст. 427 УПК РФ может суд, куда поступило дело с обвинительным заключением. Непосредственно решение вопроса о возможности освобождения несовершеннолетнего от наказания предусмотрено ст.ст. 430, 431 УПК РФ: в тех случаях, когда было совершено преступление небольшой или средней тяжести, при условии, что была установлена возможность исправления подростка без уголовного наказания, суд может прекратить уголовное дело и применить принудительные меры воспитательного воздействия. В Постановлении Пленума ВС РФ от 1 февраля 2011 г. сделан упор на том, что по делам несовершеннолетних правосудие должно носить воспитательный характер. В частности, в п. 3 указывается, что меры, которые применяются к несовершеннолетнему, должны быть максимально индивидуальными, соотноситься с личностными особенностями несовершеннолетнего, обстоятельствами совершенного ими противоправного деяния, а также быть направленными на обеспечение ресоциализации подростка [3].

К принудительным мерам воспитательного характера закон относит: предупреждение; передачу под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего (п.2 ст. 90 УК РФ). При этом предусмотрена возможность применение нескольких мер одновременно, а также обозначено, что перечень воспитательных мер остается открытым. За рамками данной статьи остается помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (СУВУЗТ), поскольку эта мера, будучи воспитательной, в то же время ограничивает свободу несовершеннолетнего на срок до 3-х лет.

Вопрос эффективности различных видов принудительных мер воспитательного характера является дискуссионным. Например,

Л.Б. Ситдикова, А.Л. Шиловская, проведя анализ подходов российских ученых, приходят к выводу, что наименее эффективной мерой является предупреждение, поскольку в качестве самостоятельного воздействия оно может породить чувство безнаказанности, но в совокупности с другими мерами воспитательного характера может быть действенной. Они считают, что наиболее предпочтительным является вовлечение несовершеннолетнего в разрешении той ситуации, которая была создана его правонарушением с возмещением причиненного ущерба (т.е. возложение обязанности загладить причиненный вред) [4]. .

Представляется, что судья, выбирая конкретные меры воспитательного воздействия в качестве альтернативы наказанию, должен иметь исчерпывающую информацию о личности несовершеннолетнего и ситуации, в которой тот находится. Однако в деле подобной информации может быть недостаточно. Кроме того, собственные представления и жизненный опыт судьи могут быть не всегда надежной опорой для оценки перспективы исправления и ресоциализации несовершеннолетнего. Поэтому возникает вопрос о применении специальных знаний для получения обоснованной оценки личности несовершеннолетнего и уровня риска рецидива правонарушения.

В основу научных подходов к оценке риска повторного совершения несовершеннолетним правонарушения положены исследования российских и зарубежных психологов, криминологов, юристов, занимающихся профилактикой молодежной преступности. Разработаны методы структурированной оценки риска совершения подростками насильственных преступлений, которые учитывают влияние семьи, образовательной среды, круга общения на формирование агрессивного поведения, в том числе повторного [5]. В России был разработан и внедрен в практику метод структурированной оценки рисков совершения повторных правонарушений и возможностей реабилитации несовершеннолетних «Оценка рисков и возможностей» (ОРВ). В результате его использования суд может получить информацию о рисках, связанных: с социальной ситуацией – семейными обстоятельствами подростка, проблемами образовательной среды, взаимоотношениями со сверстниками, досуга и свободного времени; проблемами употреблением алкоголя и психоактивных веществ; индивидуальными особенностями, социальными установками и ценностями. Кроме этого выявляются дополнительные факторы, способные усилить либо ослабить риски рецидива, связанные с перечисленными факторами. Данный метод позволяет оценить уровень риска рецидива у конкретного

несовершеннолетнего, а также его потенциал ресоциализации. Например, будет очевидным, является ли семья, образовательное учреждение, окружение или досуговые возможности территории теми ресурсами, которые обеспечат эффективность воспитательных мер.

Получение такого объема обоснованной информации, с оценкой уровней рисков повторного правонарушения позволяет судье принимать решение о выборе меры воспитательного воздействия реально индивидуализируя меры воздействия.

Следует отметить, что, поскольку законом предусматривается инициирование назначения принудительных мер воспитательного воздействия в рамках следователем, то в данном случае инициировать оценку рисков должен следователь, в том числе в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической либо однородной психологической экспертизы.

Таким образом, при принятии судьей решения о применении в отношении несовершеннолетнего принудительных мер воспитательного характера значительную помощь может оказать использование данных о личности несовершеннолетнего и его социальной ситуации с указанием уровней рисков рецидива, основанные на научно разработанных и проверенных методах оценки.

Список литературы

1. *Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) (приняты 14.12.1990 г. Резолюцией 45/112 на 68-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquiry_prevention.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquiry_prevention.shtml) (дата обращения: 17.10.2021)*

2. *Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (приняты 29.11.1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml) (дата обращения: 17.10.2021)*

3. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. – Режим*

доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/
(дата обращения: 17.10.2021)

4. Ситдикова Л.Б. К вопросу о совершенствовании принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним / Л.Б. Ситдикова, А.Л. Шиловская // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 4. – С. 682–690.

5. Назарова Н.Г. Оценка факторов, повышающих и снижающих риск агрессивного противоправного поведения у несовершеннолетних (обзор исследований) // Психология и право. – 2016(6). – № 3. – С. 89-103.

6. Метод структурированной оценки рисков совершения повторных правонарушений и возможностей реабилитации несовершеннолетнего «Оценка рисков и возможностей» (ОРВ) — М: РБФ НАН, 2010. — 40 с.

© Х.А. Артюхова, 2021

УДК: 343.6

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ

Атикян Эдита Вачагановна,

Магистрант 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Серегина Елена Владимировна

к.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье рассматриваются социальные и правовые основания криминализации неоказания помощи. В частности, такими основаниями являются: общественная опасность неоказания помощи; степень распространенности неоказания помощи; возможность воздействия на данные деяния уголовно-правовыми средствами. В результате автор делает вывод о том, что составы неоказания помощи соответствуют критериям криминализации и их наличие в уголовном законодательстве криминологически обоснованно, однако они нуждаются в существенной доработке.

Ключевые слова: *неоказание помощи, криминализация, социальные и правовые основания, общественная опасность, распространенность, уголовно-правовые средства.*

UDC: 343.6

SOCIAL AND LEGAL GROUNDS FOR CRIMINALIZING THE FAILURE OF ASSISTANCE

Atikyan Edita Vachaganovna,

Scientific adviser: Seregina Elena Vladimirovna

Abstract: *the article examines the social and legal grounds for criminalizing non-provision of assistance. In particular, such grounds are: public danger of non-provision of assistance; the degree of prevalence of non-provision of assistance; the possibility of influencing these acts by criminal legal means. As a result, the author concludes that the compositions of non-assistance meet the criteria of criminalization and their presence in criminal legislation is criminologically justified, but they need significant improvement.*

Keywords: *non-provision of assistance, criminalization, social and legal grounds, public danger, prevalence, criminal legal means.*

Закономерно, что нормы могут быть закреплены в уголовном законе только в том случае, если в них имеется действительная необходимость, они должны быть криминологически обоснованы. В уголовно-правовой науке отсутствует единый подход относительно оснований криминализации деяний. Между тем, от оснований криминализации зависит качество уголовного закона, так как они способствуют правильному процессу и успешному результату признания противоправными отдельных общественно опасных деяний [1, с. 40].

Е.А. Новикова предлагает выделить объективные (связанные с самим деянием), социально-исторические и государственно-правовые основания криминализации. В объективные основания входит общественная опасность деяния, требующего криминализации; относительная распространенность и типичность; негативная динамика общественно опасных деяний. Социально-исторические основания предполагают определенные ожидания общества и учет исторических традиций, а государственно-правовые включают возможность воздействия на деяния уголовно-правовыми средствами [2, с. 171].

В последние десятилетия распространение получили преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье граждан. Криминализация преступлений против жизни и здоровья наблюдается в уголовном

законодательстве с отдаленных времен. Это древнейшие и вечные преступления, которые всегда осуждались как моралью, так и нормами права. Во все времена развития человечества общество уделяло особое внимание защите жизни и здоровья его членов [3, с. 40].

Преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье, наносят огромный, непоправимый ущерб обществу. Именно поэтому современное уголовное законодательство уделяет повышенное внимание охране жизни и здоровья человека. Высокая социальная ценность обусловили криминализацию в действующем уголовном законодательстве норм, предусматривающих уголовную ответственность за неоказание помощи. В частности, это уголовно-правовые нормы, требующие оказывать помощь человеку, который в ней нуждается, для спасения его жизни и здоровья, и предусмотренные ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному» и ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности».

Под неоказанием помощи следует понимать виновно совершенные общественно опасные деяния, запрещенные уголовным законом, выражающиеся в отказе от юридической обязанности по защите жизни и здоровья человека, лишенного возможности принять меры к самосохранению в силу объективных причин, когда лицо, имело возможность и было должно оказывать такую помощь. Наличие у субъектов возможности и обязанности оказывать помощь, нуждающимся в ней лицам, подчеркивают повышенную общественную опасность соответствующих деяний и обуславливает необходимость воздействия на них уголовно-правовыми средствами.

Следующим основанием криминализации неоказания помощи является степень распространенности и динамика. Несмотря на то, что статистические данные о зарегистрированных преступлениях не всегда четко отражают уровень криминализации нашего общества, без них невозможно дать оценку криминогенной ситуации [4, с. 104].

Красноречивее всего о динамике таких деяний как неоказание помощи свидетельствуют данные о числе осужденных по рассматриваемым статьям уголовного законодательства. Так, в 2017 г. по ст. 124 УК РФ осуждено 4 человека, по ст. 125 УК РФ – 104; в 2018 г. по ст. 124 УК РФ осуждено 4 человека, по ст. 125 УК РФ – 125; в 2019 г. по ст. 124 УК РФ осуждено 5 человек, по ст. 125 УК РФ – 111; в 2020 г. по ст. 124 УК РФ осуждено 3 человека, по ст. 125 УК РФ – 87 [5]. Приведенные данные свидетельствуют о недостаточной распространенности данных видов неоказания помощи.

Считаем, что указанные данные не отражают реального состояния

распространенности изучаемых преступлений. Значительная часть фактов неоказания помощи остается вне поля зрения статистики. Обусловлено это прежде всего, естественными причинами – нежеланием граждан сообщать о фактах неоказания помощи и искусственными причинами – неправильной юридической оценкой содеянного.

Изучение социальной природы неоказания помощи позволяет сделать вывод о том, что их общественная опасность состоит в нарушении нормального функционирования общественных отношений по поводу обеспечения безопасности жизни и здоровья лиц, относящихся к категории нуждающихся в помощи и не способных самостоятельно принять меры к самосохранению. Следовательно, нормы, предусматривающие ответственность за неоказание помощи (ст. 124 и ст. 125 УК РФ), представляют собой систему уголовно-правовых мер, направленных на обеспечение выполнения лицами возложенных на них законом обязанности по оказанию помощи нуждающимся в ней лицам в условиях существования опасности причинения вреда их жизни и здоровью. Они выступают частью общей системы норм, предусматривающих ответственность за посягательство на жизнь и здоровье.

Криминализация неоказания помощи юридически оправдана и необходима. Установление уголовно-правового запрета на неоказание помощи лицам, лишенных возможности принять меры к самосохранению в силу объективных причин, выступает не только важным регулятором поведения людей, но и имеет огромное воспитательное и нравственное воздействие, направленное на совершенствование социума [6, с. 8].

Доктриной уголовного права недостаточно разработаны теоретические вопросы, связанные с юридической оценкой преступлений в указанной сфере. Неоднозначное толкование признаков преступлений, предусмотренных ст. 124 и ст. 125 УК РФ, не способствует правильной квалификации деяния. От понимания содержания таких оценочных признаков как «состояние, опасное для жизни или здоровья», «беспомощность», «больной», «меры самосохранения» зависят правильность и полнота реализации уголовно-правовых норм на практике. Отсутствие руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по спорным вопросам квалификации приводит к ошибкам при применении данных составов преступлений как самостоятельно, так и по совокупности с другими нормами.

Подводя итог анализу социальных и правовых оснований криминализации неоказания помощи, необходимо отметить, что рассматриваемые составы преступления соответствуют критериям

криминализации и их наличие в уголовном законодательстве криминологически обоснованно, однако они нуждаются в существенной доработке.

Список литературы

1. Мамонтов Д.Ю. Социально-криминологическая обусловленность уголовно-правового запрета на неоказание помощи больному. В сб.: Уголовная политика и культура противодействия преступности. – Краснодар, 2006. – С. 122 – 124.

2. Новикова Е.А. Системность оснований криминализации в уголовном праве // Вестник Барановичского государственного университета. – 2017. – № 5. – С. 171-174.

3. Актуальные проблемы Особенной части уголовного права /Бохан А.П., Грошев А.В., Кейдунова Е.Р., Лавринов В.В., Литвяк Л.Г., Миллерова Е.А., Миллеров Е.В., Пащенко Е.А., Подройкина И.А., Серегина Е.В., Улезько С.И., Фаргиев И.А. Учебник. – М.: Проспект, 2020. – 768 с.

4. Серегина Е.В., Теплая Н.В. Криминологическая характеристика преступности в регионе: состояние и тенденции развития (на примере Ростовской области) // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 5 (132). – С. 103-108.

5. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru> (10.10.2021).

6. Мыц Я.А. Оставление в опасности в уголовном праве России: диссертация ... к.ю.н. – Ульяновск, 2007. – 208 с.

© Э.В. Атикян, 2021

УДК: 343.34

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВАНДАЛИЗМА

Бадалян Рита Арменовна,

Магистрант 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Фаргиев Ибрагим Аюбович,

д.ю.н., профессор,

профессор кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению вандализма как преступлению экстремистской направленности в РФ. Автором рассматриваются основные проблемные вопросы определения объекта и признаков объективной стороны преступления. В статье анализируются трудности разграничения вандализма от умышленного повреждения чужого имущества по признакам объективной стороны.*

Ключевые слова: *вандализм, объективная сторона, общественное место, осквернение, общественный порядок.*

UDC: 343.34

PROBLEMATIC ISSUES OF VANDALISM QUALIFICATION

Badalyan Rita Armenovna,

Scientific Supervisor: Fargiev Ibrahim Ayubovich

Abstract: *The article is devoted to the consideration of vandalism as an extremist crime in the Russian Federation. The author considers the main problematic issues of determining the object and signs of the objective side of the crime. The article analyzes the difficulties of distinguishing vandalism from intentional damage to someone else's property on the grounds of the objective side.*

Keywords: *vandalism, objective side, public place, desecration, public order.*

Проблемы вандализма уже подвергались теоретическому исследованию, но на сегодняшний день целый ряд уголовно-правовых аспектов этого преступления продолжают оставаться дискуссионными.

Одним из необходимых элементов любого состава преступления является объект преступления. Наука уголовного права характеризует его как конкретное общественное отношение (или интерес), против которого направлено преступное посягательство, терпящее урон всякий раз при совершении преступления. Правильное определение объекта имеет важное теоретическое и практическое значение.

Непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ, является общественный порядок. Эта позиция на сегодняшний день является преобладающей, но между тем поддерживается не всеми учеными. Так, например, Н. И. Коржанский отмечает, что общественный порядок не может выступать как объект какого-либо преступления, так как он является общим объектом любого преступления. [1, с. 40]. Схожего мнения придерживается И.И. Веремеенко, указывающий, что «отношения, возникающие по поводу насильственного захвата имущества, безусловно, входят в сферу общественного порядка». [2, с. 26].

Следует отметить, что в юридической литературе нет единого подхода к определению общественного порядка. Вместе с тем разноречивость толкований данного термина позволяет говорить о том, что ученые занимают две основные позиции, трактуя это понятие.

Сторонники первой позиции, рассматривающие общественный порядок в широком смысле слова, определяют его как систему общественных отношений, складывающихся вследствие соблюдения и реализации всех господствующих в данном обществе социальных норм, принципов, идей, закрепляющих общественно необходимое и наиболее важное для данного экономического и политического строя поведение людей, государственных и общественных организаций. [3, с. 12].

Сторонники второй позиции высказывают мнение, согласно которому дефиниция «общественный порядок» охватывает собой лишь общественные отношения, обеспечивающие общественное спокойствие, нормальные условия труда и быта граждан. [3, с. 12].

Анализируя приведенные определения понятия «общественный порядок», нельзя не признать, что непосредственным объектом вандализма может выступать только общественный порядок, понимаемый в узком смысле слова. Определение общественного порядка в широком смысле вследствие неконкретности и расплывчатости носит слишком общий характер и может быть использовано лишь как предпосылка для его определения применительно к вандализму.

Исходя из содержания объективной стороны состава вандализма, можно прийти к выводу, что данное преступление совершается только путем выполнения активных действий: 1) осквернение зданий или иных сооружений, или 2) порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах.

Термин «осквернение» относится к категории оценочных понятий. Ни УПК РФ, ни Пленум ВС РФ в своих постановлениях не содержат данного определения. Правоприменительная практика под осквернением понимает различные действия, приводящие к обезображиванию пользующихся общественным вниманием зданий и сооружений, изменению их внешнего или внутреннего вида за счёт нанесения буквенно-цифровых, графических и иных изображений неприличного характера.

Основной проблемой при определении признаков осквернения зданий и сооружений является разрешение вопроса, что применительно к каждому конкретному случаю считать проявлением пренебрежительного, циничного отношения к обществу, что признавать аморальным, а что не нарушает сложившиеся этические нормы.

Нравственно-правовую оценку осквернения здания или иного сооружения определяют судебные органы, учитывающие все обстоятельства совершенного акта вандализма. Из этого можно сделать вывод, что, если лицо привлечено к ответственности за вандализм в форме осквернения, которое по смыслу ст. 214 УК РФ выражается в нанесении оскорбительных, циничных, нецензурных изображений, надписей и в других действиях, приводящих к поруганию, обезображиванию пользующихся общественным вниманием зданий и сооружений, суд в приговоре обязан привести соответствующие доводы. Для этого, по мнению А.В. Степанюк в таких случаях необходимо привлекать экспертов-лингвистов и искусствоведов для дачи экспертного заключения. [4, с. 112].

Применительно к вандализму возникает проблема определения критериев «общественного места», в котором осуществляется порча имущества.

Данный признак объективной стороны преступления присущ только вандализму. Д.А. Фудельман считает, что «под общественными следует понимать любые места, расположенные как в черте населенных пунктов, так и за его пределами, вне жилых помещений, открытые для свободного доступа граждан как в определенное время, так и постоянно, предназначенные для общего пользования во время удовлетворения ими в этом месте различных потребностей в формах и способах, не запрещенных законом». [5, с. 112].

По мнению С. В. Розенко общественное место должно соответствовать только одному критерию – свободный (открытый) доступ двух и более человек. [6, с. 100].

По нашему мнению, общественное место должно соответствовать следующим критериям: принадлежность объекта к муниципальной или федеральной форме собственности; открытый доступ для граждан; неограниченный круг субъектов права пользования объектом; предназначение объекта связано с удовлетворением интересов и потребностей граждан в досуге, отдыхе, транспортных коммуникациях, образовании, здравоохранении, отправлении естественных потребностей.

Анализируя признаки объективной стороны указанного преступления, весьма проблематично выделить его отличительные особенности от умышленного повреждения чужого имущества. Эти затруднения связаны с тем, что зафиксированные в диспозиции статьи 214 УК РФ признаки преступления выражены абстрактными понятиями и схожи с признаками умышленного повреждения чужого имущества, предусмотренного статьей 167 УК РФ.

Так, в комментарии к статье 214 УК РФ Г.А. Есаков указывает, что одно из альтернативных действий объективной стороны вандализма характеризуется порчей имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах, то есть его повреждением. В то же время, комментируя статью 167 УК РФ, он разъясняет, что повреждение чужого имущества характеризуется частичной утратой им своих свойств, повреждением, требующим ремонта, и т.п. Применение таких терминов влечет их неоднозначное толкование в практической деятельности правоохранительных органов, что подтверждается изучением материалов уголовных дел. [7, с. 137].

Проблема видится в том, что отсутствует отдельное разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации по рассматриваемому вопросу, а положений, которые содержатся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [8] и от 15 ноября 2007 года № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» [9], явно недостаточно.

Список литературы

1. Коржанский Н. И. *Объект посягательства и квалификация преступлений. Учебное пос.* – Волгоград: НИ и РИО ВСШ МВД СССР, – 1976. – 120 с.

2. Веремеенко И. И. Сущность и понятие общественного порядка // Советское государство и право. – 1982. – № 3. – С. 22-29.

3. Анохин Л. Н. Объект и объективная сторона вандализма // Научный альманах. – 2020. – № 4-3 (66). – С. 12 – 14.

4. Болдырева М.Л., Степанюк А.В. Проблемы уголовно-правовой оценки осквернения как признака вандализма // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 5-6. С. – 12-14.

5. Фудельман Д.А. Общественное место как элемент криминологической характеристики насильственных преступлений, совершаемых в общественных местах // Проблемы взаимодействия международного и национального права в условиях глобализации. Мат-лы Пятой международной научно-практической конференции, посвященной памяти основателя уральской уголовно-правовой школы, Заслуженного деятеля науки РФ, д. ю. н., проф. М. И. Ковалева, (Екатеринбург, 9–10 февраля 2008 г.) / отв. ред. и автор. предисл. И.Я. Козаченко. Екатеринбург, – 2008. – С. 112-114.

6. Розенко С. В. Вандализм как преступление экстремистской направленности/ // Правоведение. Известия высших учебных заведений: научно-теоретический журнал. – 2009. – № 6. – С. 191-202.

7. Тепляков В.П. Понятие вандализма в уголовном законодательстве России // Проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (16 ноября 2012 г.). Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД РФ, 2013. – С. 136-139.

8. Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 года № 11 // СПС «КонсультантПлюс»

9. Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 года № 45 // СПС «КонсультантПлюс»

© Р.А. Бадалян, 2021

УДК: 343.98

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Барабашова Екатерина Вячеславовна,

Студентка 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Демидченко Юрий Викторович

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье особое внимание уделено особенностям правового регулирования расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними. Рассматриваются вопросы производства отдельных следственных действий, избрания мер принуждения, применяемых к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому

Ключевые слова: несовершеннолетний подозреваемый, несовершеннолетний обвиняемый, допрос, меры принуждения, меры пресечения, ознакомление с материалами уголовного дела.

UDC: 343.98

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY MINORS

Barabashova Ekaterina Vyacheslavovna,

Scientific supervisor: Demidchenko Yuri Viktorovich

Abstract: The article pays special attention to the peculiarities of the legal regulation of the investigation of crimes committed by minors. The issues of the production of certain investigative actions, the selection of coercive measures applied to the juvenile suspect, the accused are considered.

Keywords: minor suspect, minor accused, interrogation, coercive measures, preventive measures, familiarization with the materials of the criminal case.

Расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними, имеет определенные характеристики, которые закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве и связаны с особой защитой,

предоставляемой государством несовершеннолетним, в том числе совершившим преступление. Это связано с категорией лиц, совершивших уголовные преступления, то есть подозреваемыми и обвиняемыми в таких уголовных процессах являются несовершеннолетние, которые в силу своего возраста и интеллектуального развития не в полной мере осведомлены о произошедшем, не отстаивают свои права и не исполняют свои обязанности.

Очная ставка – следственное действие, состоящее из одновременного допроса в присутствии друг друга ранее допрошенных людей, давших противоречивые показания, с целью установления причин противоречий, устранения этих противоречий (значимых) и установления истины. об условиях. Очные ставки могут проводиться между двумя и более несовершеннолетними, а также между несовершеннолетними и взрослыми во всех возможных вариантах.

При решении вопроса о целесообразности и возможности производства очной ставки нужно учитывать, что устранить противоречия возможно и иными способами, но психологически противостояние – наиболее эффективный метод, поскольку аргументы в пользу той или иной позиции выдвигаются не самими людьми. Следователь выдвигает преступления одного из участников (очевидцев) в качестве оппонента и непосредственно в присутствии другого участника (очевидцев) того же правонарушения. Основными условиями проведения очной ставки являются: досрочное допрос участников, наличие существенных противоречий в ранее данных показаниях относительно обстоятельств дела, согласие обоих допрашиваемых на участие в очной ставке [1, с 73–74, с. 91]. Есть мнения, что противостояние может быть «тактическим», т.е. за незначительные противоречия. Их хорошо подготовленное и организованное производство якобы дает следователю желаемое впечатление о силе и объеме доказательств и приводит к значительному повышению эффективности последующих следственных действий, включая очные ставки даже при наличии значительных противоречий. [2, с. 38]. Подобная тактика противостояния с участием несовершеннолетних недопустима, так как противоречит закону, который предписывает проведение очных ставок только в случае существенных противоречий, в остальных случаях очную ставку следует рассматривать как психологическое принуждение [3, с. 74]; кроме того, неоднократные очные ставки между одними и теми же лицами, к тому же – несовершеннолетними, крайне нежелательны. Если на допросе несовершеннолетний отказался от дачи показаний, а очную ставку по тем

или иным причинам решено все же проводить, то, как верно полагают специалисты [4, с. 24–27], теряется одно из основных необходимых условий производства очной ставки, поскольку отсутствуют не только противоречия, но и сами показания одного из потенциальных участников очной ставки. Между тем среди ученых встречаются предложения, оправдывающие практику производства очной ставки в отсутствии всех необходимых на то условий [5, с. 173–174], есть и те, кто настоятельно призывает пересмотреть учебники для подготовки специалистов в части производства следственных действий, в частности очной ставки по отдельным тактическим и процессуальным соображениям [6, с. 46–48]. Даже, если получено личное согласие на участие в очной ставке, т.е. процессуальный порядок соблюден, то основание, точнее – одно из оснований производства очной ставки все равно отсутствует, следовательно, теряются цель и сущность очной ставки. Нарушение установленного нормативного порядка проведения очной ставки влечет нарушение принципа законности, а также процессуальных гарантий участников процедуры. Следовательно, если обвиняемый (подозреваемый) отказывается от дачи показаний во время допроса, следователь не имеет права на очную ставку, даже если на это было дано согласие или даже запрос был получен.

Остановимся на особенностях тактики осмотра места происшествия по делам об убийствах, совершенных несовершеннолетними.

«Осмотр места происшествия является исключительно важным, неотложным следственным действием. Его изучению в юридической литературе посвящено достаточно большое количество научных работ» [1, с. 184].

На мой взгляд, осмотр места происшествия является следственным действием, которое во многих случаях, в том числе при расследовании убийств, совершенных несовершеннолетними, гарантирует благополучное раскрытие преступлений.

Осмотр места происшествия – это «Неотложная следственная мера, заключающаяся в непосредственном восприятии места или помещения следователем (лицом, проводящим расследование)» [2, с. 44].

Целью производства осмотра места происшествия по делам об убийствах является «изучение ситуации убийства, получение данных о времени, механизме, способе, следах и объектах – носителях информации. О возможных преступниках и других данных, имеющих отношение к делу» [3, с. 46].

Следует отметить, что «... данные, полученные при осмотре места происшествия, которые в совокупности составят отдельные элементы криминалистической характеристики преступления, помогут следователю собрать необходимую информацию о происшествии, предмет преступного посягательства» [4, с. 179].

При наличии информации о том, что убийство совершено подростками, в предусмотренном расследовании должны участвовать сотрудники отделов по делам молодежи, знакомые с лицами, которые могут совершить правонарушения и преступления в данной местности.

Важное значение имеют личность, опыт и специализация следователя, производящего осмотр места убийства, совершенного несовершеннолетним. В данном случае следователю, чтобы определиться с субъектом посягательства, обнаружить возможное наличие и место нахождения следов посягательства и объективно оценить их совокупность для выдвижения следственных трактовок, нужно, чтобы он имел опыт в расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними, а также весьма высокий уровень познаний в области общей подростковой психологии.

Поэтому предпочтительно, чтобы осмотр помещения проводился лично следователем, специализирующимся на расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Соответственно, если следователь подозревает, что убийство было совершено несовершеннолетним, рассматриваемые следственные действия должны быть направлены на установление типичных криминалистических признаков убийства, совершенного несовершеннолетними.

Процесс отражения действий несовершеннолетнего на месте убийства заключается в том, что, как правило, в материальной среде раскрываются многие личностные характеристики несовершеннолетнего, что позволяет следователю на основе анализа выявленных следы, чтобы установить отдельные обстоятельства убийства.

Информацию об обстоятельствах происшествия и личности преступника можно получить, изучив следы рук, обуви, ступней, зубов и предметов, на которых остались эти следы. Именно благодаря изучению этого набора следов можно выдвинуть версию о том, что убийство было совершено несовершеннолетним. Так, приблизительный возраст несовершеннолетнего можно установить по размеру следов рук и количеству папиллярных линий на единицу длины. Найденные на месте преступления биологические следы, микрообъекты и волосы при

производстве соответствующей экспертизы обеспечивают установление возраста и пола оставивших их лиц.

В случае обнаружения на теле жертвы убийства большого количества телесных повреждений это служит основанием для изложения версии убийства, совершенного несовершеннолетним. Результаты предпринятых действий должны найти свое отражение в материалах уголовного дела.

Поза трупа жертвы, находящиеся в руках, нередко свидетельствуют об обстоятельствах, предшествующих совершению убийства. Например, «по уголовному делу по обвинению несовершеннолетних К., 17 лет, С., 16 лет в грабеже и убийстве проживавших совместно Л., 65 лет, и Р., 68 лет, было установлено, что убийство Л. происходило на глазах у Р., когда тот, положив голову на стол, находился достаточно длительный промежуток времени под лезвием топора, а после его убийства, преступные действия подростков были направлены на лишение жизни Р., которая держала в руках молитвослов и молила о пощаде» [5, с. 336].

При осмотре места происшествия также необходимо получить информацию о продолжительности пребывания несовершеннолетнего и времени, затраченном на начало реализации преступных умыслов.

Ю.Р. Орлова считает, что «несовершеннолетним присуща алогичность действий при совершении преступлений» [10, с. 67]. Следует добавить, что заранее обдуманное убийство для несовершеннолетних не характерно. Часто действуют ситуативно, с внезапным намерением, при этом несовершеннолетние иногда не задумываются о деталях своего совершения, даже когда совершают заранее подготовленные убийства.

Изучение обстоятельств и воспитания подростка дает следователям не только возможность выявить обстоятельства, подлежащие доказыванию, но и учесть среду, в которой формируется личность несовершеннолетнего.

Получая информацию об индивидуальных характеристиках, присущих несовершеннолетнему подозреваемому, следователь в процессе осмотра места происшествия должен проверить наличие следов и других вещественных доказательств, подтверждающих и детализирующих их.

Таким образом, все вышеизложенное указывает на то, что осмотр на месте убийств, совершенных несовершеннолетними, представляет собой важное и обязательное следственное действие, всегда необходимое при установлении всех видов преступлений, совершенных несовершеннолетними.

Список литературы

1. Артамонова Е.А. О правомерности производства очной ставки с обвиняемым, отказавшимся от дачи показаний / Е.А. Артамонова // *Российский судья*. – 2017. – № 9. – С. 24–27.
2. Белкин Р.С., Лившиц, Е.М. Тактика следственных действий [текст] / Р.С. Белкин, Е.М. Лившиц. – М.,1997. – 176 с.
3. Брусницын Л.В. Меры безопасности для содействующих уголовному правосудию: Л.В. Брусницын // *Государство и право*. – 1998. – № 9. – С. 47–48.
4. Драпкин Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций. Следственные ситуации и раскрытие преступлений. – Свердловск, 1975. – 345 с.
5. Желтобрюхов С.П. Новая разновидность допроса, способная заменить очную ставку С.П. Желтобрюхов // *Российская юстиция*. – 2017. – № 9. – С. 26–29.
6. Мамонов В.С., Степанов В.В. Осмотр места происшествия: правовые, научные основы и практика применения. М.:2010. – 184 с.
7. Матусовский Г.А. Формирование криминалистических характеристик хищений // *Расследование хищений государственного и общественного имущества*. Харьков, 1987. – С. 57-60.
8. Минина С.П. Преступность несовершеннолетних, СПб., 1998. – 44 с.
9. Пантелеев И.Ф. Методика расследования преступлений. М.: ВЮЗИ, 1975. – 46 с.
10. Орлова Ю. Р. Особенности расследования и предупреждения преступлений несовершеннолетних: учеб. пособие / Ю. Р. Орлова. –2007. – 179 с.

© Е.В. Барабашова, 2021

УДК: 343.97

РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Бодиков Олег Геннадьевич,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Фаргиев Ибрагим Аюбович,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье дается анализ состояния разбойных нападений, представлена криминологическая характеристика количественных и качественных показателей данных преступлений. На основе проведенного исследования выявлена следующая тенденция: несмотря на сокращение числа зарегистрированных разбойных нападений, вызывает опасение ухудшение их количественных показателей, что может отразиться в ближайшей перспективе на динамике разбоев.

Ключевые слова: разбой, разбойные нападения, преступления, состояние, тенденции, корыстно-насильственная преступность.

UDC: 343.97

ROBBERIES: THE STATE AND TRENDS OF DEVELOPMENT

Bodikov Oleg Gennadievich,

Scientific adviser: Fargiev Ibrahim Ayubovich

Abstract: the article analyzes the state of robberies, presents criminological characteristics of quantitative and qualitative indicators of these crimes. Based on the conducted research, the following trend has been revealed: despite the reduction in the number of registered robberies, there is concern about the deterioration of their quantitative indicators, which may affect the dynamics of robberies in the near future.

Key words: robbery, assaults, crimes, condition, trends, mercenary and violent crime.

К самым распространенным видам преступности, как в мире, так и в России, традиционно относятся корыстные преступления. Анализ уровня

корыстной преступности позволил В.В. Лунееву сделать неблагоприятный прогноз: «среднестатистически в течение года их число может превышать даже саму численность населения» [1, с. 242].

На этом фоне очень ярко проявляются тяжкие и особо тяжкие корыстно-насильственные преступления. Корыстно-насильственная преступность, в систему которой входят разбойные нападения, как и преступность в целом, представляет собой сложное негативное явление, имеющее внешние характеристики, демонстрирующие, как оно проявляется в обществе – социальную направленность, территориальную распространенность, проявление в различных сферах жизнедеятельности людей и его устойчивость. С.А. Солодовников, проводя анализ корыстно-насильственной преступности, отмечает, что разбои необходимо изучать не только самостоятельно, но и в системе корыстно-насильственной преступности, и всей преступности в целом. Преступность представляет собой систему, поэтому одни преступления причинно связаны с другими, иные являются реакцией на них. Изучение судебной статистики показывает, что разбои остро реагируют на криминальную ситуацию, связанную с убийствами, причинением тяжкого вреда здоровью, бандитизмом. Более того, динамика разбойных нападений зависит от раскрываемости как данных деяний, так и от раскрываемости убийств, причинений тяжкого вреда здоровью, бандитизма, а также от эффективной реализации принципа неотвратимости ответственности. Это, в свою очередь, влияет на тенденции данных преступлений и изменение их характера [2, с. 58-59].

Несмотря на то, что статистические данные о зарегистрированных преступлениях не всегда четко отражают уровень криминализации нашего общества, без них невозможно дать оценку криминогенной ситуации. Оценка тенденций развития преступности должна основываться на данных о ее состоянии [3, с. 103].

Под состоянием преступности понимается показатель преступности, который определяется общим количеством совершенных преступлений, а также числом лиц, их совершивших, на определенной территории за конкретный период времени. При этом следует иметь в виду, что число преступлений не всегда совпадает с числом лиц, их совершивших, так как одно преступление может быть совершено группой лиц, а одно лицо зачастую совершает несколько преступлений. Состояние преступности, во-первых, отражает состояние самого явления и, во-вторых, ориентирует для организации работы по борьбе с ней [4, с. 12].

Итак, в группе корыстно-насильственных преступлений наиболее высокую общественную опасность представляют разбойные нападения. Разбой является также наиболее опасной формой хищения. Его опасность как посягательства на собственность заключается главным образом в способе посягательства – в нападении, соединенном с реальным применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия.

Что касается динамики разбойных нападений, то в общей структуре преступности его доля в 2020 г. составила 5,5 тыс. При этом не раскрыто 637 разбойных нападений. В январе-сентябре 2021 г. количество разбоев сократилось на 18,5 %. Следует отметить, что для предыдущих десятилетий был характерен значительный рост числа зарегистрированных разбоев в России. Так, в 2015 г. было зарегистрировано 13,4 тыс. разбойных нападений, в 2010 г. – 24,5 тыс., в 2005 г. – 63,7 тыс., в 2003 г. – 48,7 тыс. [5]. Приведенные данные свидетельствуют об общей тенденции снижения данных преступлений.

Однако, несмотря на то, что цифры указывают на уменьшение количества зарегистрированных разбоев, их качественная характеристика является не благоприятной. Из общего числа разбоев подавляющее их число совершается при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах. В отличие от других преступлений разбой представляет собой групповое деяние.

Предметом разбойных нападений являются деньги, включая иностранную валюту, ювелирные изделия, автомобили, бытовая и аудиотехника, одежда. Потерпевшими от разбойных нападений часто становятся граждане, находившиеся в состоянии алкогольного опьянения. Подавляющее число случаев разбоев совершается с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Разбой – это преступление, характерное для городов, пригородных зон и поселков городского типа. Как правило данные преступления совершаются в вечернее и ночное время на улицах, в парках и скверах. Как правило, это безлюдные улицы, глухие дворы и неосвещенные общественные места, а также подъезды домов и лифты.

Наиболее распространенными местами совершения разбойных нападений являются жилища и иные помещения, дороги и трассы. Так, в 2020 г. каждое восьмое разбойное нападение (12,5 %) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. На дорогах и трассах вне населенных пунктов совершено 41 разбойное нападение [5].

Д.В. Барченков отмечает, что квартирный разбой является распространенным посягательством, поскольку именно там хранятся материальные ценности. Довольно часто преступники проникают в квартиры обманным путем, выдавая себя за представителей власти или работников жилищно-коммунальных служб. Квартирные разбои характеризуются тщательной подготовкой и часто совершаются организованными группами. Наиболее опасной разновидностью разбоя является посягательство, совершенное на автодорогах. Все его случаи совершены группами лиц, более половины из которых признаны организованными, преступники использовали оружие, причем в 75 % – огнестрельное [6, с. 18].

Изучение лиц, совершивших разбойные нападения, показывает, что в подавляющем числе случаев данное преступление совершаются мужчинами. Доля женщин среди них незначительна и не превышает 5 – 6 %. В последнее время наблюдается тенденция, когда женщины все чаще выступают не как пособники, а как исполнители разбоев. Так, преступная группировка, действовала в течение пятнадцати лет на территории Ростовской области. Банда «амазонок», являвшаяся одной из самых жестоких банд России начала XXI век, получила свое название из-за того, что в ее состав входили женщины. Помимо трех десятков убийств, на их счету свыше сотни краж и десятки разбоев [7].

Подавляющее число разбоев совершается лицами молодого возраста. Значительная часть разбоев совершается лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. Увеличивается количество лиц, совершивших разбой в состоянии наркотического опьянения, что объясняется продолжающейся наркотизацией нашей страны [6, с. 20].

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о достаточно серьезной проблеме. Несмотря на сокращение числа зарегистрированных разбойных нападений, вызывает опасение ухудшение их количественных показателей, что может отразиться в ближайшей перспективе на динамике разбоев. Состояние и тенденции преступности зависят от ситуации в обществе, социальных условий, результатов борьбы с преступностью. Кроме того, динамика разбойных нападений зависит от раскрываемости данных деяний и от эффективной реализации принципа неотвратимости ответственности. Это, в свою очередь, влияет на тенденции данных преступлений и изменение их характера.

Список литературы

1. *Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции* / Лунеев В.В. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 912 с.
2. *Солодовников С.А. Криминальная экономика и насильственные преступления против собственности граждан.* – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – 319 с.
3. *Серегина Е.В., Теплая Н.В. Криминологическая характеристика преступности в регионе: состояние и тенденции развития (на примере Ростовской области) // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство; право и управление.* – 2021. – №5 (132). – С. 103-109.
4. *Серегина Е.В., Москалева Е.Н. Криминология: учебное пособие.* – М.: РГУП, 2018. – 232 с.
5. *Министерство Внутренних дел РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/> (14.10.2021).*
6. *Барченков Д.В. Разбой: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореферат дис. ... к.ю.н.* – Рязань, 2002. – 22 с.
7. *Приговор банды амазонок. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rostov.kp.ru/daily/26765/3797781/> (14.10.2021).*

© О.Г. Бодиков, 2021

УДК: 34

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОДОРОЛОГИИ

Боровик Олеся Сергеевна,

Студент 3 курса

Ростовского филиала ГКОУВО

«Российская таможенная академия»

Научный руководитель:

Розава Инга Георгиевна

старший преподаватель кафедры

уголовно-правовых дисциплин

Ростовского филиала ГКОУВО

«Российская таможенная академия»

Аннотация: *Запах тела человека – важный источник личностной информации, что позволяет выявить преступника по оставленным им*

запаховым следам. Ольфакторный метод обрел реальное значение для расследования преступлений с разработкой научно обоснованных методик проведения судебной экспертизы запаховых следов человека с применением собак-детекторов. Криминалистическая одорология является перспективным направлением в системе раскрытия и расследования преступлений. Идея использования результатов одорологического метода в доказывании основывалась на появившейся возможности осуществлять идентификацию человека по запаху. В работе подробно исследованы проблемные вопросы использования криминалистической одорологии в естественно-научном и техническом, процессуальном, этическом и тактическом аспектах.

Ключевые слова: криминалистическая одорология, аспекты одорологического метода, доказательственное значение применения криминалистической одорологии в раскрытии и расследовании преступлений, следы запаха, доказательства, доказывание.

UDC: 34

PROBLEMS OF CRIMINALISTIC DOROLOGY

Borovik Olesya Sergeevna,

Scientific adviser: Rogava Inga Georgievna

Abstract: *The smell of the human body is an important source of personal information, which makes it possible to identify the culprit by the odor traces left by him. The olfactory method has gained real significance for the investigation of crimes with the development of scientifically grounded methods of forensic examination of human odor traces using dog-detectors. Forensic odorology is a promising direction in the system of disclosing and investigating crimes. The idea of using the results of the odorological method in proving was based on the emerging possibility of identifying a person by smell. The work examines in detail the problematic issues of the use of forensic odorology in natural science and technical, procedural, ethical and tactical aspects.*

Keywords: *forensic odorology, aspects of the odorological method, evidentiary value of the use of forensic odorology in the disclosure and investigation of crimes, traces of odor, evidence, proof.*

В ходе расследования, а также выявления преступных деяний весьма важно концентрировать внимание на следах, которые были оставлены на месте преступления, и которые, в свою очередь, невозможно каким-либо образом замаскировать или же вовсе их уничтожить. Именно такой раздел

в криминалистике как одорология занимается исследованием запаховых следов.

Запах же представляет собой одно из свойств материального объекта, которое воспринимается индивидом или животным с помощью обоняния [5, с. 338].

Криминалистическая одорология (как отрасль криминалистической техники) – это система научных способов и технических средств выявления, исследования, изъятия, а также хранения запаховых следов с целью их дальнейшего применения на предварительном следствии для установления определенного лица, принадлежащих ему предметов, важных документов, вещей и других объектов по индивидуальному запаху. То есть, можно сказать, что криминалистическая одорология считается наиболее актуальным и перспективным направлением, в пределах которого изучаются запаховые следы, сущность их возникновения, соответствие с личностью лица, совершившего преступление [7, с. 178].

Когда же возникла данная наука? Криминалистическая одорология начала развиваться в начале 60-х годов в связи с разработкой командой советских ученых-криминалистов следов и способности отождествления по ним индивида. К данным криминалистам следует отнести Винберга А., Майорова М., Тодорова Р., Безрукова В. Возникновению одорологии также поспособствовало бурное развитие естественных и технических наук. Впервые информация о применении запаховых следов появились в начале 50-х годов после разработок способов масспектроскопии, создания оборудования, которые позволяли производить исследования. Уже в 1906 году появляется организация розыскной службы собак в России. В 1908 году в Петербурге было создано «Общество поощрения собак в полицейской сторожевой службе». Во многих городах стали открываться специализированные школы и питомники. В 1924 году было принято Положение о Народном комиссариате внутренних дел, в котором важная роль отводилась в борьбе с преступностью розыскному собаководству. В 1954 году было разработано «Наставление по служебно-розыскному собаководству», которое было построено на научных основах использования розыскных собак в оперативно-розыскной и следственной практике. И по сегодняшний день научный и практический интерес к науке – одорологии не ослабевает. Все больше в практике встречается случаи назначения подобного рода исследований [3, с. 111].

На практике многие специалисты относятся недоверчиво к производству одорологического исследования и это недоверие

обуславливается рядом причин. Необходимо отметить, что суть данного вида исследования сводится к сбору и консервированию запаховых следов при проведении следственных операций. По причине того, что индивид не владеет возможностью разобрать все без исключения запахов, находящихся вокруг него, применяется помощь детектора. Данным детектором выступает специально обученная собака, обладающая наиболее значительной способностью воспринимать запахи, нежели оборудование или же индивид. Служебная собака воспринимает запаховые следы, потом уже совершается процедура выборки в герметичном помещении с применением десяти проб. Если же собака обнаружила среди проб запах, который по-своему схож обнаруженному на месте совершения преступления, то собака принимает конкретную, ранее обученную позу. Нередко используются специально обученные, дрессированные собаки и унифицированные носители запаха с целью получения наиболее точных результатов, которые бы являлись точными и убедительными [6, с. 229].

Но в теории одорологического исследования имеется большое число противников. Это выражается в том, что критики подвергают сомнению подлинность и достоверность приобретенных сведений, относясь в свою очередь с сомнениями к «живому» детектору. Можно сказать, что собака в своем роде представляется в качестве специалиста, оценивающего и сопоставляющего запаховые следы. Приверженцы данного довода отмечают, что судебно-медицинская экспертиза назначается в то время, если необходимы специализированные знания в той или другой сфере [4, с. 397]. Выходит так, что в этом случае специализированными познаниями обладает собака, что противоречит общепризнанным нормам и принципам закона. Но, это совсем не так, собака в этом случае представляется не в качестве специалиста, а в качестве, можно сказать, прибора, помогающего установить и сопоставить специфические следы. Заключение предоставляет эксперт и также дает оценку не только на реакцию собаки, а и на требования сбора и хранения следов.

Необходимо отметить, что довольно-таки важной проблемой выступает некомпетентность лиц, которые обеспечивают сбор запахового следа. Нередко на место преступления вызывают криминалиста или же кинолога, у которых отсутствуют специальные оборудования и знания, которые обеспечивают сбор запаховых следов. Так, например, может произойти ситуация, где в один пакет могут помещаться ряд носителей, в результате чего естественные запаховые следы смешиваются и выветриваются. Помимо этого, отсутствуют специальные лаборатории, в которых бы осуществлялось хранение приобретенных следов в

необходимых условиях. Именно данные действия оказывают воздействие на достоверность и точность приобретенных результатов, снижается подлинность полученных сведений. В ходе проведения исследования присутствует кроме эксперта и собаки еще и кинолог, координирующий работу и поведение собаки. Значимость кинолога заключается в слежении за поведением собаки, при этом в его полномочия не входит права подписывать заключение, предоставлять свои оценки и выводы.

Но, помимо критиков одорологического исследования есть и сторонники. Так, например, Северцов А.Н., который является директором Института эволюционной морфологии и экологии животных отмечает, что основы одорологического исследования целиком соответствуют условиям нынешней науки и экспериментальной техники. Данные методики, а также улучшенные способы исследований дают возможность осуществлять анализ зоологических предметов, помимо следов. Это доказывает подлинность результатов, проведенный на биологических материалах, которые были собраны в естественных обстоятельствах. Нужно сосредоточить свое внимание и на то, что индивидуальность и генетическая заложенность запаха человека подтверждена наукой, по этой причине собаки без каких-либо усилий могут определить индивида, которым был оставлен след [8, с. 357].

Криминалист Брушковский К.Б. считает, что такая наука как одорология очень важна. Это объясняется тем, что на практике совершается много преступных деяний и перед органами стоит много задач, которые направлены на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений. Если еще несколько десятков лет назад преступники оставляли после себя традиционные следы, то есть следы рук, ног, то в настоящее время органы расследования встречают мало таких следов. Это значит, что современные преступники осведомлены о методах работы правоохранительных органов и делают все возможное, чтобы скрыть следы [2, с. 162].

Хотелось бы отметить, что существует распространенное неверное суждение того, что рассматриваемая нами экспертиза используется лишь только на территории РФ, а другие страны не считают ее достоверной. Кроме РФ, достижение одорологии используются в Казахстане, Белоруссии, Чехии, Германии. В 2016 году журнал под названием PLOS ONE разместил исследования нейробиологов Лионского института, которые базировались на материале криминалистических лабораторий полиции Франции и пришли к выводу, что в 85% случаев собаки достаточно верно распознают персональный запаховый след [1, с. 185].

Необходимо отметить, что существует такая проблема, которая носит характер этической. Наравне с противоречиями процессуального характера, противники использования одорологического метода в доказывании значительную роль отводят именно этой проблеме. Основное из этического порядка – это унижение достоинства людей, которые подвергаются выборке. Также, как и при решении проблемы о самой допустимости использования данного метода, аспект к определению его этичности носит двусмысленный характер. Так, например, если данный метод применяется в оперативно-розыскной деятельности, то нравственный характер не вызывает сомнений, если же выборка производится при доказывании, то здесь уже все «недопустимо, нетерпимо и оскорбительно».

Что же касается тактического аспекта проблемы, то данные тактические приемы проведения выборки должны обеспечить достоверность, объективность и наглядность ее результатов. Знакомство с отечественной практикой проведения выборок, с опытом органов внутренних дел других государств в этой сфере демонстрирует, что отмеченные задачи могут быть решены путем использования таких способов как: использование лишь собак, которые специально дрессированы для этих целей; применение унифицированных предметов, то есть запахоносителей, которые бы не отличались друг от друга своим внешним видом, что обеспечивало бы выборку только по запаху.

Так же пробелом в этом направлении считается отсутствие созданных интернациональных стандартов подготовки собак с целью выполнения аналогичных исследований. Любое государство накапливает на данной стадии собственный опыт. Поэтому следует создать общие принципы и концепции, которые бы позволили единообразно обучать собак, но и не стоит забывать уделять внимание обучению экспертов.

Проанализировав учебную литературу, можно сделать вывод, что рассматриваемая нами наука – одорология считается перспективным и актуальным направлением криминалистической техники. Поэтому:

1. Следует регулярно улучшать технологии и средства выявления, изъятия, хранения, а также применения запаховых следов, которые довольно-таки трудно определяются человеческим обонянием, но тем не менее отличаются правильностью и результативностью.

2. Необходимо совершенствовать данное направление на территории России и регулярно создавать новые отделения, которые специализируются на одорологическом исследовании.

3. Нужно создавать достойную материально-техническую и организационно-методическую базу, благодаря которой специалисты смогут обращаться к помощи собак, а это означает, что и повысится уровень раскрываемости преступлений в РФ.

Список литературы

1. Акмалова В.Р. Проблемы использования криминалистической одорологии в раскрытии и расследовании преступлений // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XXI междунар. студ. науч.-практ. конф. №10 (21). – 185 с.

2. Брушковский К.Б. Одорология: проблемы и перспективы / Брушковский К.Б. // Проблемы права. – 2010. – №1. – С. 159-162.

3. Белкин, Р.С. Криминалистика. Краткая энциклопедия / Р.С. Белкин. – М.: БРЭ, 2016. – 111 с.

4. Ищенко Е.П. Новый век криминалистики. Часть 1 // под ред. Е.П. Ищенко. – Изд-во «Проспект». 2017. – С. 397.

5. Криминалистика. Учебник. – М.: Юрайт, 2018. – 338 с.

6. Ревенко Н.И. Применение служебно-розыскных собак в раскрытии преступлений // Вестник ОмГУ. – 2009. – №4 – С. 227-229.

7. Топорков, Анатолий Криминалистика / Анатолий Топорков. – М.: КноРус, 2016. – 178 с.

8. Черчен О.А. Предмет и история развития криминалистической одорологии // Царскосельские чтения. 2015. №XIX. – 357 с.

© О.С. Боровик, 2021

УДК: 343.13

ТАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Висарханова Аминат Мовсаровна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Демидченко Юрий Викторович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье рассматриваются тактические особенности взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Анализируются определения различных авторов на понятие «взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность» и исследуются нормы действующего законодательства по рассматриваемому вопросу. Называются отличительные особенности и дается авторское определение взаимодействия. Рассматриваются формы взаимодействия.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, тактика, взаимодействие, следователь, оперативно-розыскные органы.

UDC: 343.13

TACTICS OF INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH THE BODIES CARRYING OUT OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

*Visarkhanova Aminat Movsarovna,
Supervisor: Demidchenko Yuri Viktorovich*

Abstract: the article discusses the tactical features of the interaction of the investigator with the bodies carrying out operational-search activities. The definitions of various authors on the concept of "interaction of an investigator with the bodies carrying out operational-search activities" are analyzed and the norms of the current legislation on the issue under consideration are examined. Distinctive features are named and the author's definition of interaction is given. The forms of interaction are considered.

Keywords: criminal proceedings, tactics, interaction, investigator, operational-search bodies.

Несмотря на то, что в системе правоохранительных органов России, выделяются следственные органы, специально уполномоченные вести расследование и раскрытие преступления, следует констатировать, что для достижения ощутимых результатов в борьбе с преступностью необходима более эффективная работа по выявлению преступлений, предполагающая более высокий уровень взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания.

Следует отметить, что сегодня наблюдается отсутствие единства подходов к определению понятия взаимодействия следователя с органами дознания. Так, по мнению Х.Д. Хошимова, «взаимодействие – это согласованная по целям и задачам деятельность следователей с оперативными сотрудниками, направленная на предотвращение,

раскрытие, полное и объективное расследование преступлений и привлечение виновных к уголовной ответственности» [6, с. 89].

А.Х. Хорхоруни, определяет взаимодействие следователя и органов дознания как «основанную на законе, ведомственных и межведомственных нормативных актах, согласованную по месту, времени и цели, совместную деятельность следователя и органов дознания, направленное на достижение задач уголовного судопроизводства» [5, с. 79].

По мнению Н.С. Бурнашева взаимодействие следователя с органами дознания представляет собой «основанную на законе и подзаконных актах совместную и скоординированную деятельность следователей с сотрудниками уголовного розыска и других служб ОВД, осуществляемую в целях успешного раскрытия, расследования и предотвращения преступлений» [3, с. 204].

И.Ф. Герасимов и Е.В. Цыпленкова определяют взаимодействие органов предварительного следствия и дознания как «правильное сочетание и эффективное использование присущих каждому из этих органов полномочий и методов работы, основанных на законе, направленных на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений» [3, с. 72].

Более полный подход к определению понятия взаимодействия был предложен Р.С. Белкин, который определил, что «взаимодействие субъектов доказывания является одной из форм организации расследования преступлений, которая заключается в правовом взаимодействии следователя с органом дознания, согласованном по цели, месту и времени и осуществляемом в пределах их компетенции с целью полного и быстрого раскрытия преступлений, всестороннего и объективного расследования уголовного дела и розыска скрывающихся преступников, похищенных ценностей и других существенных по делу предметов» [2, с. 31].

Анализ действующего законодательства и мнений ученых по вопросам взаимодействия следователя с органами дознания позволили выделить следующие характерные (отличительные) особенности такого взаимодействия:

во-первых, взаимодействие основывается на законодательных (УПК РФ, ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ФЗ «О полиции» и др.) и подзаконных нормативных актах;

во-вторых, представляет собой совместную деятельность субъектов;

в-третьих, данная деятельность носит плановый характер;

в-четвертых, согласованность между участниками взаимодействия в части целей, места и времени;

в-пятых, в процессе осуществления взаимодействия необходимо обеспечить эффективную расстановку сил и всестороннее использование методов и средств следствия и дознания;

в-шестых, следователь и сотрудники органов дознания не подчиняются друг другу и организационно независимы друг от друга;

в-седьмых, каждый из участников взаимодействия имеет свою роль, свою задачу, компетенцию (полномочия) для решения задач в рамках осуществляемого взаимодействия.

в-восьмых, ведущая, организующая роль в этой деятельности принадлежит следователю, поскольку именно он несет ответственность за результаты расследования уголовного дела;

и, наконец, в-девятых, данная деятельность направлена на достижение назначения уголовного судопроизводства и решение возникающих проблем.

Взаимодействие следователя с органами дознания складывается из различных связей и взаимоотношений между ними, которые широки и разнообразны. Конкретные способы и порядок этих связей выражены в определенных формах. В современных условиях, с учетом положений действующего законодательства, совместная работа следователя с органами дознания – оперативными подразделениями может осуществляться в двух основных формах: процессуальной и непроцессуальной (организационной).

Процессуальные виды взаимодействия являются исчерпывающими и перечислены в ст. 38 УПК РФ [1]. К ним относятся следующие:

1) исполнение органами дознания письменных поручений следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий;

2) исполнение органами дознания письменных поручений следователя о производстве следственных действий;

3) исполнение органами дознания постановлений следователя о задержании, изгнании, задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий;

4) содействие органами дознания следователю при производстве процессуальных действий.

Согласно ч. 1 ст. 152 УПК РФ следователь может поручить производство следственных или розыскных действий в другом месте органу дознания, который обязан выполнить поручение следователя в срок не позднее 10 суток.

Следует отметить, что следователь может давать поручение о производстве не всех следственных действий. Некоторые являются лишь прерогативой следователя, по сложившейся следственной практике, хотя на это и нет прямого указания в законе.

Непроцессуальных видов взаимодействия следователя с органами дознания гораздо больше, они не отражены в УПК РФ. На практике наиболее распространенными являются: обмен информацией, взаимные консультации по отдельным вопросам, выполнение заданий, участие в тактических операциях, совместное изучение и оценка имеющихся материалов раскрываемого дела. Могут быть и другие способы непроцессуального взаимодействия.

Названные выше отличительные особенности взаимодействия следователя с органами дознания позволяют дать определению такому взаимодействию: «- это основанная на законе и подзаконных актах совместная деятельность не подчиненных друг другу органов, обеспечивающая эффективное расстановку сил, комплексное использование методов и средств, направленных на решение проблем уголовного судопроизводства, с ведущей и организующей ролью следователя и четким разграничением компетенции участников взаимодействия».

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – М., 1997. – 1342 с.
3. Криминалистика: учебник / Под ред. А.Г. Филиппова. – М.: Юрайт, 2020.
4. Криминалистика: учебник / Под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Дранкина. – М., 1994. – 567 с.
5. Хорхоруни А.Х. Взаимодействие органов дознания и предварительного следствия при расследовании преступлений в Вооруженных Силах Республики Армения: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 143 с.
6. Хошимов Х.Д. Взаимодействие следователя органов внутренних дел и милиции при расследовании уголовных дел: по материалам Республики Таджикистан: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 187 с.

© А.М. Висарханова, 2021

УДК: 343.148

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Воловик Дарья Михайловна,

Магистрант 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Полтавцева Лариса Ивановна,

д.ю.н., профессор,

профессор кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: статья посвящена тенденциям и перспективам развития судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве. Автором подчеркивается, что научно-технический прогресс оказал свое влияние на расширение круга объектов экспертного изучения, что в свою очередь предопределило необходимость интеграции новых технологий в экспертную деятельность. Автором выделяются и анализируются относительно новые приемы и методы, которые используются в судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: уголовное законодательство, судебная экспертиза, научно-технический прогресс, нанотехнологии, дактилоскопическая идентификация, уголовного судопроизводства.

UDC: 343.148

TRENDS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF FORENSIC EXAMINATION

Volovik Darya Mikhailovna,

Scientific Supervisor: Poltavtseva Larisa Ivanovna

Abstract: The article is devoted to trends and prospects of development of forensic examination in criminal proceedings. The author emphasizes that the scientific and technical progress had an impact on the expansion of the range of objects of expert study, which in turn predetermined the need to integrate new technologies into expert activities. The author identifies and analyzes relatively new techniques and methods that are used in forensic activities.

Keywords: *criminal law, forensic examination, expert, nanotechnology, fingerprint identification, criminal proceedings.*

Научно-технический прогресс оказывает решающее влияние на развитие и становление судебной экспертизы, а также на увеличение ее возможностей. При этом невозможно анализировать развитие этой отрасли, ограничившись только одним влиянием.

Кроме научно-технического прогресса на развитие судебной экспертизы влияют социальные факторы, которые показывают закономерности, существовавшие на каждом этапе развития экспертной деятельности. К таким факторам относятся: организация судебно-экспертной деятельности, изучение объектов, обладающих существенным доказательственным значением, проведение оценки полученных результатов экспертизы органом, назначившим ее, и субъектами экспертного исследования. [1, с. 15]. Эти и другие факторы имеют комплексный характер в связи с чем затрудняется их анализ.

Чтобы выделить тенденции изменений и направления развития судебной экспертизы, необходимо изучить сложившуюся практику и провести анализ литературных источников о проблемах судебной экспертизы. К наиболее явным тенденциям и направлениям прогресса судебной экспертизы относятся:

1. Расширение методов исследования что приводит к увеличению разнообразия круга самих объектов исследования и к усложнению процесса проведения исследования;
2. Следственная деятельность ставит постоянно новые, качественно отличающиеся задачи;
3. Внедрение экспертной деятельности в иные области и сферы деятельности человека;
4. Применение компьютерных и цифровых технологий в практике экспертов.

Последние несколько десятков лет круг объектов экспертного изучения расширился. К этому приводит появление устойчивых материалов, которые применяются для приготовления классических предметов, одежды и ее составляющих, конструктивных составляющих транспортных средств, домов и сооружений, отделочных материалов, предметов обстановки и т.д., у инженеров имеется желание к замене металлов полимерными материалами – носителями новых качеств, как с увеличенной устойчивостью, например, подмена железных конструкций легко сплавными и композиционными материалами.

Установка к расширению количества и усложнению экспертных способов определена наличием различных причин, ключевой из которых представляется труд интеграции и дифференциации академического знания. Дифференциация и интеграция академического познания представляется одной из преобладающих направленностей выработки науки. Она играет разрешающую роль в изменении естества имеющихся наук, в выработку новоиспеченных наук данных типов, в течении взаимопроникновения и распространения академических мыслей и методов.

Современное судопроизводство чаще всего малоэффективно без использования знаний сведущих лиц из разных областей науки – специалистов, экспертов. Современная жизнь чрезвычайно насыщена узкоспециальной информацией, в которой неспециалисту разобраться сложно и особое значение поэтому приобретает институт судебной экспертизы. Традиционные экспертные исследования достаточно хорошо известны в юридической среде – это в основном криминалистические экспертизы: дактилоскопия, трасология, исследование документов, почерка и пр. Однако в наши дни развиваются и иные направления исследований, которые весьма интересны для практического их применения.

Так, в научном дискурсе можно обнаружить концентрацию внимания ученых на следующих перспективных направлениях экспертных исследований: компьютерно-техническая экспертиза, применение данных дерматоглифики психолого-лингвистические исследования, развитие психологических и полиграфологических исследований, автороведение, экспертные исследования в гражданском судопроизводстве (товароведческая, оценочная экспертиза), графологические исследования. экспертиза аудио видеозаписей, ситуалогия исследование запаха, а также ДНК. [2, с. 217].

Установление личности человека (преступника, трупа, больного или ребенка) – безусловно, одна из главнейших задач, которой посвящена судебно-экспертная деятельность. Из всех свойств и признаков, которыми обладает человек, в целях его идентификации приоритетное внимание должно быть обращено на ту их совокупность устанавливаемого субъекта, без применения, которых невозможно составить его субъективный образ.

На сегодняшний день дактилоскопическая идентификация является наиболее достоверным и экономичным способом отождествления человека. Однако развивается и смежное с дактилоскопией направление – дерматоглифика, которая изучает генетические особенности состояния и

функциональные свойства организма человека, отражённые в папиллярных узорах рук: склонность к определённым видам профессий, поведения человека в экстремальных ситуациях, предрасположенность к отдельным видам заболеваний и др. [3, с. 247].

В последние годы в практику судебной медицинской экспертизы материалов, веществ и изделий внедрены технологии изучения микроколичеств и микротрещин, базирующиеся на применении лазерной техники, способов электрической и развёртывающей микроскопии, хроматографии, химической металлографии, рентгенофазового, молекулярно-спектрального разбора и др. [4, с. 146].

Еще одним актуальным направлением выступает применение 3D-технологий при производстве судебной экспертизы.

Прежде всего, это судебная медицина и антропология: технологии компьютерного характера используются для реконструкции поэтапности и характера повреждений телесного характера, фиксации и изучения раневых каналов, а также реконструкции лица по черепу, реконструкции возрастного характера. Последние исследования в данной сфере подтверждают тот факт, что технологии 3D-сканирования и 3D-моделирования очень эффективны для реконструкции и в последующем идентификации трупов. Которые не были опознаны, а также подверглись серьезной постмортальной деформации, а именно: сгоревшие, продолжительное время пребывающие в воде, мумифицированные и т.д.

Наряду с судебной медициной 3D-технологии используются и в иных областях, связанных с расследованием преступных деяний. Одна из таких – активно формирующаяся биометрическая идентификация с применением 3D технологий, как по изображениям лица или черепу (даже формирование фотокомпозиционного портрета в настоящее время производится посредством компьютерных программ специального назначения и в 3D-формате), так и наименее традиционные направления, к примеру, по ушной раковине.

Использование принципиально новых материалов, разработка и внедрение инновационных технологий и решений, в том числе и нанотехнологий – это еще одно направление усовершенствования и развития деятельности правоохранительных органов. [5, с. 207].

В последние годы в практике судебных экспертиз все шире стали использоваться не только классические физико-химические методы, такие как хроматография, полярография, спектрофотометрия, но и атомно-абсорбционный анализ, ЯМР- и ЭПР-спектроскопии, а также и другие наукоемкие высокоточные методы. Более того, в практику производства

экспертиз сегодня активно внедряются нанотехнологии. [5, с. 207].

Таким образом, мы приходим к выводу, что при сохранении интереса к традиционным экспертным исследованиям, можно спрогнозировать интенсивное развитие относительно новых направлений судебной экспертизы, связанных с технологиями идентификации личности аппаратными средствами – полиграфология, генотипоскопические, графологические, дерматоглифические исследования; развиваются также и компьютерно-технические исследования. Необходимо отметить, что для качественного решения судебно-экспертных задач правоохранительные органы должны значительно опережать преступное сообщество по развитию современных научно-технических средств и методических возможностей, применяемых для раскрытия преступлений. Только таким образом правоохранительные органы будут способны обеспечить безопасность государства, общества и каждого конкретного человека, поэтому внедрение в области научных исследований и практической деятельности новейшие достижения науки и техники неизбежно, а как следствие неизбежно и развитие новых направлений судебной экспертизы.

Список литературы

1. *Быков И. В. Особенности производства судебной экспертизы в присутствии субъектов уголовно-процессуальных отношений: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Быков Игорь Владимирович; [Место защиты: Волгогр. акад. МВД России]. – Краснодар, – 2008. – 26 с.*

2. *Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы сборник докладов Всероссийской научной конференции с международным участием. – Нижний Новгород, – 2021. – 392 с.*

3. *Тимченков В.А., Нестерова О.В. Исторический опыт и вектор развития дактилоскопической экспертизы в РФ // Наукосфера. – 2021. – № 5-2. – С. 246-249.*

4. *Сахнова Т. В. Судебная экспертиза. – М., – 2000. – 365 с.*

5. *Ларионова Е.Ю., Медведева С.А. Нанотехнологии в судебно-экспертной деятельности. перспективы развития // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2018. – № 4 (87). – С. 207-213.*

© Д.М. Воловик, 2021

УДК: 343.13

ЗАРОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Гаврикова Юлия Олеговна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Гаврицкий Александр Васильевич

к.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в данной статье рассматривается шесть эволюционных периодов зарождения и становления института государственной защиты в России. Автор исходит из того, что эта эволюция имела поступательный характер и отразила трансформацию защиты лиц, наделенных властными полномочиями, к охране личной безопасности широкого круга граждан, вовлеченных в публично-правовые отношения, связанные с поддержанием правопорядка и отправлением правосудия.

Ключевые слова: зарождение, преобразования, адвокатура, юридическая помощь, институт защиты.

UDC: 343.13

THE ORIGIN OF THE INSTITUTE OF PROTECTION IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

Gavrikova Yulia Olegovna,

Scientific adviser: Gavritsky Alexander Vasilyevich

Abstract: this article examines six evolutionary periods of the origin and formation of the Institute of state protection in Russia. The author proceeds from the fact that this evolution was progressive and reflected the transformation of the protection of persons with authority to the protection of the personal security of a wide range of citizens involved in public-legal relations related to the maintenance of law and order and the administration of justice.

Keywords: origin, transformation, advocacy, legal aid, Institute of defense.

Глобальные преобразования, начавшиеся в нашей стране в конце двадцатого столетия во всех сферах общественной жизни, затронули практически все государственные институты. Цель перемен состояла в переводе существующих государственных устоев на рельсы демократического поступательного развития на пути к формированию подлинно правового государства и полноценного гражданского общества.

Результатом уже состоявшихся и продолжающихся реформ явилась череда неизбежных изменений и в российской правоохранительной системе, включая и модернизацию системы органов, осуществляющих отстаивание интересов лиц, в отношении которых и осуществляется уголовное преследование. Обусловлено это во многом тем, что в правовом демократическом государстве нет места излишней репрессивности и предвзятости в деятельности правоохранительных органов, что было отчасти характерно для советского государства, призванием которых должно являться обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина, в том числе и со стороны самого государства.

Сегодня система правоохранительных органов Российской Федерации достаточно разноплановая. В ней находят место различные органы власти, как входящие в систему органов исполнительной власти, к примеру, органы внутренних дел Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации с их корпусом следователей, так органы власти, не относящиеся к одной из трех ее ветвей: прокуратура, Следственный комитет Российской Федерации.

Кроме того, в этой правоохранительной системе находят свое место и негосударственные правоохранительные элементы, в частности, институт защиты в виде адвокатуры. Определяя понятие института защиты (адвокатуры) параллельно рассмотрим и ход формирования данного института.

Важно отметить, что зарождение адвокатуры происходило по мере усложнения политической организации, поскольку путем объединения нескольких племен под властью единого вождя правосудие стало не под силу одному человеку. Он собирал вокруг себя людей, которые получали для него необходимые сведения, давали советы и помогали ему вершить правосудие.

У народов, которые достигли этой ступени развития, уже можно найти первые зародыши адвокатуры, что, в частности, было характерно для королевства зулусов, бечуанов [1, с. 18]. У древних иудеев защитником мог быть любой желающий. В Киевской Руси (IX-XIII веках) судопроизводство характеризовалось господством обычного права и

полным его преимуществом перед писаным законом, работа защитника в судах имела характер общественного, а не профессионального знания. Роль защитника в судах выполняли родные и друзья сторон, которые оказывали им моральную поддержку. Для римской адвокатуры характерными были как неограниченная свобода, так и неограниченная регламентация.

В республиканский период адвокатура была абсолютно свободной профессией. Существовали определенные правила деятельности адвокатуры, но сформированы они были только практикой и обычаями. Кандидаты в адвокаты прослушивали курс риторики, брали консультации у знаменитых правоведов, посещали заседания судов, но ни порядок, ни срок, ни обязательность этих занятий не были определены законом [2, с. 7].

В Англии в XIII веке возникли первые четыре «судебные коллегии», которые и сегодня готовят и объединяют в единую корпорацию практикующих юристов (судей и адвокатов) [3, с. 28]. Значительных изменений в средние века претерпела деятельность адвокатов в уголовном процессе. В этот период соревновательный процесс начал превращаться в инквизиционный, чем участие адвоката в уголовном процессе значительно ограничивалась [4, с. 265].

В течение XV–XIX вв. адвокатура постепенно приобретала другой вид, стала на самостоятельный путь и выработала ту сословную организацию, которой она является сегодня. В этот же период утвердилось дополнительное условие о допуске к адвокатской профессии – наличие практического стажа [5, с. 218]. Примерно в этот период в России в 1864 году состоялась судебная реформа, затронувшая собой и институт присяжных защитников. Институт присяжных защитников просуществовал в такой модели до 1917 года.

По Положению об адвокатуре, принятому в мае 1922 года, при губернских отделах юстиции предусматривалась организация коллегий защитников, на которые возлагалось обеспечение защиты обвиняемых по уголовным делам и дача консультаций по юридическим вопросам. После принятия 5 декабря 1936 года Конституции СССР, 16 августа 1939 года Совнарком СССР утвердил Положение об адвокатуре СССР. Им были определены задачи адвокатуры, руководство ее деятельностью, структура и порядок приема и исключения из коллегии адвокатов, дисциплинарная ответственность. Обращает внимание отсутствие в данном Положении термина «защитник» и введение терминов «адвокатура» и «адвокат».

В это время место и роль адвокатуры утратили свое прежнее значение, в связи с принятием некоторых нормативных актов [6, с. 12].

Так, постановлением Президиума Центризбиркома СССР от 1 декабря 1934 года «О порядке ведения дел по подготовке или совершению террористических актов» устранялось даже участие защитника в суде. Аналогичный порядок действовал по делам о вредительстве и диверсиях. Негативную роль играли «Особое совещание», «тройки», «двойки», которые рассматривали дела без участия адвокатов. Основы уголовного судопроизводства, принятые 25 декабря 1958 года, а затем УПК РСФСР 1960 г. закрепили в своих нормах право на защиту как одно из основных, общих положений, присущих всему уголовному судопроизводству. Статья 19 УПК РСФСР устанавливала, что «обвиняемый имеет право на защиту». Однако защитник допускался к участию в деле лишь по делам, подсудственным следователю, и лишь с момента окончания предварительного следствия [7, с. 101].

Принятие Конституции СССР 1977 года повлекло за собой обновление законодательства и о правоохранительных органах, органам защиты в этой системе стало отводиться особое место. Российское законодательство советского периода содержало три момента появления защитника: с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления ему для ознакомления всего производства по делу; по делам, по которым предварительное следствие не производилось – с момента предания обвиняемого суду; по делам в отношении несовершеннолетних, немых, глухих, слепых и других лиц, страдающих физическими и психическими недостатками, а также по постановлению прокурора, если он решит, что участие защитника положительно скажется на полноте, всесторонности и объективности исследования обстоятельств уголовного дела.

Таким образом, в XX веке адвокатура превратилась в силу, которая активно используется во всем мире для обеспечения демократических прав и свобод человека. Хотя при этом, еще долгое время продолжались дискуссии между юристами относительно определения сущности адвокатуры, ее основных задач [4, с. 15]. С принятием Конституции Российской Федерации 1993 года в развитии института защиты начался новый этап – демократический.

В этой связи Конституция Российской Федерации в статье 2 провозгласила, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Согласно части 1 статьи 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи [8].

В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Учитывая данное положение, одним из основополагающих принципов уголовного процесса Российской Федерации выступает обеспечение подозреваемому, обвиняемому, подсудимому права на защиту (статья 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

В поддержку этого, 26 апреля 2002 года Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации был принят Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [9], который имеет целью повысить роль адвокатуры в обществе как одного из гарантов обеспечения конституционных прав и свобод граждан.

Что же касается состояния российской адвокатуры на современном этапе, то в соответствии с официальными данными, по состоянию на 1 января 2021 г. на территории Российской Федерации действующий статус имеют 73 542 адвоката [10].

Кроме того, адвокатских образований, где адвокаты осуществляют профессиональную деятельность – 26 648, среди которых коллегии адвокатов, адвокатские бюро, адвокатские кабинеты, а также юридические консультации.

Вместе с тем, необходимо отметить, что законодательство, регулирующее адвокатуру и адвокатскую деятельность, абсолютно несовершенно и требует изменений.

Так, к 2023 году предлагается провести реформу, в рамках которой представляется целесообразным разработать необходимую правовую базу, а также модернизировать структуру современного института адвокатуры, утвердить порядок упрощения процедуры получения статуса адвоката, в частности переход на дистанционную форму принятия экзамена, сокращение объема проверяемых знаний и фактически сведение их к проверке знаний законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности.

В процессе реализации реформы в период с 2020 по 2022 гг. предусматривается повсеместный переход всех заинтересованных лиц в систему адвокатуры, реорганизация юридических лиц, намеренных в дальнейшем оказывать юридическую помощь [11].

Подводя итог изложенному, подчеркнем, что таким образом, в развитии института профессиональных прав адвоката, осуществляющего защиту прав и свобод человека и гражданина в рамках уголовного

процесса, применительно к российской правовой системе возможно выделение следующей периодизации:

- первый этап – период с XV века по 1864 г. – этап первичного зарождения и развития института защитника в судебном разбирательстве,
- второй этап – с 1864 года по 1917 год – этап дальнейшей институционализации правового статуса присяжных адвокатов в имперской России,
- третий этап – период с 1917 по 1922 годы – период ликвидации присяжных адвокатов и образования фигуры адвоката-защитника,
- четвертый этап – с 1922 по 1956 годы – этап институционализации прав советского адвоката-защитника,
- пятый этап – период с 1956 по 1991 годы – период расширения прав адвоката-защитника,
- шестой этап – с 1993 по 2001 годы – этап постсоветского развития института адвоката-защитника, седьмой этап – с 2001 года по настоящее время – современный этап развития адвокатуры.

Список литературы

1. Бахин В. П. *Криминалистика. Проблемы и мнения (1962–2002)*. – М., 2002. – 268 с.
2. Воронин Ю.А. *Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2019. – № 1. – С. 7-9.*
3. Хмелева А.В. *У истоков следствия (к 150-летию со дня создания института следователей) // Вестник следственного комитета при Прокуратуре РФ. – 2018. – № 4 (6). – С. 28-31.*
4. Дежнев А.С. *Привлечение в качестве защитников по уголовным делам близких родственников и иных лиц // Вестник Омского университета. – 2019. – № 3 (32). – С. 265-271.*
5. Зинин А.М. *К вопросу о соотношении криминалистической физиогномики и криминалистической габитоскопии // Эксперт-криминалист. – 2018. – № 3. – С. 12-15.*
6. Жалинский А.Э. *Профессиональная деятельность юриста. – М., 2017. – 330 с.*
7. Зинатуллин З. *Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. – Ижевск, 2018. – 114 с.*
8. *Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008*

№ 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // *Собрание законодательства РФ*. – 01.07.2020. – № 31. – Ст. 4398.

9. *Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»* // *Собрание законодательства РФ*. – № 23. – Ст. 2102.

10. *Справка о состоянии российской адвокатуры на современном этапе* // *Федеральная палата адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: URL: https://fparf.ru/news/all_news/news/49156/ (12.10.2021).

11. *Михайлова А.С. К вопросу о реформировании рынка юридических услуг в Российской Федерации и необходимости учета интересов клиента в отношении их качества / А. С. Михайлова* // *Юрист*. – 2020. – № 12. – С. 28-32

12. *Мерзликина Е.В. Специфика способов собирания доказательств защитником* // *Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика*. – Курск, 2018. – С. 180-183.

© Ю.О. Гаврикова, 2021

УДК: 343.214

ПСИХИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Галкина Диана Евгеньевна,
Магистрант 2 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»
Научный руководитель:
Москалева Елена Николаевна
старший преподаватель кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»*

Аннотация: в статье исследуется психическое насилие как способ совершения преступления. Анализ уголовно-правовых норм свидетельствует о недостаточности уголовно-правовой охраны психического здоровья. Для обеспечения единообразия судебной практики при оценке психического насилия требуется соответствующее судебное толкование.

Ключевые слова: психическое здоровье, жертва, психические страдания, психическое истязание, воздействие, уголовный закон, ответственность.

UDC: 343.214

MENTAL VIOLENCE AS A METHOD OF COMMITTING A CRIME

*Galkina Diana Evgenievna,
Supervisor: Moskaleva Elena Nikolaevna*

***Abstract:** The article examines mental violence as a way of committing a crime. The analysis of the criminal law indicates the inadequacy of the criminal law protection of mental health. Appropriate judicial interpretation is required to ensure uniformity of jurisprudence in assessing mental abuse.*

***Key words:** mental health, victim, mental suffering, mental torture, impact, criminal law, responsibility.*

Уголовное законодательство содержит максимально широкий перечень преступлений, каждое из которых отличается своим своеобразием. Одним из критериев дифференциации преступлений по объективной стороне выступает способ совершения преступления. Так, в доктрине уголовного права часто выделяют насильственный и ненасильственный способы совершения преступлений. В свою очередь насилие бывает физическим и психическим [1, с. 94]. Физическое насилие – это применение физической силы, принудительное воздействие на кого-либо: удары, побои, причинение тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью, принудительная изоляция потерпевшего [2, с. 46]. Психическое насилие – это угроза физической расправы, шантаж, унижение достоинства, ограничение свободы, принуждение [3, с. 88].

Насилие в большинстве случаев влечет за собой последствия физического и (или) психического характера, что неизбежно приводит к ухудшению качества жизни, нарушению психико-физиологического баланса организма жертвы и другим социальным последствиям.

В соответствии с национальным законодательством «здоровье характеризуется физическим, психологическим и социальным благополучием человека, отсутствием заболеваний, расстройства функций органов и всех систем организма» [4], т.е. физическое, психическое и социальное благополучие – неразрывные характеристики здоровья. Воздействуя на любой из данных элементов возможно причинение вреда жертве.

Механизм совершения насильственного преступления в конкретных ситуациях отличается своеобразием, так же специфично и состояние здоровья каждой жертвы. Определенные физические и психические особенности личности возможно выделить с учетом пола, возраста, психотипа личности. Абсолютно здоровые люди – это редкость. Многие люди, развиваясь в обществе, испытывают те или иные трудности, стрессы, получают психические травмы.

Чтобы оценить вред от физического воздействия на организм человека (ранения, побои, выстрелы) требуются экспертные заключения, значимые для квалификации содеянного. При оценке психического воздействия на жертву ситуация гораздо сложнее – необходимо знание о психическом состоянии человека до посягательства на его психическое здоровье. При этом в законодательстве отсутствует понятие психического здоровья, что свидетельствует о том, что обеспечению психологической безопасности личности не уделяется должного внимания. Фактически осуществляется уголовно-правовая охрана физического здоровья граждан. Эмоциональные агрессоры в большинстве случаев остаются безнаказанными.

В том случае, если жертва страдала от действий нескольких психических агрессоров можно говорить о совокупном вреде ее психическому здоровью. Так, например, детские травмы, полученные в семье, в совокупности с психическим вредом, причиненным в результате систематического буллинга в школе, в комплексе могут привести к развитию психических расстройств. Если физическая травма может подлежать лечению, то внутренний психический баланс нормализовать гораздо сложнее.

Психическое расстройство является одним из признаков, при оценке тяжкого вреда, причиненного здоровью человека (ст. 111 УК РФ), однако примеров судебной практики по данному признаку практически нет. Часто психическое расстройство личности рассматривается как личная проблема, никак не связанная с внешними факторами.

В понятие истязание заложены альтернативные последствия «причинение физических или психических страданий», соответственно они могут быть причинены изолировано друг от друга. В частности, психические страдания могут быть причинены посредством психического насилия, однако судебная практика ориентирована на применение ст. 117 УК РФ, в отрыве от психического насилия – психические страдания обнаруживаются через призму систематического физического воздействия.

В норме, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), ограниченным образом изложены способы воздействия на жертву – «угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего», хотя способы доведения до самоубийства могут самыми разнообразными и более завуалированными (физическое преследование, психическое истязание и др.).

В статье 133 «Понуждение к действиям сексуального характера» в качестве способов предусмотрены шантаж, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества, использование материальной и иной зависимости потерпевшего. «При понуждении не осуществляется физического насилия или угрозы его немедленного применения к потерпевшему (потерпевшей) или иным лицам» [5, с. 76], однако для реализации преступного замысла преступником подбираются «ключи» и к психике жертвы. Он пытается создать для нее безвыходную ситуацию, заведомо зная о ее незащищенности в сложившейся ситуации.

В соответствии со ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации вымогательство представляет собой требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. При этом законодателем не учитывается эмоциональное вымогательство, ситуации при которых вместо требования высказывается «просьба» передать чужое имущество или право на имущество, совершения иных действий имущественного характера, но внешний вид просителя, его жесты свидетельствуют о том, что это не просьба, а психическое воздействие на жертву. В таких ситуациях невозможно привлечь вымогателя к уголовной ответственности, т.к. требование открыто не высказывается.

Отдельного внимания заслуживает проблема семейного насилия. «Агрессивное противоправное поведение в семье начинается преимущественно с психического насилия, которое может выражаться на первых стадиях в унижении человеческого достоинства, ущемлении прав» [6, с. 78]. После подавления воли жертвы, агрессор переходит к физическому насилию. Для таких ситуаций характерна смена ролей «преступник» – «жертва»: выборочные исследования показывают, что жертва, которая постоянно подвергается психическому насилию со

стороны агрессора, способна на крайние меры, вплоть до убийства тирана [7, с. 40].

Приведенные примеры уголовно-правового игнорирования психического насилия как способа совершения преступления свидетельствует о том, что охрана психического здоровья личности осуществляется не в полном объеме, что требует соответствующих законодательных доработок. Психическое благополучие включено в понятие здоровья, соответственно необходимо обеспечивать его полноценную защиту. В целях обеспечения единообразия судебной практики необходимо выделить составы преступлений, способом которых является психическое насилие и сформулировать общие критерия для его оценки. Назрела необходимость в судебном толковании данного вида агрессии.

Список литературы

1. *Криминология: учебное пособие /Под ред. Е.В. Серegiной, Е.Н. Москалевой. – М.: РГУП, 2018. – С. 94-95.*
2. *Давыдова Е.В. Отдельные основания увольнения педагогов // Отдел кадров коммерческой организации. – 2017. – № 1. – С. 45-48.*
3. *Москалева Е.Н., Татьянченко Л.Е. Уголовно-правовая охрана психического здоровья личности // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство, право и управление. – 2020. – № 7 (122). – С. 87-90.*
4. *Федеральный закон РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.*
5. *Уголовное право. Особенная часть. В 2 т. Том 1: учебник для академического бакалавриата / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – С. 76.*
6. *Москалева Е.Н. Ответственность за психическое истязание в семье // Вестник юридического факультета ЮФУ. – 2020. – № 2. – С. 76-80.*
7. *Берлыбекова М.Е. Анализ и предупреждение убийств, совершаемых женщинами, на современном этапе // Российский следователь. – 2016. – N 18. – С. 40.*

© Д.Е. Галкина, 2021

УДК: 343.914

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Григоренко Евгения Андреевна,

Магистрант 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Москалева Елена Николаевна

старший преподаватель кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье исследуются масштабы женской преступности, выявляется ее мотивационная направленность, а также определяется уровень криминогенной зараженности женской части населения. При соотношении количественных показателей женской и мужской преступности, автор приходит к оптимистическому выводу, что женщины больше склонны к законопослушному поведению.

Ключевые слова: женская преступность, гендерная принадлежность, показатели, структура преступности, криминальная зараженность.

UDC: 343.914

PHENOMENON OF FEMALE CRIME

Grigorenko Evgeniya Andreevna,

Supervisor: Moskaleva Elena Nikolaevna

Abstract: The article examines the scale of female crime, reveals its motivational orientation, and also determines the level of criminogenic infection of the female part of the population. With the ratio of the quantitative indicators of female and male crime, the author comes to the optimistic conclusion that women are more prone to law-abiding behavior.

Keywords: female crime, gender, indicators, structure of crime, criminal infection.

Преступность как негативное, массовое, социальное явление включает все многообразие уголовно-наказуемых деяний. Данное явление характеризует состояние современного общества. Общественная опасность преступности определяется теми угрозами, которые она создает жизненно

важным интересам личности, общества, государства, международного сообщества. Многообразие проявлений криминального мира предполагает определенные различия между лицами, совершающими такие преступления, и формированием отдельных категорий правонарушителей. Краеугольным камнем среди характеристик преступности выступает гендерная принадлежность виновного лица, поэтому значительный научный интерес представляет феномен женской преступности.

В соответствии со статистическими данными МВД РФ за 2020 г. удельный вес женщин в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, составляет 16% [1]. При этом по данным Росстата в 2020 г. на 78,626 млн. женщин приходилось 68,123 млн. мужчин, т.е. женщин на 10,503 млн. больше, чем мужчин. Если перевести в проценты, то получится следующее соотношение: 53,6% составляют женщины; 46,4% – мужчины [2]. Соотношение приведенных данных свидетельствует о преимущественно законопослушном образе жизни лиц женского пола.

Структура современной преступности неизменно характеризуется корыстной направленностью. В 2020 году кражу совершили 139576 человек, из них 15% составляют лица женского пола. За мошенничество привлечено к уголовной ответственности 21876 человек, из них 29% женщин. В числе лиц, привлеченных за присвоение и растрату, женщины составляют 40%. Доля корыстно-насильственных преступлений, совершаемых женщинами, существенно снижена: за грабеж было привлечено к уголовной ответственности 1899 женщин (7%), за разбой – 292 женщин (3%), за вымогательство – 87 женщин (4%).

Кроме того, женщинами совершается каждое третье преступление в сфере предпринимательства (ст. 171-173, ст. 180 УК РФ), каждое четвертое преступление в сфере кредитно-финансовых отношений (176, 177 УК РФ), каждое пятое приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст.175 УК РФ), каждая седьмая подделка и сбыт денег или ценных бумаг (186 УК РФ). Половину преступлений, связанных с производством товаров и продукции, оказанием услуг, не отвечающим требованиям безопасности (ст.238 УК РФ) совершаются женщинами.

Некоторые преступления связаны с должностным статусом женщин. Так, в 2020 г. за злоупотребление и превышение должностных полномочий (ст. 285, 286 УК РФ) осуждены 180 женщин (11% из общего числа лиц, совершивших данные преступления), за получение взятки (ст. 290 УК РФ) осуждено 183 женщины (17%), за служебный подлог (ст. 292 УК РФ) 36 женщин (33%). Результаты выборочного исследования показывают: «чем выше должность, тем выше в процентном соотношении мужчин. На

должностях гражданской службы количество женщин уступает количеству мужчин на высших должностях и существенно увеличивается на уровне ведущих специалистов» [3].

Женщины все активнее участвуют в незаконном обороте наркотиков. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2020 г. в соответствии со ст. 228 УК РФ привлечено к уголовной ответственности 3756 женщин (5%), а в соответствии со ст. 228.1 УК РФ – 2339 женщин (12%). Причиной вовлечения женщин в данный вид преступности в большинстве случаев выступает корыстный интерес. С развитием цифровых технологий, вербовка в такую деятельность осуществляется в основном посредством сети Интернет. Женщины и молодые девушки, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, соглашаются на противоправный способ заработка. Так, в качестве примера можно привести типичную историю: «В стране ввели режим нерабочих дней из-за пандемии коронавируса. Очень быстро все возможности для подработок исчезли. В начале мая 19-летняя В. Ибятова согласилась работать кладмэном. До своего задержания девушка проработала закладчицей около двух месяцев» [4].

В криминальном наркобизнесе женщины фигурируют не только, как второстепенные участницы. Они организуют и содержат притоны для потребления наркотических средств, выполняют разнообразные, в том числе руководящие, функции в организованных преступных формированиях, специализирующихся на незаконном обороте наркотиков [5, с. 3]. Так за 2020 г. привлечено 195 женщин по ст. 232 УК РФ «Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», 80 женщин – за незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (ст. 231 УК РФ) [6].

В 2020 г. 348 женщин (432 мужчин) привлечены к уголовной ответственности за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ).

Участие женщин в преступлениях против общественной нравственности связано с таким негативным явлением как проституция. «Общественная нравственность характеризует нравственные устои общества, совокупность возникших естественным путем социальных норм, принципов и образцов поведения, обычаев и традиций, отражающих представления о справедливости, порядочности, милосердии, чести,

достоинстве, добре, зле, поддерживаемых и одобряемых большинством населения. Общественная нравственность является важнейшим фактором, обеспечивающим спокойствие, дисциплину в обществе, нормальное и эффективное функционирование социальных институтов» [7, с. 42]. За 2020 год в России составлено 4256 протоколов за занятие проституцией [8], при том, что данная сфера отличается повышенной латентностью. Проституция трансформирована в организованные формы. «Сутенершами в основном становятся женщины, ранее работавшие проститутками» [9].

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2020 г. за вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ) привлечено 23 женщины (20 мужчин), за организацию занятия проституцией (ст. 241 УК РФ) – 135 женщин (96 мужчин). Рынок проституции и эскорт-услуг продолжает расти [10]. Сопутствующими преступлениями для деяний, связанных с проституцией являются торговля людьми, похищение человека и, даже, преступления против жизни и здоровья, жертвами которых оказываются лица, оказывающие сексуальные услуги.

Несмотря на то, что в соответствии с уголовно-правовой классификацией многие из вышеуказанных преступлений не относятся по объекту к корыстным преступлениям, при их совершении женщинами доминирующим мотивом выступает корысть.

Определенное число женщин способно на совершение насильственных преступлений, в том числе против жизни и здоровья. В 2020 г. осуждено по ст. 105 УК РФ «Убийство» 5014 человек, из них 674 женщин, 69 из которых совершили убийство с отягчающими обстоятельствами в соответствии с ч. 2 ст. 105 УК РФ [6]. В 2020 г. в соответствии со ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью всего осуждено 16263 граждан, из них 3107 женщин, действия 303 из которых повлекли по неосторожности смерть потерпевших (ч. 4 ст. 111 УК РФ). Средней тяжести вред здоровью потерпевших причинили 7847 осужденных лиц, из которых 348 – представительницы женского пола (половина из них причинили средней тяжести вред здоровью при квалифицирующих обстоятельствах). В соответствии со ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» всего осуждено 10920 человек, из них 2077 женщин. Кроме того, 213 женщин в 2020 г. привлечены к уголовной ответственности за побои ст. ст. 116, 116.1 УК РФ, 123 – за истязание (ст. 117 УК РФ) [6]. Для женщин характерно совершение насильственных преступлений на почве бытовых и семейных конфликтов, интимных переживаний, реже – по мотивам ревности и

корысти. Жертвами насильственных посягательств обычно являются мужья, сожители, родственники, соседи [11, с. 77]. При этом индекс жестокости совершаемых женщинами насильственных преступлений достаточно высок.

Типичным и самым жестоким женским насильственным преступлением является убийство матерью новорожденного ребенка. В 2020 г. по ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации осуждено 29 женщин. В результате анализа материалов судебной практики мы пришли к выводу, что женщины, совершающие убийство новорожденного ребенка во время родов или сразу же после родов, т.е. вне состояния эмоциональной напряженности и без признаков какого-либо психического расстройства, планируют преступление заранее, задолго до родов. Мотивы часто являются бытовыми, например затрудненное материальное положение, нежелание иметь ребенка вне брака, зачатие в результате изнасилования, отказ отца будущего ребенка поддерживать отношения с женщиной, стыд и страх.

Таким образом, анализируя виды преступлений, совершенных женщинами в 2020 году, мы пришли к выводу, что их спектр значительно уже, чем у преступлений, совершенных мужчинами. Женщины в подавляющем большинстве случаев склонны совершать корыстные преступления (15-40%). Доля корыстно-насильственных преступлений, совершаемых женщинами, существенно снижена (4-7%). Участие женщин в совершении насильственных преступлений незначительно. При этом число женщин, совершивших тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления в соотношении с мужчинами варьируется от 13 до 19%. Удельный вес женщин в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления составляет 16%, при этом по демографическим показателям женщин на 10,503 млн. больше, чем мужчин. Соответственно, можно сделать оптимистический вывод, что женщины больше склонны к законопослушному поведению.

Список литературы

1. *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (Дата обращения: 19.10.2021).*

2. *Соотношение числа женщин и мужчин в России: статистика 2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://top-rf.ru/people/570-sootnoshenie-muzhchin-i-zhenshchin.html> (Дата обращения: 08.10.2021).*

3. *Непредставительная власть* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly/> (Дата обращения: 10.10.2021).

4. *Исповедь 19-летней закладчицы из Екатеринбурга* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.znak.com/2020-12-21/ispoved_19_letney_zakladchicy_iz_ekaterinburga_kotoroy_grozit_20_let_kolonii (Дата обращения: 08.10.2021).

5. *Киркина Н.В. Особенности личности женщины-наркопреступницы и воздействия на нее: автореф. дисс. к. ю.н. – Саратов, 2015. – С. 3.*

6. *Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (Дата обращения: 09.10.2021).

7. *Уголовное право. Особенная часть. В 2 т. Том 2: учебник для академического бакалавриата / отв. ред. И. А. Подройкина, Е.В. Серегина, С. И. Улезько. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд. Юрайт, 2020. – С. 42.*

8. *Сахмеев В. За 2020 год в России составлено 4 256 протоколов за занятие проституцией* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20210605-za-2020-god-v-rossii-sostavlen> (Дата обращения: 08.10.2021).

9. *Характеристика личности организаторов и содержателей притонов для занятия проституцией* <https://kazedu.com/referat/148211/6> (Дата обращения: 10.10.2021).

10. *От пандемии не пострадал* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fedpress.ru/article/2567876> (Дата обращения: 08.11.2021).

11. *Селихова О.Г. Криминологическая характеристика женской преступности // Криминологический журнал. – 2020. – № 4. – С. 75-77.*

© Григоренко Е.А., 2021

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
КОНЦЕПЦИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Дараселия Елизавета Васильевна,

магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Коблева Мария Мухадиновна

доцент кафедры уголовно-процессуального права

РФ ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»,

к.ю.н., доцент

Аннотация: В статье рассмотрены основные подходы к определению восстановительного правосудия. Проведен сравнительно-правовой анализ применения законодательства Норвегии, который эффективно реализует элементы восстановительного подхода при разрешении уголовно-правовых конфликтов. Сделан вывод о необходимости развития института восстановительного правосудия с последующим закреплением в уголовном процессе.

Ключевые слова: восстановительный подход, персонификация, редукция, диспозитивность, уголовно-правовой конфликт.

**MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT
OF RESTORATIVE JUSTICE IN THE CRIMINAL PROCESS**

Daraselia Elizaveta Vasilyevna,

Supervisor: Kobleva Maria Mukhadinovna

Abstract: The article examines the main approaches to the definition of restorative justice. The comparative legal analysis of application of Norwegian legislation which effectively implements elements of restorative approach at resolution of criminal law conflicts is carried out. The conclusion about necessity of development of the institute of restorative justice with the subsequent fixation in criminal proceedings is made.

Keywords: restorative approach, personification, reduction, dispositiveness, criminal law conflict.

Восстановительное правосудие в уголовном процессе – это ориентированный на решение проблемы подход к преступности, который вовлекает сами стороны и общество в целом в альтернативный карательному путь, направленный непосредственно на возмещение вреда, причинённого при совершении преступления путем влияния на психологический и физиологический фактор, без применения наказания. На сегодняшний день остается актуальным вопрос о внедрении и закреплении восстановительного подхода в уголовном процессе, как эффективного метода воздействия, направленного непосредственно на решение уголовно-правового конфликта без применения в последующем пенитенциарной системы.

Большинство современных систем уголовного правосудия, как правило, в значительной степени ориентированы на «возмездие», в то же время уделяя очень мало внимания «восстановлению». Основой традиционной системы судопроизводства является «наказание» обвиняемого, без акцента на потерпевшего и последствий совершенного деяния в отношении него.

Характерными чертами восстановительного подхода являются:

– Персонификация уголовного правосудия посредством современных механизмов воздействия на основе восстановительных подходов.

– «Редукция» уголовного судопроизводства, а именно механизма восстановительного подхода как средства, способствующего снижению нагрузки судов и эффективному воздействию на преступный мир с последующим достижением основной цели, – сокращение численности совершаемых преступлений.

– Принцип диспозитивности как инструмент восстановительного правосудия.

Ретрибутивные системы сосредоточены главным образом на наказании правонарушителей, не рассматривая интересы жертв как значимый фактор.

При персонификации уголовного правосудия, механизм восстановительной системы, фокусируется на процессах исцеления, которые помогают восстановлению жертв в той же степени, что и правонарушителей. Чувства и интересы жертв воспринимаются очень серьезно, и много усилий прилагается для того, чтобы попытаться исправить вред, причиненный преступлением, в основном через исцеление жертв от травмы, через которую они прошли (или, по крайней мере, минимизацию последствий преступления).

Обращение с правонарушителями – еще один важный аспект, который следует рассмотреть, поскольку именно это действительно имеет немаловажное значение, когда речь идет о снижении уровня рецидивизма и преступности как таковой. Только когда обе стороны в конфликте имеют возможность выразить свои мысли и чувства без ограничений, зная, что они услышаны, только тогда правосудие может эффективно реабилитировать и восстановить то, что было повреждено.

Наделение обеих сторон полномочиями для самостоятельного разрешения конфликта, где обе стороны чувствуют, что их мнение ценно и учатся видеть себя в качестве продуктивных граждан, способных разрешать свои собственные конфликты и помочь сделать общество лучше. Благодаря такому активному участию в разрешении уголовно-правовых конфликтов, правонарушители могут лучше понять последствия своих действий и получить возможность загладить свою вину, возместив – хотя бы частично – нанесенный ущерб.

Многие сторонники восстановительного правосудия утверждают, что, к сожалению, некоторые из восстановительных методов, не могут быть применены в каждом случае. Для них, это не представляется возможным восстановить отношения, которых никогда не было – это означает, что восстановительные методы не будут эффективны в случаях, когда правонарушитель и жертва никогда не имели никакой связи до совершения преступления.

По представлению таких сторонников, медиация, как один из механизмов реализации восстановительного правосудия, между жертвой и правонарушителем, может быть успешной и применима только к тем конфликтам, в которых вовлеченные стороны ранее имели какие-либо отношения (друзья, соседи, семья и т.д.).

Однако такие ученые, как Ховар Зер, утверждали, что даже если между правонарушителем и преступником не существует отношений, преступление само создает такие отношения – враждебные отношения. Эти отношения могут и должны быть восстановлены.[1,с.89]

Но даже если ограничиться конкретными случаями, восстановительные методы, несомненно, могут помочь снизить уровень рецидивизма и улучшить жизнь людей, которые в противном случае застряли бы в системе, которая может только воспроизводить боль и страдания для тех, кто в нее вовлечен.

В системе уголовного судопроизводства на сегодняшний день одним из самых затруднительных этапов выступает «перегруженность судов», что в дальнейшем ведет к усложнению при осуществлении правосудия, так

как в полной мере не представляется возможным в разумные сроки охватить такое количество судебных дел.

Несколько стран по всему миру медленно внедряют восстановительные методы, а в некоторых странах восстановительное правосудие является единственным средством борьбы с преступностью.

Интересно отметить, что именно в этих странах обычно самый низкий в мире уровень лишения свободы и рецидивизма.

Одним из наиболее ярких примеров является Норвегия, где уровень рецидивизма составляет около 20%, что сильно контрастирует на фоне процента рецидива по статистике Российской Федерации за 2021 год, которая составляет 60%. [2]

Теоретической основой Норвежской уголовной системы являются работы Нильса Кристи (1928-2015 гг.) ученого-криминолога, специалиста в области уголовного правосудия, который считал, что конфликты крадут у их законных владельцев, когда ими управляет государство. Согласно его идеям, полномочия по разрешению конфликтов должны быть возвращены людям, действительно вовлеченным в них (и заинтересованным в их разрешении).

В соответствии с идеей Нильса, Норвегия использует множество восстановительных подходов, но ее основным механизмом для разрешения уголовно-правовых конфликтов является медиация между жертвой и правонарушителем.

Помимо практики медиации, восстановительные принципы повлияли на законодательство и на то, как судьи выносят вердикт.

Примером этого является тот факт, что такие виды наказания, как смертная казнь или пожизненное заключение, больше не существуют, а максимальный срок лишения свободы составляет 21 год (за исключением военных преступлений или геноцида).

Норвежские тюрьмы также претерпели значительные изменения под влиянием восстановительного менталитета, и сегодня они считаются самыми гуманными тюрьмами в мире и "образцами успешной практики лишения свободы".

Современные тенденции общества диктуют нам вводить в систему всё новые институты и одним из таких институтов может быть и должен быть институт восстановительного правосудия, который выполняет функцию «реинтеграции» жертв и правонарушителей. Такой подход эффективно используется во взаимодействии с несовершеннолетними и реализуется посредством таких институтов, как медиация и дружественное к ребенку правосудие.

Список литературы

1. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002- 328 с.

2. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий.

3. Причиняя боль: роль наказания в уголовной политике / Нильс Кристи; под общ. ред. Я. И. Гилинского; [пер. с англ. В. М. Когана]. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. – 162 с.

4. Оливейра Морис, Бренда, "Воздаяние против восстановления: Тенденции системы уголовного правосудия" (2019) // Доминиканский университет Калифорнии: <https://scholar.dominican.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1001&context=humanities-masters-theses>.

© Дараселия Е.В. 2021

УДК: 343.148

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫНЕСЕНИЯ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ВЕРДИКТА

Дудка Елена Сергеевна,

Магистрант 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Блинников Валерий Анатольевич,

д.ю.н., профессор,

профессор кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье проведен анализ некоторых проблем вынесения и провозглашения вердикта присяжных заседателей. Автором подчеркивается, что в законодательстве имеются пробелы, вызывающие затруднения при реализации присяжными заседателями своих полномочий. Приведенные примеры судебной практики свидетельствуют о необходимости внесения изменений в действующее уголовное

законодательство и дачу разъяснения в Постановлении Пленума ВС РФ по ряду вопросов.

Ключевые слова: суд присяжных, судебное следствие, вердикт присяжных, опросный лист, тайна совещательной комнаты.

UDK: 348.148

SOME PROBLEMS OF PRONOUNCING AND PRONOUNCING A VERDICT

*Dudka Elena Sergeevna,
Scientific Supervisor: Blinnikov Valery Anatolyevich*

Abstract: *the article analyzes some of the problems of pronouncing and pronouncing the verdict of jurors. The author emphasizes that there are gaps in the legislation that cause difficulties when jurors exercise their powers. The given examples of judicial practice indicate the need to amend the current criminal legislation and provide explanations in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on a number of issues.*

Keywords: *jury trial, judicial investigation, jury verdict, questionnaire, the secret of the conference room.*

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что до настоящего времени остался ряд неразрешенных вопросов, связанных с отправлением правосудия с участием присяжных заседателей. Чаще всего данные вопросы возникают на этапе удаления коллегии присяжных в совещательную комнату для обсуждения и вынесения вердикта. Данный этап начинается с того момента, когда председательствующий произносит напутственное слово и коллегия присяжных заседателей удаляется в совещательную комнату непосредственно для вынесения вердикта подсудимому.

Вердикт присяжных заседателей представляет собой совокупность формально закрепленных ответов коллегии присяжных заседателей на поставленные перед ней вопросы председательствующим по уголовному делу судьей.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству при вынесении присяжными вердикта одним из главных требований соблюдение которого необходимо для вынесения законного вердикта является тайна совещательной комнаты.

Тайна совещательной комнаты выступает гарантией, которой обеспечивается независимость деятельности присяжных заседателей. В соответствии с ч. 2 ст. 341 УПК РФ и п. 35 постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» посторонним лицам запрещено находиться в совещательной комнате, а нарушение такого требования служит основанием для отмены приговора по уголовному делу. Так, например, апелляционным постановлением Краснодарского краевого суда от 16 мая 2019 г. по делу № 22-3015/2019 было отменено постановление Центрального районного суда г. Сочи от 18 марта 2019 г., в силу того, что председательствующим, который приобщил к материалам дела копию постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела от 15 ноября 2018 г., была нарушена тайна совещательной комнаты [1].

В соответствии с п. 3 ст. 341 УПК РФ присяжные заседатели имеют право на прерывание совещания с наступлением ночного времени, с разрешения же председательствующего по окончании рабочего времени присяжные заседатели вправе прервать совещание для отдыха. В свою очередь, уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможности прерывания совещания в течение рабочего дня и его переноса на другой день по состоянию здоровья присяжных заседателей. Представляется, что такое право должно быть предоставлено присяжным заседателям, учитывая достаточную длительность нахождения в совещательной комнате

Важным моментом по мнению П.С. Гвозденко является отсутствие возможности у присяжных взять в совещательную комнату текст напутственного слова председательствующего, с которым он обращается к коллегии перед ее удалением в совещательную комнату для вынесения вердикта. Содержание напутственного слова очень важно для присяжного заседателя, так как оно позволяет подвести итог всему судебному заседанию, разъяснить норму уголовного закона, подлежащую применению в данном деле, основные правила оценки доказательств в их совокупности и порядок деятельности присяжных заседателей в совещательной комнате. Для облегчения работы присяжных заседателей в совещательной комнате по мнению автора целесообразно после выступления председательствующего с напутственным словом передать его текст старшине. Это поспособствует лучшему уяснению присяжными всех обстоятельств дела, правовых и организационных вопросов, и необходимость в обращении к председательствующему за дополнительными разъяснениями и уточнениями отпадет, а вероятность

совершения процессуальных нарушений уменьшится, что, несомненно, благоприятно скажется на выносимом вердикте [2, с. 42].

Коллегия присяжных заседателей обладает исключительной компетенцией по разрешению важнейших, определяющих виновность или невиновность подсудимого, пределы его ответственности вопросов, которые предусмотрены в ч. 1 ст. 334 УПК РФ. Поэтому постановка вопросов перед коллегией присяжных представляет собой один из труднейших и важнейших моментов уголовного процесса.

Порядок постановки вопросов и процессуальная процедура их разрешения предусмотрены ст. 338-344 УПК РФ и имеет ряд особенностей:

1) присяжные заседатели не вправе присутствовать при обсуждении и формулировании вопросов;

2) инициатива по включению вопросов в вопросный лист принадлежит председательствующему судье, только он наделен правом подписи вопросного листа;

3) стороны вправе высказать свои замечания по содержанию и формулировке вопросов и внести предложения о постановке новых вопросов;

4) вопросный лист оглашается в присутствии присяжных заседателей и передается старшине присяжных;

5) перед удалением в совещательную комнату присяжные заседатели вправе получить от председательствующего разъяснения по поводу неясных моментов, связанных с поставленными вопросами, не касаясь при этом существа возможных ответов на эти вопросы;

6) вопросы формулируются по каждому из деяний, в совершении которых обвиняется каждый подсудимый, но не по каждому составу преступления;

7) вопросы, которые могут быть поставлены перед присяжными заседателями, подразделяются на три группы: основные, частные и о снисхождении.

К основным вопросам относятся указанные в ч. 1 ст. 339 УПК РФ: 1) доказано ли, что деяние имело место; 2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый; 3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния.

По точному замечанию В.В. Золотых «вопросный лист – тот самый лабиринт, в котором теряются сначала судьи, а затем и присяжные заседатели» [3, с. 29].

Рассмотрим несколько наиболее распространенных ошибок, допущенных при формулировании вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями.

Особое место среди проблем рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей занимает проблема неясности и противоречивости выносимого вердикта, связанная с некорректной постановкой судьей вопросов, подлежащих разрешению коллегией присяжных заседателей.

Так, определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 18-УД19-18 был отменен приговор по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, постановленный с участием присяжных заседателей, и передала уголовное дело на новое судебное рассмотрение в тот же суд. Основанием для отмены приговора послужила неясность и противоречивость вердикта присяжных заседателей, вызванная неправильной постановкой основного вопроса о доказанности совершения действий осужденным путем разделения его на несколько вопросов, на которые присяжные заседатели дали противоречивые ответы [4].

Особенно сложно присяжными могут восприниматься вопросные листы значительного объема, что связано, например, с большим количеством соучастников и многоэпизодностью рассматриваемого дела. По мнению М. Немытиной, «сложный и в силу этого непонятный для присяжных вопросный лист порождает их непредсказуемые ответы, а также создает условия для манипуляций сознанием и поведением присяжных со стороны представителей профессионального сообщества – судей, прокуроров, адвокатов». [5, с. 23]. В связи с этим к формулированию вопросов по таким делам председательствующий должен подходить особенно ответственно и по возможности снизить количество сложных формулировок, которые могут привести присяжных в замешательство.

Говоря о полномочиях присяжных в ходе вынесения вердикта, следует отметить, что в соответствии с ч. 6 ст. 343 УПК РФ при вынесении вердикта «виновен» присяжные заседатели вправе изменить обвинение в сторону, благоприятную для подсудимого. При этом ни действующий УПК РФ ни Постановление Пленума ВС РФ более детального разъяснения по применению присяжными данной нормы не содержат, что в свою очередь вызывает значительные затруднения у присяжных заседателей.

Обобщая изложенное в настоящей статье, представляется целесообразным подвести некоторые итоги. Вердикт присяжных заседателей: является процессуальным документом, разрешающим

основополагающий вопрос о виновности или невиновности подсудимого, может быть вынесен только на основании и в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона. На основании действующего законодательства и имеющейся судебной практики считаем целесообразным дальнейшее реформирование института суда присяжных в целях преодоления имеющихся пробелов и недочетов в законодательстве.

Список литературы

1. Постановлением Краснодарского краевого суда №22-3015/2019 22К3015/2019 от 16 мая 2019 г. по делу № 22-3015/2019. // Краснодарский краевой суд. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:<http://kraevoi.krd.sudrf.ru/> (10.09.21)
2. Гвозденко П.С. Проблемы, связанные с вынесением вердикта присяжными заседателями // Центральный научный вестник. – 2020. – Т. 5. – № 7-10 (96-99). – С. 42.
3. Золотых В.В. Суд присяжных: механизм эффективной работы // Уголовный процесс. – 2006. – № 11. – С. 29.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019) // СПС КонсультантПлюс
5. Немытина М. Институт выстроили, но со сложным вопросником // ЭЖ-Юрист. – 2005. – № 43. – С. 23.

© Е.С. Дудка, 2021

УДК: 343.3/7

ПОНЯТИЕ КИБЕРТЕРРОРИЗМА

Евлоев Ахмед Магомедович,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Фаргиев Ибрагим Аюбович,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье исследуется такой феномен, как кибертерроризм. Определяется, что в научной литературе существует

двойкий подход к определению понятия «кибертерроризм»: узкий и широкий. Делается вывод о том, что кибертерроризм следует понимать с точки зрения узкого подхода. Кроме того, дается определение кибертерроризма.

Ключевые слова: терроризм, кибертерроризм, информационная среда, Интернет.

UDC: 343.3/7

THE CONCEPT OF CYBERTERRORISM

Evloev Akhmed Magomedovich,

Scientific Supervisor: Fargiev Ibragim Ayubovich

Abstract: *The article examines such a phenomenon as cyber terrorism. It is determined that in the scientific literature there is a double approach to the definition of the concept of "cyber terrorism": narrow and wide. It is concluded that cyber terrorism should be understood from the point of view of a narrow approach. It also provides a definition of cyber terrorism.*

Keywords: *terrorism, cyber terrorism, information environment, Internet.*

Одной из серьезнейших проблем современного мира является терроризм, который, к сожалению, не просто не искореняется, а, постоянно видоизменяется, приспособившись к новым реалиям жизни. Так, одним из разновидностей терроризма, который актуален для сегодняшнего времени, является «информационный терроризм», другие его названия «электронный терроризм» или «кибертерроризм». Он характерен для глобального информационного сообщества и ориентирован на использование различных форм и методов негативного воздействия на информационно-психологическую среду мирового сообщества и государств, а также целенаправленное использование средств массовой информации для создания условий, влекущих за собой дестабилизацию информационной, психологической и социальной ситуации в стране или в каком-либо регионе мира.

Криминологическая наука этот вид терроризма называет киберпреступностью (незаконное вмешательство в работу компьютеров, компьютерных программ, компьютерных сетей, несанкционированное изменение компьютерных данных, взлом системы безопасности, кража или уничтожение информации для террористов, наемников или хулиганские цели, а также иные противоправные общественно опасные действия, совершаемые с помощью компьютеров, компьютерных сетей и программ.

По мнению Э.А. Роговского, можно выделить два типа кибертерроризма [1, с. 46]:

1) непосредственное совершение террористических актов с использованием компьютеров и компьютерных сетей;

2) использование киберпространства террористическими группами в организационных и коммуникационных целях и с целью шантажа, но не для прямого совершения террористических актов.

Первый тип соответствует сочетанию понятий «киберпространство» и «терроризм» и представляет собой преднамеренное нападение на компьютеры, компьютерные программы, компьютерные сети или обрабатываемую ими информацию, создающее опасность гибели людей со значительным материальным ущербом или другими общественно опасные последствия. Например, перехват управления военным или инфраструктурным объектом с целью нарушения общественной безопасности, запугивания населения или оказания влияния на принятие решений властями путем угрозы аварии (катастрофы).

К первому типу кибертерроризма относятся все так называемые «информационные» правонарушения против Конституции (антиконституционные призывы, угрозы конституционным правам и свободам человека и гражданина, распространение устрашающих слухов, угрозы информационному обеспечению государственной политики и др.), осуществляемые через Интернет.

Второй тип кибертерроризма – это использование террористическими группами информационного пространства в организационных и коммуникационных целях (но не для прямого совершения террористических атак), проведение теоретической, военной, теологической подготовки и пропаганды, а также вербовка новых членов и обеспечение связи между отдельными ячейками.

В настоящее время в научной литературе нет общепринятого определения понятия «информационный терроризм» («кибертерроризм»).

Отдельные авторы понимают кибертерроризм как совокупность противоправных действий, связанных с покушением на жизнь людей, деструктивными действиями в отношении материальных объектов, искажением объективной информации или рядом других действий с использованием информационных носителей, способствующих нагнетанию страха и напряжения в обществе, с целью получения преимуществ при решении политических, экономических или социальных задач. Другие определяют, как умышленное нападение на информацию, обрабатываемую компьютером, компьютерной системой или сетью,

которая представляет опасность для жизни и здоровья людей, если такие действия были совершены с целью нарушения общественной безопасности, запугивания населения или провокации военных конфликтов.

С юридической точки зрения следует также различать понятия информационного терроризма и использования информации в террористических целях. СМИ часто допускают подмену этих понятий, считая пропаганду в террористических целях информационным терроризмом.

Кроме того, не все ученые считают понятия «информационный терроризм», «кибертерроризм (компьютерный терроризм)» синонимами, придавая им разное значение.

Под информационным терроризмом понимается использование информационных ресурсов в террористических целях, а также дезорганизация автоматизированных информационных систем, создающая опасность гибели людей, причинения имущественного ущерба или наступления иных общественно опасных последствий, если они совершаются в целях нарушения общественной безопасности, запугивания населения или влияния на принятие властями решений, а также угроза совершения этих действий в тех же целях.

Основным признаком кибертерроризма (компьютерного терроризма) они видят атаки на компьютерные сети, аппаратно-программные комплексы государства, оборонных учреждений, важные, особо важные и другие объекты с целью нарушения их работы и саботажа, либо угрозу причинения физического ущерба с помощью компьютерных средств путем совершения таких атак в случае невыполнения определенных требований, предъявляемых террористами (например, отключение информационно-телекоммуникационной сети организации, уничтожение личных данных клиентов банка, отключение оцифрованных заводов и энергетических объектов в террористических целях или получение выкупа с целью финансирования терроризма).

Различные подходы в науке и практике создают проблему определения кибертерроризма как самостоятельной формы и указывают на взаимосвязь всех его аспектов, а также на отсутствие однозначного ответа об определяющем значении того или иного из них для формирования общепринятого определения. Эта неопределенность говорит о сложности этого явления и необходимости привлекать ученых разных направлений к его исследованиям в глобальном масштабе.

Из-за отсутствия общепринятого определения этого понятия некоторые ученые часто называют проявления киберпреступности, кибервойны или «обычного» терроризма «кибертерроризмом».

подавляющее большинство ученых, занимающихся исследованием кибертерроризма, признают под ним только действия отдельных лиц, независимых групп или организаций. И любая форма кибератаки, предпринимаемая правительством и другими правительственными организациями, считается проявлением кибервойны.

Так, Е. Старостина предлагает следующее определение кибертерроризма: это – «комплексная акция, выражающаяся в преднамеренной, политически мотивированной атаке на информацию, обрабатываемую компьютером и компьютерными системами, создающая опасность для жизни или здоровья людей, или наступления других тяжких последствий, если такие действия были содеяны с целью нарушения общественной безопасности, запугивания населения, провокации военного конфликта» [2].

В научной литературе существует двойной подход к определению понятия «кибертерроризм»: узкий и широкий.

В узком определении понятия «кибертерроризм» используется тот же подход, что и в случае с общим понятием «терроризм», то есть акты кибертерроризма могут включать только атаки на компьютерные системы (особенно через Интернет), которые угрожают собственности или жизни и здоровья человека или способны вызвать серьезные нарушения в функционировании объектов инфраструктуры и осуществляются негосударственными агентами. Другие атаки следует рассматривать как проявления киберпреступности или кибервойны.

Определение в широком смысле означает использование информационных технологий террористическими группами и террористами-одиночками для достижения своих целей; может включать использование информационных технологий для запуска и выполнения атак на телекоммуникационные сети, информационные системы и инфраструктуру связи или обмена информацией, а также телекоммуникационных угроз. Примеры включают взлом информационных систем, внедрение вирусов в уязвимые сети, повреждение веб-сайтов, DoS-атаки, террористические угрозы, доставляемые электронными средствами.

При этом мы придерживаемся позиции определения этого понятия в узком смысле.

Таким образом, информационный терроризм (кибертерроризм) – это умышленные атаки на информационные системы, информационные и телекоммуникационные сети или компоненты этих систем или сетей, на компьютерные сети, программно-аппаратные комплексы государства, оборонных учреждений, важные, особо важные и другие объекты, в том числе на лиц, с целью срыва их работы и саботажа, совершения действий с использованием информационных средств запугивания населения с целью дестабилизации деятельности государственных органов или международных организаций или влияния на принятие решений, а также угроза совершения этих действий в тех же целях, если эти действия создают опасность смерти человека, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных тяжких последствий.

Список литературы

1. *Роговский Е.А. Россия в борьбе с международным терроризмом грани повышения позитивного образа страны // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал. – 2007. – № 3. – С. 45-52.*

2. *Старостина Е. Терроризм и кибертерроризм – новая угроза международной безопасности // Центр исследования компьютерной преступности: Интернет-издание. URL: <http://www.crimeresearch.ru/articles/starostina> (дата обращения: 24.10.2021)*

© А.М. Евлоев, 2021

УДК: 343.13

ТАКТИКА ЗАВЕРШЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ВЫНЕСЕНИЕМ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА

Закурдаева Маргарита Александровна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Демидченко Юрий Викторович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: *статья посвящена исследованию тактических особенностей завершения предварительного расследования, а именно*

дознания в общем порядке, вынесением обвинительного акта. На основе анализа норм уголовно-процессуального закона и общих положений криминалистической тактики, предложены тактические правила завершения данного этапа предварительного расследования.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, тактика, завершение предварительного расследования, дознание, обвинительный акт, дознаватель.

UDC: 343.13

TACTICS OF COMPLETING A PRELIMINARY INVESTIGATION BY AN INDICATION

Zakurdaeva Margarita Alexandrovna,

Scientific adviser: Demidchenko Yury Viktorovich

Abstract: *the article is devoted to the study of the tactical features of the completion of the preliminary investigation, namely, the general inquiry, the issuance of the indictment. Based on the analysis of the norms of the criminal procedure law and the general provisions of criminalistic tactics, tactical rules for completing this stage of the preliminary investigation are proposed.*

Key words: *criminal proceedings, tactics, completion of the preliminary investigation, inquiry, indictment, interrogator.*

Одним из важнейших документов, принимаемых в досудебной части уголовного процесса, является обвинительный акт, завершающий такую форму предварительного расследования, как дознание (причем, в общем порядке). Юридическое значение данного документа выражается в том, что он обобщает работу, проведенную дознавателем, содержит выводы о событии преступления, виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и квалификации его деяния, а также определяет предмет и пределы судебного разбирательства. Обвинительный акт составляется с копиями, которые вручаются обвиняемому, защитнику и потерпевшему, а один экземпляр остается у прокурора. Если лица, которым вручена копия обвинительного акта, не говорят на языке судопроизводства, то для этих лиц должен быть предоставлен перевод таких копий. Все изложенное выше говорит о том, что данный процессуальный документ является одной из гарантий права обвиняемого на защиту, поскольку он получает реальную возможность подготовиться к судебному разбирательству и оспорить в суде предъявленное ему обвинение, в том числе путем представления доказательств в свою защиту.

Как справедливо отмечается в литературе, обвинительный акт позволяет решать следующие взаимосвязанные задачи [2, с. 120]:

- 1) подведение итогов предварительного расследования;
- 2) определение основ и рамок (границ) судебного разбирательства;
- 3) ознакомление обвиняемого с характером и основаниями выдвинутого против него обвинения, позволяющее определить линию защиты;
- 4) систематизация собранных по делу доказательств.

При этом следует назвать еще две задачи, решаемые с помощью данного процессуального акта. На основании представленных в нем доказательств прокурор делает вывод о целесообразности или нецелесообразности направления уголовного дела в суд, а суд, если обвинение, выдвинутое в ходе судебного следствия, доказано, выносит приговор, в установленном в нем пределах [3, с. 324].

Требования, предъявляемые к обвинительному акту изложены в ст. 225 УПК РФ [1], и они достаточно просты. Однако, несмотря на кажущуюся простоту, детальный анализ норм УПК РФ, регламентирующих порядок составления обвинительного акта, и содержащие требования к его составлению, свидетельствуют о том, что на сегодняшний день существует ряд законодательных пробелов и неточностей.

Во-первых, законодатель в обвинительном акте не устанавливает срок, в течение которого указанный документ должен быть передан обвиняемому и его защитнику. Часть 2 ст. 225 УПК РФ содержит лишь указание на то, что обвиняемый и его защитник должны быть ознакомлены с обвинительным актом и материалами уголовного дела, но как долго это должно происходить, не определено. Полагаем, что отсутствие уточнения сроков вручения этого процессуального документа может привести к нарушению процессуальных прав обвиняемого на его защиту. В свою очередь, обвинительный акт является не только заключительным документом при проведении расследования в целом, но и своеобразной формой обвинения, придающей подозреваемому статус обвиняемого. Причем согласно ч. 1 ст. 172 УПК РФ, в случае принятия решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, что также является формой обвинения, оно должно быть предъявлено ему в течение 3 суток. С учетом вышеизложенного, в целях обеспечения прав обвиняемого и его защитника на этапе завершения дознания в общем порядке считаем целесообразным дополнить ч. 2 ст. 225 УПК РФ о сроке ознакомления с обвинительным актом и материалами основного дела в течение 3 суток.

Во-вторых, действующее уголовно-процессуальное законодательство не регулирует порядок ознакомления гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей с обвинительным актом и материалами уголовного дела.

Считаем, что данный пробел необходимо устранить путем внесения соответствующих изменений и дополнений в УПК РФ. Так, следует, дополнить ст. 225 с новой частью – 3.3 следующего содержания: «По ходатайству гражданского истца, гражданского ответчика и / или их представителей дознаватель знакомит этих лиц с материалами уголовного дела по гражданскому иску. Ознакомление проводится в порядке, установленном ст. 217 и 218 настоящего Кодекса».

В-четвертых, сравнительный анализ ч. 1 ст. 220 УПК РФ (содержит требования, предъявляемые к обвинительному заключению) и ч. 1 ст. 225 УПК РФ (содержит требования, предъявляемые к обвинительному акту) свидетельствует о том, что в обвинительном акте, в отличие от обвинительного заключения, законодатель опустил требование указывать в обвинительном акте ссылки на тома и листы уголовного дела. Что, на наш взгляд, является пробелом в законотворчестве, который необходимо устранить.

В связи с чем предлагаем, ч. 2 ст. 225 УПК РФ дополнить следующим содержанием: «2. В обвинительном акте должны быть ссылки на тома и листы уголовного дела».

Таким образом, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве существует ряд пробелов в регулировании обвинительного акта, преодоление которых возможно путем внесения изменений и дополнений в нормы действующего УПК РФ. Представляется, что внесенные нами предложения решат ряд проблем, возникающих в правоприменительной деятельности.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. – 04.12.2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

2. Пилюгин Н.Н., Евстегнеев А.С. *Доказывание на стадии предварительного расследования: монография*. Кострома: Изд-во Костромского госуд. технол. ун-та, 2008. – 178 с.

3. Шайдуллина Э.Д. *Окончание дознания составлением обвинительного акта: вопросы теории и практики // В книге: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях*.

сборник материалов XXII международной научно-практической конференции: в 2 томах. 2017. – С. 320-328.

© М.А. Закурдаева, 2021

УДК: 343.1

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Зуева Анастасия Сергеевна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Коблева Мария Мухадиновна,

доцент кафедры уголовно-процессуального права, к.ю.н.

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

***Аннотация:** Статья раскрывает особенности реализации принципа гласности в отечественном уголовном судопроизводстве, а также новеллы уголовно-процессуального законодательства по рассматриваемой тематике. Авторами выявлены проблемы реализации данного принципа в условиях развития открытого информационного общества. Вместе с тем, определены пути решения практической реализации принципа гласности организационного и правового характера в современном уголовном судопроизводстве.*

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, гласность, принцип, открытость, аудиопотоколирование, средства массовой информации.*

UDC: 343.1

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF PUBLICITY IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS

Zueva Anastasia Sergeevna,

Scientific adviser: Kobleva Maria Mukhadinovna

***Abstract:** The article reveals the features of the implementation of the principle of publicity in domestic criminal proceedings, as well as the novelties of the criminal procedure legislation on the topic under consideration. The authors identified the problems of the implementation of this principle in the*

development of an open information society. At the same time, the ways of solving the practical implementation of the principle of publicity of an organizational and legal nature in modern criminal proceedings have been determined.

Keywords: *criminal proceedings, publicity, principle, openness, audio recording, mass media.*

Гласность уголовного судопроизводства является важной правовой гарантией открытости, доступности и прозрачности уголовного судопроизводства. В этом смысле вполне справедливо отмечено С.Б. Россинским, А.П. Шумской: «В данный момент начинается качественно новый этап процессуальной деятельности, проистекающий при соблюдении устности, гласности, состязательности, равноправия сторон и иных общих условий судебного разбирательства, обеспечение которых невозможно без некой «правовой прозрачности». [1, с.73]

Вместе с тем, в настоящее время гласность как принцип уголовного судопроизводства не закреплен в главе 2 уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), а указан в ст. 241 УПК РФ главы 35 «Общие условия судебного разбирательства». [2]

Не отнесение законодателем гласности к принципам уголовного судопроизводства в юридической науке имеет различные точки зрения. Одни, критикуют такое положение вещей и указывают, что гласность относится к принципам уголовного судопроизводства. Другие авторы, говорят о том, что гласность – не принцип уголовного судопроизводства, а принцип судебного разбирательства.

Отметим, что гласности присущи признаки, которые характеризуют принципы уголовного судопроизводства, такие как идейный характер, нормативное выражение в законе, руководящее значение, системность.

Как верно отмечено О.А. Сегал, гласность помогает реализации остальных принципов и не нарушает их действия, поскольку каждый принцип представляет собой своеобразную опору в каркасе уголовного судопроизводства, а в совокупности своей они составляют тот фундамент, на который опирается само здание.

Вышеизложенное обуславливает солидарность с авторами, которые указывают, что гласность необходимо рассматривать как принцип уголовного судопроизводства и соответственно включить его в главу 2 УПК РФ.

В настоящее время правовое регулирование гласности уголовного судопроизводства претерпело некоторые изменения.

15 сентября 2019 года введена обязательная аудиозапись судебных заседаний в судах первой и апелляционной инстанций. Сущность данного нововведения состоит в том, что в течение пяти дней со дня подписания протокола участникам уголовного процесса и их представителям предоставляется возможность ознакомиться с аудиозаписью судебного заседания и подать замечания относительно ее неточности и неполноты. Исключение составляют закрытые судебные заседания, о проведении которых судьей выносится мотивированное постановление по правилам, предусмотренным статьей 241 УПК РФ.

Введение данного новшества было обусловлено тем, что большая часть судебных приговоров основана на показаниях свидетелей, экспертов, специалистов, потерпевших и подсудимых. При этом зачастую сторонами уголовного судопроизводства указывалось на то, что протоколы судебных заседаний, которые изготавливаются секретарем судебного заседания, неполно отражают показания указанных выше лиц, а иногда и сам ход процесса. Если подается замечание на протокол судебного заседания, то лишь в редких случаях они подлежат удовлетворению. Кроме того, аудиозаписи, которые были сделаны непосредственно участниками уголовного процесса, до сих пор не принимались судами во внимание и никак не учитывались.

Возникает вопрос, готовы ли суды к ведению обязательного аудиопроотолирования, так как некоторые судебные инстанции (районные суды, мировые судьи) могут сталкиваться с проблемами организационного и технического характера. Основная проблема введения процедуры аудиопроотолирования обусловлена техническими сбоями и проблемами. В случае если у судов не будет технической возможности вести аудиопроотолирование (например, в случае перебоев с электроэнергией, что является весьма актуальным для отдаленных районов России и районов с суровыми климатическими условиями), судебное заседание может быть отложено и перенесено на иной срок. В то же время не исключается ситуация, когда аудиозапись судебного заседания производилась, но по разным причинам не сохранилась, либо повреждена. В этом случае предполагается, что суд будет полагаться на письменный протокол, который будет вестись секретарем судебного заседания. В любом случае технические стороны введения обязательного аудиопроотолирования требуют отдельного и более тщательного внимания со стороны технических специалистов, которые обслуживают работу судов. [3]

Между тем, следует признать, что введение обязательного аудиопротоколирования является значительным расширением гарантии реализации принципа гласности. Заинтересованные лица могут в любое время отследить ход всего судебного заседания и выявить допущенные процессуальные и иные ошибки, если таковые имелись, либо убедиться в их отсутствии.

Некоторые судьи не без оснований полагают, что ряд журналистов, представляющих телевидение, газеты или радио, не совсем корректно излагают позицию суда и сторон в процессе. Это приводит к искажению фактических обстоятельств дела и вредит объективному формированию общественного мнения.

Представители средств массовой информации, в свою очередь, крайне недовольны тем, что не всегда удовлетворяются ходатайством о применении фото- или видеозаписи хода и результатов судебного заседания.

Учитывая изложенное, представляется важным сосредоточить внимание законодателя на решении вопросов не только правового, но и организационно-технического характера. В частности, требуется создание в здании судов отдельных присутственных мест для представителей СМИ, а также лиц, которые желают присутствовать в зале судебного заседания.

Поскольку принцип гласности направлен на обеспечение взаимодействия между обществом и судом, в УПК РФ надлежит установить принципы взаимодействия судов и средств массовой информации, порядок получения разрешения на проведение фото- и видеосъемки, трансляции судебного заседания. Требуется установить дополнительные гарантии для представителей средств массовой информации. Таким решением видится сокращение срока рассмотрения жалоб на отказ в доступе к информации о деятельности судов, если запрос исходит от редакции средства массовой информации.

Следует согласиться с позицией У.С. Ищенко, И.П. Можяевой, которые отмечают, что гласность и прозрачность при осуществлении правосудия является важным составляющим в системе гарантий, обеспечивающих принцип независимости судей в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем, принцип гласности способствует более эффективной защите прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, а также неукоснительному соблюдению уголовно-процессуальных норм его участниками, повышает ответственность судей. [4, с.123]

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что принцип гласности в уголовном судопроизводстве является фундаментальным, так как именно гласность способствует реализации других принципов уголовного судопроизводства, повышению уровня правовой осведомленности о судоустройстве и судопроизводстве, является гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивает общественный контроль за функционированием судебной власти.

Список литературы

1. Россинский С.Б., Шумская А.П. О практике ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовных дел (в порядке статей 216-218 УПК РФ) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1 (84). -С. 71-74

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 22 декабря.

3. Обязательное аудиопроколирование судебных заседаний прошло первое чтение // Адвокатская газета. 2018. 23 мая. <https://www.advgazeta.ru/novosti/obyazatelnoe-audioprotokolirovanie-sudebnykh-zasedaniy-proshlo-pervoe-chtenie/>

4. Ищенко У.С., Можяева И.П. Система гарантий, обеспечивающих принцип независимости судей в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 2(89). – С. 121-122

© А.С. Зуева, 2021

УДК: 343.9

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ивлиева Юлия Сергеевна,

Студентка 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Демидченко Юрий Викторович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье исследуются криминологические характеристики преступлений несовершеннолетних. Анализируются основные обстоятельства совершения рассматриваемых преступлений. Представлены статистические данные о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступления, особенности личности, способы совершения.

UDC: 343.9

PECULIARITIES OF THE INVESTIGATION OF JUVENILE CRIMES

Ivlieva Julia Sergeevna,

Scientific adviser: Demidchenko Yuriy Viktorovich

Abstract: *The article explores the criminological characteristics of juvenile crimes. The main circumstances of committing the crimes under consideration are analyzed. The statistical data on the crimes committed by the minors are presented.*

Keywords: *juveniles, crimes, personality features, ways of committing.*

На современном этапе развития гражданского общества наравне с достижением поставленных политических и экономических целей, также решаются социальные и нравственные проблемы. Первенствующей и определяющей является тема семьи, поскольку в данном социальном институте закладываются основные установки у подрастающего поколения, от которого в дальнейшем зависит будущее страны.

Как показывает практика предыдущих лет, преступность несовершеннолетних и борьба с ней остаются приоритетной проблемой, вызывающей большую озабоченность государства и общества в силу ее масштабов, сложности и характера негативных социальных последствий. Процент преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием, остается высоким.

Проанализировав общедоступные статистические показатели, можно сделать вывод, что за январь-март 2021 года количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их участием снизилось на 19,3%. «Сравнивая динамику преступлений несовершеннолетних за 2020 год и 2019 год, их число снизилось на 11,5 %. Так, если в 2019 году преступления совершили 13,8 тыс. подростков в возрасте от 14 до 15 лет (из них 12 215 юношей и 1579 девушек), то в 2020 году – 11,3 тыс. (10 283 юноши и 1072 девушки). Также в прошлом году на преступления

пошли 22,2 тыс. 16–17-летних подростков (2018 девушек и 20 202 юноши), тогда как годом ранее – 23,5 тыс. (1579 девушек и 21 892 юноши)» [1].

Действующая законодательная база имеет некоторые особенности в части процессуального регулирования расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними.

К особенностям предмета доказывания по уголовным делам в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, относятся обстоятельства, подлежащие доказыванию по каждому уголовному делу. К ним относятся «возраст ребенка (число, месяц и год рождения), условия жизни и образования, степень интеллектуального, волевого и психического развития, наличие взрослых подстрекателей и других соучастников. Установление возраста несовершеннолетнего входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию, является одним из условий его уголовной ответственности» [2].

Все выше рассмотренные криминалистические характеристики находятся в тесной взаимосвязи друг с другом.

Классификация преступлений, совершенных несовершеннолетними выглядит следующим образом:

- преступления, совершенные от 14 до 15 лет;
- преступления, совершенные от 16 до 18 лет

Признано считать, что последние преступления являются более опасными и искусными, а сама личность нарушителя наделена более антисоциальными чертами [3].

Большое влияние на подрастающее поколение оказывает окружение и обстановка, в котором они живут. Рост числа неблагополучных семей увеличивает подростковую безнадзорность и беспризорность, является обстоятельством, способствующим вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность [4].

Распространённым мотивом данной категории правонарушителей является быстрое и легкое получение чаще всего денежных средств, дорогостоящих вещей (телефонов, автомобилей и так далее), а также сам факт стремительно разбогатеть. Изредка можно встретить такие мотивы как месть, ревность.

Знание личностного и психологического портрета несовершеннолетнего правонарушителя, позволяет следователю на ранних этапах расследования преступлений, совершенных данной категорией лиц применить наиболее подходящие и эффективные тактические приемы. Действительно важным моментом является установление психологической связи между следователем и лицом, не достигшим совершеннолетия, что

впоследствии упрощает и оказывает положительное влияние на ход расследования преступления.

Необходимо обозначить определяющие моменты преступлений, совершаемые несовершеннолетними:

1. Предметом посягательства чаще всего являются небольшие и легко переносимые вещи (деньги, телефоны, часы, кошельки, украшения и т.п.).

2. Способы совершения преступления имеют следующие характерные черты: отсутствие профессиональной подготовки к совершению правонарушения, однотипными и похожими схемами действия. Оставление на месте преступления множества следов таких как, отпечатки пальцев и рук, ног, а также оставления различных орудий, посредством которых и совершается данное деяние. Стоит отметить, что чаще всего молодые люди пытаются подражать или копировать взрослых людей, преступных кумиров.

3. Место и время совершения преступления. Местом совершения преступления чаще всего являются объекты, находящиеся неподалеку от учебных заведений или дома (магазины, киоски, дворы, подъезды и т.д.). Данные правонарушения совершаются ночью или днем, когда взрослых нет рядом, а также в свободное от учебы время.

Но в свете того как быстро развиваются нынешние подростки, в скором времени все выше названные характеристики могут измениться и усугубиться, т.е. вырастит профессионализм совершения преступления и увеличатся масштабы посягательства от сотовых телефонов до дорогостоящих транспортных средств.

Необходимо обратить внимание, что есть и определенные особенности тактики проведения допроса лиц, не достигших совершеннолетия.

Согласно ч.3,4,5 ст.425 УПК РФ, «в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. Следователь, дознаватель обеспечивают участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого по ходатайству защитника либо по собственной инициативе. Педагог или психолог вправе с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и

полноте сделанных в нем записей. Эти права следователь, дознаватель разъясняют педагогу или психологу перед допросом несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, о чем делается отметка в протоколе».

Во время проведения допроса следователю необходимо убедиться, что ребенок понимает содержание вопроса. Если это не так, вопрос должен быть сформулирован как можно понятнее, возможно, даже в «детском» стиле. Если ребенок отвечает подобным образом, то в протоколе допроса, в обязательном порядке должна содержаться расшифровка каждого слова и выражений ребенка, которая четко отображает его смысл.

При работе с ребенком следователь должен:

- позволить допрашиваемому свободно говорить о преступлении и своей роли в нем, не перебивая и не мешая ему;
- описать расследуемое преступление как можно более подробно;
- сопоставить информацию, полученную в ходе допроса, с другими элементами, уже имеющимися в деле, чтобы помочь прояснить роль подростка в преступлении, количество и состав соучастников и действия каждого из них;
- проверить показания подростка непосредственно на месте преступления.

В п. 3 ст. 196 УПК РФ законодатель указал, что назначение судебной экспертизы является обязательным, при необходимости установить психическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости. Применительно к несовершеннолетним лицам законодателем расширены основания для назначения подобных судебных экспертиз. Так, согласно ч. 2 ст. 421 УПК РФ «при наличии данных, свидетельствующих об отставании несовершеннолетнего в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливается также, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими» [5].

Список литературы

1. *Подростки не идут на дело. Газета «Коммерсантъ» №51. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4742628> (26.10.21)*
2. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.*
3. *Антонян Ю.М. Портреты преступников. Криминологический психологический анализ. Монография. – М., 2014. – 457 с.*

4. Орлова Ю. Р. Особенности расследования и предупреждения преступлений несовершеннолетних: учеб. пособие. – М.: Щит-М., 2013. – 156 с.

5. Николук В.В. Особенности назначения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз по уголовным делам о преступлениях, совершенных с участием несовершеннолетних / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/67630-osobennosti-naznacheniya-kompleksnykh-sudebnykh-psikhologo-psikhiatricheskikh-ehkspertiz> (31.10.21)

© Ю.С. Ивлиева, 2021

УДК: 343.2

**ИНСТИТУТ ПОКУШЕНИЯ НА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Исраилов Яраги Исаевич,

Магистрант 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Фаргиев Ибрагим аюбович,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье исследуется законодательство зарубежных стран на предмет наличия норм о покушении на преступление. Делается вывод о том, что определения покушения на преступление достаточно различаются в зависимости от государств и систем уголовного права, но в большинстве определений присутствует ряд основных черт в той или иной форме.

Ключевые слова: неоконченное преступление, покушение на преступление, законодательство зарубежных стран.

UDC: 343.2

**INSTITUTE FOR ATTENTION OF CRIMES IN CRIMINAL LAWS
OF FOREIGN COUNTRIES: A COMPARATIVE ANALYSIS**

Israilov Yaragi Isaevich,

Scientific adviser: Fargiev Ibragim Ayubovich

***Abstract:** The article examines the legislation of foreign countries for the existence of rules on attempted crime. It is concluded that the definitions of attempted crime vary considerably depending on states and systems of criminal law, but most definitions have a number of basic features in one form or another.*

***Keywords:** unfinished crime, attempted crime, legislation of foreign countries.*

Действующий Уголовный Кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность не только за оконченную преступную деятельность, но также выделяет уголовно-наказуемые стадии совершения преступления, охватываемые понятием неоконченного преступления [1, с. 125].

Проблема неоконченного преступления и его видов является одной из важнейших проблем уголовного права и судебной практики. Реализация задач уголовного законодательства предполагает точное определение состава преступных деяний, применение наказания только к лицам, виновным в совершении преступлений, и назначение наказания в зависимости от характера и степени реализации преступного умысла. Решение этих задач требует рассмотрения и решения ряда вопросов, связанных с неоконченной преступной деятельностью, в части решения вопроса о покушении на преступление. Несомненным подспорьем в решении вышеуказанных проблем является изучение опыта зарубежных стран по регулированию института покушения на преступление [2, с. 57].

Изучение и анализ зарубежного опыта и законодательства часто становится источником различных полезных нововведений. В этой связи анализ зарубежного законодательства, регулирующего институт покушения на преступление, не лишен научного и практического интереса. По справедливому мнению, Р.В. Килимбаева, «ряд существенных признаков, отраженных в зарубежных определениях этого института, а также некоторые особенности ответственности за его реализацию заслуживают пристального внимания при разработке законопроектов, направленных на совершенствование отечественного законодательства в

этой части» [3, с. 79].

В законодательстве стран Восточной Европы определение покушения на преступление во многом схоже с отечественным. Так, согласно ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса Республики Беларусь покушением на преступление является «умышленное действие или бездействие лица, непосредственно направленное на совершение преступления, если преступление не было доведено до конца по независящим от него обстоятельствам» [4].

Согласно ст. 15 Уголовного кодекса Украины покушением на преступление является «совершение лицом с прямым умыслом деяния (действия или бездействия), непосредственно направленного на совершение преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, не было доведено до конца по причинам, не зависящим от его воли» [5]. Примечателен тот факт, что ч.ч. 2 и 3 ст. 15 Уголовного кодекса Украины регулирует определения оконченного и неоконченного покушения на преступление. Однако при этом нет прямого указания на разницу в назначении наказания в Уголовном кодексе Украины.

Согласно ч. 1 ст. 22 Уголовного кодекса Литовской Республики покушением на преступление является «умышленное действие или бездействие, непосредственно направленное на совершение преступления или уголовного правонарушения, если деяние не было доведено до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного» [6]. Использование категории «воля» в понятии покушение также применялось отечественным законодателем в Уголовном кодексе РСФСР в 1960 г. Однако из-за неоднозначности его толкования в действующем уголовном законодательстве отказались от использования данной категории.

Следует добавить, что Уголовный кодекс Литовской Республики также предусматривает «негодное покушение». Так, согласно ч. 2 ст. 22 «покушением на преступление признается и случай, если виновный не осознает, что он не в состоянии довести деяние до конца из-за того, что покушается на негодный объект или использует негодные средства» [6]. Однако законодатель не дифференцирует наказания за покушение такого типа.

В соответствии с ч. 1 ст. 19 Уголовного кодекса Грузии: «Покушение на преступление – это умышленное деяние лица, которое, хотя и было прямо направлено на совершение преступления, преступление не было прекращено» [7]. На наш взгляд, основным недостатком этого определения является отсутствие признака, указывающего на причину, по которой

преступление не было доведено до конца.

Законодатель Республики Узбекистан в абзаце втором ст. 25 УК РФ сформулировал следующее определение: «покушением на преступление признается начало совершения умышленного преступления, неоконченного по не зависящим от лица обстоятельствам» [8]. Указание в определении о том, что покушение является «началом совершения преступления», четко показывает разницу между покушением и приготовительными действиями, при совершении которых лицо еще не приступило к осуществлению объективной стороны преступления. Однако следует отметить, что покушение на преступление – это не всегда только начало преступления. Так, лицо может выполнить деяние в полном объеме, однако преступление не будет доведено до конца из-за не наступивших негативных последствий (в случае материального состава). Поэтому формулировка «начало совершения» нам представляется не совсем содержательной.

Согласно ст. 121-5 УК Франции «покушение имеет место тогда, когда явно выраженное началом исполнения, оно было прервано или его последствия не наступили только в силу обстоятельств, не зависящих от воли ее исполнителя» [9]. Анализируя это определение, можно прийти к выводу, что Уголовный кодекс Франции также косвенно делит покушение на неоконченное – «выраженное началом исполнения, оно было прервано» и оконченное – «или его последствия не наступили только в силу обстоятельств, не зависящих от воли ее исполнителя». Наряду с Уголовным кодексом Украины деление покушения на виды непосредственно в законе, цитируемом в Уголовном кодексе Франции, является редкостью.

Приведенное определение покушения в УК Франции позволяет выделить два признака покушения на преступление:

1. Непосредственное начало исполнения преступления и
2. Недоведение преступления до конца по причинам, не зависящим от воли виновного.

На основании §1 ст. 13 Уголовного кодекса Польши «Ответственности за покушение подлежит тот, кто с намерением совершить запрещенное деяние направляет свои действия непосредственно на его выполнение, которое, однако, не доводится до конца» [10]. Ошибка этого определения, как и определения, содержащегося в Уголовном кодексе Грузии, заключается в отсутствии указания причины, по которой указанное запрещенное действие не доведено до конца. Известно, что преступление может быть не доведено до конца, даже если

лицо добровольно отказывается от совершения преступления, что, по крайней мере, в национальном законодательстве, уже исключает уголовную ответственность.

Особый интерес представляет тот факт, что Уголовный кодекс Польши также различает понятие негодного покушения. Так, в соответствии с п. 2 ст. 13 «покушение имеет место и тогда, когда виновный не отдает себе отчет в том, что выполнение преступления невозможно ввиду отсутствия предмета, годного для совершения в отношении него запрещенного деяния, или ввиду использования средства, негодного для совершения запрещенного деяния» [10].

Согласно Уголовному кодексу Польши, суд назначает наказание за покушение в пределах санкции, установленной за это преступление. А в отношении негодного покушения допускается снижение наказания и даже есть возможность вообще отказаться от его назначения.

В Уголовном кодексе Федеративной Республики Германии институт покушения на преступление отражен во второй главе. В пункте 22 данной главы «определение понятия» содержится следующее определение: «покушается на наказуемое деяние тот, кто согласно своему представлению о деянии непосредственно приступает к осуществлению состава деяния» [11]. Это определение, как и ряд других, не указывает причины, по которым деяние не было доведено до конца. По справедливому мнению, Л.А. Метловой «Покушение характеризуется неполной объективной стороной и выполненной субъективной стороной. В качестве ключевого элемента объективной стороны покушения выступает непосредственное начало совершения деяния, соответствующего составу» [12, с. 29].

Особый подход к определению покушения на преступление закреплен в Уголовном кодексе Швейцарии. Так, Кодекс различает оконченное и неоконченное покушение: «если лицо, после того как оно начало совершение преступления или проступка, не доводит свою преступную деятельность до конца, то оно может быть наказано мягче» (неоконченное покушение) (ст. 21 УК)» [13]. «Если преступная деятельность была доведена до конца, но преступный результат, характеризующий окончание преступления или проступка, не наступил, то лицо может быть наказано мягче» (оконченное покушение) (ст. 22 УК)» [13].

В дополнение к этому Уголовный кодекс Швейцарии содержит норму о негодном покушении. Так, согласно ст. 23 «Если средство, при помощи которого кто-либо пытается совершить преступление или проступок, либо предмет, против которого оно направлено, обладают такими свойствами,

что с их использованием или в отношении них преступное деяние вообще не могло бы быть совершено, то судья может смягчить наказание по своему усмотрению» [13]. Как видно из определения, швейцарский законодатель на уровне закона проводит различие между покушением с использованием негодных средств и покушением на негодный предмет, при этом предусматривая возможность смягчения наказания по усмотрению суда.

В Уголовном кодексе Испании в ст. 16 дается определение покушения: «покушением на преступление признаются действия лица, непосредственно направленные на совершение преступления, и которые объективно должны были привести к определенному результату, однако данный результат не достигается по причинам, независящим от воли лица» [14].

Согласно ст. 23 Уголовного кодекса КНР, «покушение на преступление представляет собой действия, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не доведено до конца по причинам, не зависящим от воли преступника» [15].

Как видно, определения покушения на преступление достаточно различаются в зависимости от государств и систем уголовного права, но в большинстве определений присутствует ряд основных черт в той или иной форме. Таким образом, покушением всегда являются:

- 1) действия, направленные непосредственно на совершение преступления;
- 2) эти действия всегда только умышленные;
- 3) преступление не доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам, хотя эта особенность встречается не всегда.

Наиболее характерными чертами покушения на преступление в законодательстве проанализированных нами зарубежных странах являются: «непосредственное начало выполнения преступления», «деяние всегда умышленное», «не доведение преступления до конца по не зависящим от лица обстоятельствам», хотя последнее встречается гораздо реже.

Определение непосредственно в законе признаков, позволяющих различать виды покушения (оконченное и неоконченное), на наш взгляд, кажется излишним, так как это обстоятельство в любом случае будет учтено судом при вынесении приговора. То же самое относится к определению в законе случаев так называемого «негодного» покушения.

В заключение хотелось бы отметить, что неоднозначность

регулирования института покушения на преступление в разных государствах объясняется разным историческим опытом и практикой его применения, а также различиями правовых систем и семей.

Список литературы

1. *Розава И.Г., Исраилов Я.И. К вопросу о признаках стадии покушения на преступление // Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования». Октябрь 2020 г. №66, Часть 2 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2020. – С. 125-127.*

2. *Грузинская Е.И. Уголовное законодательство отдельных зарубежных стран о неоконченном преступлении // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 1. – С. 57-63.*

3. *Килимбаев Р.В. Сравнительный анализ института покушения на преступление по законодательству зарубежных стран // В сб.: Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития. Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах. – 2020. – С. 77-84.*

4. *Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. Эл. ресурс. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК9900275> (дата обращения: 15.10.2021)*

5. *Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III. Эл. ресурс. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 15.10.2021)*

6. *Уголовный кодекс Литовской Республики. Эл. ресурс. Режим доступа: <https://www.vdu.lt/cris/bitstream> (дата обращения: 23.10.2021)*

7. *Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999. Эл. ресурс. Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=229> (дата обращения: 24.10.2021)*

8. *Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. Эл. ресурс. Режим доступа: <https://lex.uz/docs/111457> (дата обращения: 25.10.2021)*

9. *Уголовный кодекс Франции. Эл. ресурс. Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=25017> (дата обращения: 25.10.2021)*

10. *Уголовный кодекс Республики Польша. Эл. ресурс. Режим доступа: <https://advokatypolshe.ru/> (дата обращения: 26.10.2021)*

11. *Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии в редакции от 13 ноября 1998 г. Эл. ресурс. Режим доступа:*

http://rawunsch.de/images/Ugolovnyiyi_Kodeks.pdf (дата обращения: 26.10.2021)

12. Метлова Л.А. Стадии совершения преступления в уголовном законодательстве зарубежных стран // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2018. – № 2. – С. 26-33.

13. Уголовный кодекс Швейцарии от 21 декабря 1937 г. Эл. ресурс. Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/20007> (дата обращения: 27.10.2021)

14. Уголовный кодекс Испании. Эл. ресурс. Режим доступа: <https://www.legislationline.org/ru> (дата обращения: 27.10.2021)

15. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики 1997 г. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 27.10.2021)

©Я.И. Исраилов, 2021

УДК: 343.13

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ

Кеитова Данна Жамалдиновна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Блинников Валерий Анатольевич,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального

права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье исследуется история становления и развития института государственного обвинения, путем анализа основных исторических законодательных актов. Делается вывод о том, что понятие «государственное обвинение» в юридическом смысле возникло после судебной реформы 1864 г., а данная функция в уголовном процессе прокурором поддерживается по сей день.

Ключевые слова: прокуратура, государственное обвинение, прокурорский надзор, законность.

GENESIS OF THE INSTITUTE OF STATE ACTION

*Keshtova Danna Zhamaldinovna,**Scientific supervisor: Blinnikov Valery Anatolievich*

Abstract: *The article examines the history of the formation and development of the institution of public prosecution by analyzing the main historical legislative acts. It is concluded that the concept of "public prosecution" in the legal sense arose after the judicial reform of 1864, and this function in the criminal process is supported by the prosecutor to this day.*

Keywords: *prosecutor's office, state prosecution, prosecutor's supervision, legality.*

История прокуратуры в России насчитывает почти 300 лет. Прокуратура долгое время стоит на страже закона, обеспечивает справедливость, законность и правопорядок. История появления этого органа неразрывно связана с потребностями страны в эпоху грандиозных реформ Петра I, в начале 18 века. Ее возникновению и появлению предшествовало время, когда в стране царил хаос, росла преступность, а вместе с ней и произвол в государственном управлении: хищения и взяточничества. Это подтолкнуло государство и пробудило в нем потребность и необходимость создания органа, который бы боролся с этими негативными факторами.

Указом Петра I от 12 января 1722 г. был утвержден новый орган, который, подавляя произвол чиновников, уполномоченных в центре и на местах, борясь с хищениями и взяточничеством, покровительством и попустительством во властных структурах, должен был устранить все, что вызывало беспорядки в делах государства на всей территории Российской империи. Наряду с созданием этого органа вводится также должность «Генерального прокурора». Трудные исторические времена, тяжелые периоды для прокуратуры, когда она была лишена многих полномочий, убедительно доказали, что сильное государство должно иметь сильную прокуратуру. В.Н. Дронов, В.Е. Крутских отмечали, что: «...чем крепче у той или иной нации традиции «социального государства», сфера его «социальной ответственности», тем шире функции прокуратуры, выше ее роль в системе государственных институтов [1, с. 15].

Итак, Указом Петра I от 12 января 1722 г. на прокуратуру было возложено наблюдение за исполнением закона «во всех местах». Отметим также, что в эту историческую эпоху уголовный процесс носил розыскный

характер, и поэтому судебный процесс не предполагал участия прокуратуры с функцией государственного обвинения. То есть функция уголовного преследования практически отсутствовала на ранних этапах формирования этого органа.

Позднее в Уложении 1767 г. на прокуратуру была возложена функция «государственного преследования преступлений», устанавливающая тесную связь между судом и осуществляющая «попечительское» отношение к лицам, нуждающимся в государственной защите. Отметим, что прокуратура пока не являлась органом, осуществляющим государственное обвинение в суде [2, с.82-86].

Еще одним шагом в развитии полномочий прокуратуры стал принятый в 1775 г. документ – «Учреждения для управления губерниями». Согласно главе XXVII «О прокуратуре и стряпческой солиситора» на прокуроров возлагались следующие обязанности:

- ч. 3 ст. 405 ч. «осуществлять обвинительную деятельность по уголовным делам, в которых не было истца»;
- ч. 5 ст.405 «ходатайствовать перед судом об аресте обвиняемого»;
- ч. 6 ст. 405 «давать заключения во всех случаях возникновения у суда сомнений, о точном смысле подлежащего применению закона» [2, с. 230].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие обязанности прокуроров: надзор и возникновение зачатков уголовного преследования. Защита законности и правопорядка осуществлялась путем: предотвращения преступлений, оказания помощи в их пресечении, ведения судебных дел, целью которых было обеспечение применения государственных мер по восстановлению нарушенного закона.

Следующим шагом в истории развития российской прокуратуры, после которого был сформирован институт государственного обвинения, стала судебная реформа, проведенная в 1864 г. Так, согласно Уставу уголовного судопроизводства, розыскный процесс изжил себя, и на его место пришел состязательный процесс. Теперь судебный процесс приобретает привычную для нас форму: наличие обвинения в лице прокурора или частного обвинителя с одной стороны, а с другой стороны защиты в лице адвоката. Обе стороны в судебном процесса равны. Причем дается и той, и другой стороне: право заявлять об отводе свидетелей, представлять доказательства, задавать вопросы в ходе судебного разбирательства, делать замечания и давать объяснения по каждому действию, происходящему на суде, опровергать доводы и соображения противной стороны (ст.630 гл.5 «Об условиях производства дел в

судебных заседаниях»). Следует обратить внимание на следующий момент, который определил право прокурора на государственное обвинение. Так, в ст. 4 раздела «Общие положения» указывалось что в обязанности прокурора входит обвинение подсудимого в совершении преступления в суде, а в следующей статье говорилось, что потерпевший обладает правом возбуждать уголовный иск, а на прокуроре лежит ответственность «дальнейшего судебного преследования». В заключительных прениях прокурор имел право высказаться по поводу обвинения (ст. 736).

Формируются основные основы обвинения: излагаются только существенные обстоятельства обвинения, а также дается заключение, оценивающее свойство и степень вины подозреваемого (ст.737), при отсутствии присяжных заседателей должно быть указано наказание, которое применимо по закону (ст.738), указаны нравственные принципы о том, что прокурор избегает в своей речи представления дела в одностороннем виде, где содержатся обстоятельства которые изобличают виновность подсудимого, а также преувеличивают значение доказательств и улики (ст.739).

Сама же прокуратура формировалась из представителей потомственной знати. Они назначались на должность пожизненно, имели приличный заработок, что не вызывало необходимости во взяточничестве и растрате – это не могло не сказаться на их «рьяной защите царского престола», а также на правопорядке [2, с. 212].

Таким образом, реформа 1864 г. была огромным шагом в развитии полномочий, функций данного органа, после чего прокуратура предстала в том виде, в каком мы ее наблюдаем в наше время. Т.е. произошло «законодательное рождение» института прокуратуры.

Еще одним шагом в развитии института государственного обвинения является участие прокуратуры в рассмотрении дел, по которым подозреваемыми являются несовершеннолетние, то есть выделение этих дел в отдельные производства. Поскольку на скамье подсудимых может находиться человек любого возраста, а несовершеннолетние по определенным причинам не могут считаться взрослыми преступниками, это потребовало создания в 1910 г. суда по делам несовершеннолетних. До этого уголовное судопроизводство характеризовалось незащищенностью с юридической точки зрения несовершеннолетних. После же государственное обвинение более объективно и гуманно стало подходить к рассмотрению данной категории дел.

Таким образом, с учетом сложившейся ситуации формируется особый вид государственного обвинения – «государственное обвинение в отношении несовершеннолетних».

Сложная политическая обстановка, которая творилась в нашей стране в первой четверти XX века, не могла не отразиться на правовой системе Российского государства. Так, согласно Декрету «О народном суде РСФСР» 1918 года, все судебные органы упразднились. А в роли государственного обвинителя мог быть любой сведущий гражданин (Инструкция «О революционном трибунале» 1917 года, Инструкция «об организации защиты и обвинения на суде» от 23 ноября 1920 года). И только после принятия в 1922 году Положения о прокурорском надзоре в РСФСР, прокуратура была восстановлена как орган осуществляющий надзор за соблюдением исполнения закона, а в 1923 году согласно УПК РСФСР, вернула присущие ей функции. Теперь в полномочия прокурора входили обязанность возбуждать уголовное преследование (ст.9), поддерживать государственное обвинение (ст.8), осуществляет надзор за производством предварительного следствия и дознания (ст.121).

Роль прокуратуры все более усиливалась и росла в советский период, так как этот орган стоял на страже закона. Об этом свидетельствует и законодательное закрепление данного органа в Конституциях СССР 1936, 1977 годов, где право осуществления высшего надзора за исполнение закона возлагалось на Прокурора СССР. Возрастал авторитет и престиж данного органа в глазах народа и государства, так как является их защитником.

Последующие правовые акты, принятые после 1950 годов касающиеся компетенции прокуратуры, не затрагивали институт государственного обвинения. Поэтому, перейдем к современным правовым актам, чтобы рассмотреть нынешнее состояние рассматриваемого института.

В 2007 г. в результате внесения поправок в УПК РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ», Следственный комитет отделился от прокуратуры и стал относительно самостоятельным, независимым ведомством. Ю.Я. Чайка говорил о том, что «Следственный комитет породила прокуратура. Это мать для СК, и мы бережно относимся к этому». В виду внесенных поправок, из компетенции прокурорских работников были изъяты полномочия по процессуальному руководству следствием, и возложены на следственный орган. Уголовное преследование и надзорные функции по-прежнему оставались прерогативой прокуратуры. Позже, в 2012 г., Генеральной Прокуратурой был издан специальный указ № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»,

целью которого было обеспечить квалифицированное участие прокуроров в судебном разбирательстве уголовных дел публичного и частного-публичного обвинения.

Таким образом, историко-правовой анализ возникновения и развития данного института, позволяет выделить следующие особенности:

Понятие «государственное обвинение» в юридическом смысле возникло после судебной реформы 1864 г. и законодательно было закреплено в УУС.

После серии взлетов и падений к 1923 г. прокуратура окончательно восстанавливает свою компетенцию, а к 1936 г. она была конституционно закреплена. В этот же исторический период формируется особый подход прокурора к рассмотрению дел несовершеннолетних подсудимых.

В советский период прокуратура укрепляет свои позиции по сравнению с другими ведомствами, окончательно закрепляет за собой право осуществлять надзор и преследование от имени государства в суде. Что продолжается и по сей день.

Список литературы

- 1. Дронов В.Н., Крутских В.Е. Прокуратура в России и за рубежом. Сравнительное исследование. – М., 2001. – 154 с.*
- 2. История государства и права России в 3 ч. Часть 2 / Под ред. В.Е. Рубаника. – М.: Юрайт, 2019. – 300 с.*

©Д.Ж. Кештова, 2021

УДК: 343

СПЕЦИАЛЬНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРОСТИТУЦИИ

Кобцева Валерия Сергеевна,

Магистрант 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Пухкалова Марина Олеговна

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: феномен проституции представляет собой опасное социальное явление, имеющее латентный характер. Основной мерой борьбы с проституцией является её профилактика. В данной статье рассматриваются эффективность существующих видов профилактики остросоциального явления и меры его предупреждения, а также обозначена проблематика обсуждаемого вопроса.

Ключевые слова: проституция, профилактика проституции, специальные и индивидуальные меры профилактики, предупреждение, проблема борьбы с проституцией.

UDC: 343

SPECIAL AND INDIVIDUAL MEASURES FOR PREVENTING PROSTITUTION

*Kobtseva Valeria Sergeevna,
Scientific supervisor: Pukhkalova Marina Olegovna*

Abstract: *the phenomenon of prostitution is a dangerous social phenomenon that has a latent character. The main measure in the fight against prostitution is its prevention. This article examines the effectiveness of existing types of prevention of acute social phenomena and measures to prevent it, and also outlines the problematic of the issue under discussion.*

Keywords: *prostitution, prevention of prostitution, special and individual preventive measures, prevention, the problem of combating prostitution.*

Под криминологической профилактикой в литературе понимается совокупность мер по выявлению и устранению (блокированию, нейтрализации) причин, условий и иных детерминант преступности и связанных с нею правонарушений [1, с. 25].

Профилактика преступлений представляет – комплекс специальных мер, которые направлены на выявление причин и условий совершения преступлений, а также принятие определённых мер для их предотвращения, устранения или нейтрализации, определения круга лиц с преступными наклонностями и занесении его в профилактический реестр, в рамках которого будет производиться индивидуальная профилактика преступлений.

При изучении профилактики какого-либо вида преступлений или преступности в целом, необходимо исследовать причины, обуславливающие данное негативное явление. Взяв во внимание феномен проституции, стоит отметить, что причинами ее проявления являются

пороки социального, экономического, идеологического и нравственного характера.

Стоит отметить, что профилактические меры заключаются в правовом воспитании и обучении граждан, предостережении и проведении профилактических бесед, проведение профилактических учётов, помощи и т.д. Н.И. Пишикина, выражает свою точку зрения, о том, что предупреждение преступлений – это деятельность государства и общества в отношении криминогенных факторов целью нейтрализации или устранения их криминогенного воздействия, а также создание условий, снижающих возможность возникновения этих факторов [2, с. 12].

В зависимости от иерархии причин и условий преступности выделяют три основных уровня ее предупреждения: обще социальный, специально-криминологический, индивидуальный.

В отличие от общих мер, специальные меры имеют конкретную цель предотвращения преступлений. При этом цель выражается в выявлении и устранении, а также блокировании и нейтрализации причин, условий преступности. Помимо того, специальные меры включают мероприятия по пресечению начатых преступлений и предотвращению замышляемых и подготавливаемых. Стоит отметить, что специальные меры имеют временные границы.

Специальная профилактика разделяется на: специальное предупреждение – которое в свою очередь конкретизируют и дополняют общие меры профилактики. Целью предупреждения служит предотвращение преступлений, путем выявления и устранения причин их зарождения, выявление особенностей и профилирующих признаков преступности. В комплексе предупреждения преступлений содержатся и криминологические исследования повышено-криминологических и повышено-виктимных социальных групп, объектов и сфер деятельности.

К группе криминологических исследований повышено-криминологических характера обычно относятся: безработные, а также лица без постоянного источника дохода; несовершеннолетние, находящиеся на воспитании в неблагополучных семьях и беспризорники; часть населения находящаяся за чертой бедности.

К группе криминологических исследований повышено-виктимного характера обычно относятся: объекты, выступающие местом хранения ценностей; владельцы таких хранилищ.

Специальное пресечение – является второй разновидностью мер специальной профилактики преступлений. Его целью выступает недопущение совершения наказуемых действий, которые находятся на

стадии подготовки, приготовления, а также совершения (до момента окончания) какого либо преступления, то есть покушения. Однако важно отметить, что мера специального пресечения применима только в случаях, когда правоохрнительное вмешательство способно предотвратить совершение преступления.

А индивидуальная профилактика направлена на регулирование общественных отношений в отношении лиц, действия которых, выходят за рамки правовых норм. Поэтому к мерам индивидуальной профилактики чаще всего относят профилактические беседы и учет, реабилитация (медицинская или психологическая), шефство органами правопорядка, а также предоставление ведений по месту учебы или работы лица, информации относительно антиобщественного, аморального поведения и другие меры.

Индивидуальная профилактика может разделяться на несколько видов, в зависимости от того на сколько криминогенна личность преступника:

Первый вид индивидуальной профилактики направлен на лиц, находящихся на начальном этапе криминализации.

Второй вид индивидуальной профилактики можно назвать судебно-следственным, поскольку он направлен на круг лиц, совершивших и продолжающих совершать преступления. Основная задача данного вида профилактики состоит в предотвращении задуманного злоумышленником, либо пресечение преступления на стадии приготовления. В случае, если преступление все таки совершено, задачей индивидуальной профилактики выступает формирование у лица чувства раскаянья и содействие следствию.

Третий вид индивидуальной профилактики (пенитенциарный) направлен на лиц, приговоренных к мерам наказания либо совершивших преступление. Указанный вид профилактики пользуется как в рамках уголовно исполнительных учреждений, задачей которых является перевоспитание и исправление осужденных, так и в деятельности общественных организаций и государственных органов, направленных на иные воспитательные меры в отношении лица, освобожденного от наказания в виде лишения свободы, например – уловное осуждение, исправительные работы и иные воспитательные меры.

Четвертый вид профилактики можно назвать пост пенитенциарным, так как он затрагивает лиц, фактически отбывших наказание, но все еще нуждающихся в наблюдении, с целью предотвращения рецидива.

Основываясь на вышесказанном, можно сказать, что индивидуальная профилактика содержит в себе специальные и обще социальные предупредительные меры, в отношении определенных лиц, направленных на: устранение окружающих факторов неблагоприятно влияющих на здоровое и полноценное формирование нормального восприятия окружающей среды, а также способствующих антиобщественной позиции и общественно опасному поведению индивида; оказание мер воспитательного характера на личность, поведение которой отделилось от социально допустимого и граничит с преступными намерениями; применение мер по предупреждению и пресечению попыток подготовки преступления.

Отдельное внимание следует отнести проституции несовершеннолетних, для профилактики которой также разработан комплекс мер государственного характера. Первоначально, особое внимание необходимо отнести регулированию комфортных условий и безопасной обстановки микросреды ребенка или подростка, для его здорового формирования, к таким мерам можно отнести: оказание своевременной социальной и государственной помощи семьям входящих в группу риска; борьба государства с преступностью, ведь уровень преступности влияет на безопасность и среду обитания детей; действия, направленные на профилактику алкоголизма и наркомании; формирование у детей правильных знаний о взаимоотношении полов; обеспечение бесплатного досуга молодежи, путем образования различных кружков и секций для развития творческих особенностей и раскрытия потенциала несовершеннолетних; доступная горячая линия поддержки или телефон доверия в приютах, социальных службах, кризисных центрах для поддержки женщин и детей, а также детских поликлиниках и больницах и т.д.; обеспечение проведения мероприятий, помогающих реабилитироваться после вступления в маргинальный слой общества.

Помимо организации социальной и государственной помощи несовершеннолетних, профилактическая работа не должна оставлять без внимания родителей, поскольку семья выступает основной составляющей воспитания и формирования личности ребенка и если первоначальное нарушение воспитания произошло в семье, не всегда удастся вовремя вмешаться обществу или государству.

Основные меры профилактики проституции находят свое закрепление на законодательном уровне. Так, к примеру, в 1949 году Генеральной Ассамблеей ООН был сделан первый шаг навстречу решению вопроса регулирования проституции, приняв Конвенцию о борьбе с торговлей

людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами. Положения, разработанные в Конвенции, охватывают борьбу с эксплуатацией проституции, а также оказание содействия женщинам и их реабилитации в обществе. Подписавшие Конвенцию государства приняли обязательства подвергать наказанию каждого, кто: сводит, склоняет или совращает в целях проституции другое лицо, даже с согласия этого лица; эксплуатирует проституцию другого лица, даже с согласия этого лица; содержит дома терпимости, управляет или финансирует их; сдает в аренду или снимает здание или другое место, или часть такового, зная, то они будут использоваться в целях проституции третьими лицами [3].

Примером эффективной профилактики проституции могут послужить действия СССР, в то время задачей государства являлась непосредственная ликвидация причин склоняющих женщин к занятию проституцией. Закрепив следующие действия, как правило, на государственном уровне власти СССР практически удалось искоренить проституцию как социально негативное явление: предоставление жилья малоимущим женщинам, а также помощь в их трудоустройстве. Вообще в целом, существовала государственная программа по трудоустройству студентов после окончания вузов; оказание бесплатной медицинской помощи женщинам больных заболеваниями передающихся половым путем (ВИЧ, СПИД, сифилис и т.д.); проституция несовершеннолетних подвергалась особому вниманию со стороны государства, профилактические меры выражались в борьбе с деткой беспризорностью.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года существовала норма обеспечивающая уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную или антиобщественную деятельность, к последней отнесено и занятие проституцией.

Конечно, введение всех указанных профилактических мер не могло уничтожить проституцию в полном объеме, однако позволило свести до минимума ее проявление, что говорит о снижении уровня общественной опасности.

В современном законодательстве Российской Федерации проституция и преступления, непосредственно связанные с ней подпадает и под уголовную ответственность и под административную. В УК РФ подобная деятельность регулируется Главой 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», именно статьями: «Вовлечение в занятие проституцией» ст. 240; «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего» ст. 240.1.; «Организация занятия проституцией» ст. 241; «Незаконное изготовление и обороты

порнографических материалов или предметов» ст. 242; «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» ст. 242.1; «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов» ст. 242.2.

Одной из мер наказания за нарушение вышеуказанных норм, является лишение свободы, а также штраф или принудительные работы.

Кодексом об административных правонарушениях РФ норма регулирующая проституцию закреплена в Главе 6 «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность», а именно статьями 6.11 «Занятие проституцией» влечет за собой административное наказание в виде штрафа от 1 500 до 2000 рублей и 6.12 «Получение дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица проституцией» влечет, за собой административное наказание в виде штрафа в размере от 2000 до 2500 рублей или административный арест сроком от 10 до 15 суток [4].

На основании вышеизложенного можно делать вывод, о том, то профилактика проституции требует только комплексный и ответственный подход к нейтрализации обсуждаемого социального явления. Желаемый эффект по искоренению проституции можно достичь лишь применяя в совокупности общие, специальные и индивидуальные меры профилактики проституции. Так как каждая из них по отдельности узкоспециализирована, в то время как феномен проституции закреплён в достаточно широком масштабе, затрагивающий различные сферы и слои общественного строя.

Список литературы

1. *Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика теория, опыт, проблемы. – М. НОРМА, 2001. – 225 с.*
2. *Пишикина Н.И. Правовые и методические вопросы профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1998. – 22 с.*
3. *Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами Принята резолюцией 317 (IV) Генеральной Ассамблеи от 2 декабря 1949 года.*
4. *Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. №195-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1.*

© В.С. Кобцева, 2021

УДК: 343.13

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Колесова Екатерина Витальевна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Полтавцева Лариса Ивановна,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального

права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: статья посвящена исследованию понятия и классификации вещественных доказательств, процессуальных и криминалистических аспектов вещественных доказательств.

Ключевые слова: вещественные доказательства, доказательства по уголовному делу, доказывание, виды доказывания, относимость, допустимость, классификация доказательств, достоверность и достаточность доказательств.

UDC: 343.13

PHYSICAL EVIDENCE: PROCEDURAL AND FORENSIC ASPECTS

Kolesova Ekaterina Vitalievna,

Scientific adviser: Poltavstseva Larisa Ivanovna

Abstract: the article is devoted to the study of the concept and classification of physical evidence, procedural and forensic aspects of physical evidence.

Keywords: material evidence, evidence in a criminal case, proof, types of proof, relevance, admissibility, classification of evidence, reliability and sufficiency of evidence.

В Конституции РФ в ст. 49 установлено, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Т.е. это означает, что не доказав вину подозреваемого в суде, следствие не может

считать обвиняемого виновным. Чтобы внести ясность и поставить точку при установлении истины в суде огромную роль играет доказательственная база. Вещественные доказательства – это те аргументы, на которые опирается следствие, которые дают возможность раскрыть самые запутанные и сложные уголовные дела

Как свидетельствуют статистические данные в 2020 году в Российской Федерации было зарегистрировано 1991,6 тыс. преступлений. В результате преступных посягательств погибли 26,0 тыс. человек. Из общего количества нераскрытых преступлений тяжкие и особо тяжкие преступления составляют 23,1% (аналогичный период прошлого года – 21,7%). Не раскрытыми остались 639 (18,4%) убийств и покушений на убийство, 1217 (20,5 %) фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 465 838 (– 3,2%) краж, 15 392 (–18%) грабежа, 1468 (–27,4%) разбойных нападений. В связи с не установлением лица, который подлежит привлечению в качестве обвиняемого, остается не раскрыто 839890 преступлений. Приведенная статистика свидетельствует о 97,6% от общего количества нераскрытых деяний.

На сегодняшний день проблемы связанные с вещественными доказательствами остаются актуальными. Необходимо отметить, что вопросы о понятии вещественных доказательств и их видах, о совершенствовании порядка приобщения их к материалам уголовного дела, о режиме хранения и обращения с некоторыми видами вещественных доказательств по-прежнему обсуждаются учеными и практиками. В уголовном процессе важность вещественного доказательства объясняется его незаменимостью.

Являясь завершающим этапом процесса доказывания, использование вещественных доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, имеет некоторые неразрешенные теоретические и практические вопросы (например, правовые последствия утраты вещественных доказательств, исследование вещественных доказательств в суде).

С принятием УПК РФ можно не только моделировать, но и анализировать эффективность использования института вещественных доказательств на практике. Если обратиться к понятию вещественных доказательств, то можно увидеть один принципиальный законодательный нюанс: по УПК РСФСР 1922 г. (ст. 70) и УПК РСФСР 1923 г. (ст. 66) ими являются «предметы, которые служили орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления или которые были объектами преступных действий обвиняемого, а также все иные предметы

и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных». Иной подход законодателя сформулирован в ст. 83 УПК РФ, в соответствии с которым вещественное доказательство служит и обнаружению преступления, и установлению фактических обстоятельств дела, и выявлению виновных, и опровержению обвинения, и смягчению ответственности.

Представляется, что вещественные доказательства универсальны с позиций способов их появления в уголовном деле. Путем производства практически любого следственного действия может быть обнаружено, получено, представлено, изъято вещественное доказательство. Процессуальной формой сведений о наличии вещественных доказательств в уголовном деле является справка-приложение с перечнем вещественных доказательств, с указанием о месте их хранения к обвинительным актам, завершающим предварительное следствие, дознание или дознание в сокращенной форме (статьи 220, 225, 226.1 УПК РФ).

Кроме того, место (роль) вещественных доказательств в системе источников доказательств в уголовном судопроизводстве базируется на оценке доказательств: при расследовании и рассмотрении уголовного дела формируется совокупность доказательств, которая оценивается (ч. 1 ст. 88 УПК РФ).

Как отмечает В.С. Зеленецкий, если факты, входящие в предмет доказывания, находятся в определенной связи и взаимообусловленности, то и доказательства находятся в определенной связи не только с фактами, входящими в предмет доказывания, но и между собой [4, с. 3-4].

По нашему мнению, данный подход оправдан и обоснован. При оценке доказательств выясняется качественная определенность каждого доказательства, его функциональное назначение и место в системе всех доказательств. Оценке подлежат не только отдельные доказательства, но и их совокупность.

Следует согласиться с М.В. Беляевым, который пишет о том, что предмет доказывания для каждого рассматриваемого судом вопроса специфичен и может включать не только фактические обстоятельства, данные о личности обвиняемого, о его имуществе и поведении, но и обстоятельства процессуального характера: действия по проверке сообщения о преступлении, по возбуждению и расследованию уголовного дела, по обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [2, с. 236].

Представляется возможным полно исследовать вопрос о месте вещественных доказательств в системе иных доказательств по уголовному делу:

во-первых, определить их информационно-доказательственный уровень;

во-вторых, исследовать многофункциональную сущность вещественных доказательств в состязательном уголовном процессе;

в-третьих, выяснить всю систему правоотношений при использовании вещественных доказательств по уголовному делу;

в-четвертых, исследовать вещественные доказательства и как явление, и как систему процессуальных процедур.

Как отмечалось выше, УПК РФ 2001 г. сформулировал систему норм о недопустимости доказательств. Хотя законодательная модель ст. 75 УПК РФ совершенствуется, но в правоприменительной деятельности редки примеры признания доказательств недопустимыми.

Например, В.С. Балакшин пишет, что из 143 опрошенных работников правоохранительных органов, судей, адвокатов большинство признали, что испытывают определенные трудности при решении данного вопроса [1, с. 307-308].

Так, Н.А. Буцковский большое значение придавал «обрядам и формам судопроизводства», их нарушения могут быть существенными и могут быть установлены судом. Поэтому надо обратить внимание на предварительное следствие, где собранные доказательства становятся «основой уголовного приговора».

Далее Н.А. Буцковский дает перечень нарушений «форм и обрядов судопроизводства:

1) имеющие значение для отмены окончательного приговора – 63 нарушения;

2) имеющие значение для отмены окончательного приговора с позиций нарушений «пределов ведомства и судебной власти» – 15 нарушений;

3) перечень нарушений форм и обрядов судопроизводства, которые могут возбудить вопрос об отмене окончательного решения по гражданскому делу – 47 нарушений» [3, с. 44].

Место и роль вещественных доказательств в системе доказательств по уголовному делу можно определить со следующих позиций:

1) классификационных оснований дифференциации доказательств;

2) с позиций взаимосвязи с обстоятельствами, подлежащими доказыванию;

3) с позиций качественных оценок относимости, допустимости и достоверности вещественных доказательств.

Предлагается классифицировать вещественные доказательства и отличать их от других посредством деления их на фактические вещественные доказательства и юридические [8, с. 16].

С позиций механизма формирования доказательств были предложены «личные» и вещественные, где «личные» – события, отраженные в сознании людей, а материальные – материальные последствия событий (соответствующая форма образования, правила хранения и способ передачи информации).

Действительно, очевидно, что вещественные доказательства отличаются от всех других доказательств.

Во-первых, это материальное событие; во-вторых, это материальные, информационные, биологические, электронные следы (отражения, слепки); в-третьих, это документы с признаками в соответствии с ч. 1 ст. 81 УПК РФ.

В литературе при исследовании значения вещественных доказательств и других доказательств применяют термин «отграничение» – «наибольшие трудности вызывает разграничение вещественных доказательств и иных документов» [5, с. 46].

Представляется возможным продолжить перечень позиций, необходимых для определения места вещественных доказательств в системе источников доказательств:

во-первых, исследовать многофункциональную сущность вещественных доказательств в состязательном уголовном процессе;

во-вторых, выяснить всю систему правоотношений при использовании вещественных доказательств по уголовному делу;

в-третьих, исследовать вещественные доказательства и как явление, и как систему процессуальных процедур [7, с. 76].

Приступая к исследованию природы вещественных доказательств, следует отметить, что к ним законодателем отнесены любые предметы. При этом законодатель перечислил и обозначил следующие предметы: которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления; на которые были направлены преступные действия; деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. С учетом того, что законодатель хотя и употребил ключевое слово

«любые»), отнесенным к вещественным доказательствам, однако довольно точно и в полном объеме сам же их перечислил.

В первую очередь к вещественным доказательствам относятся орудия преступления и иные средства совершения преступления, которые сохранили следы преступления. Отметим, что к орудиям преступления относятся огнестрельное, взрыво-техническое или холодное оружие, ядовитые вещества, а также иные оказавшиеся под рукой у преступника предметы. Помимо орудия преступления законодатель к вещественным доказательствам отнес и оборудование, и иные средства совершения преступления или сохранили на себе их следы. К оборудованию можно отнести всевозможные технические средства, например автомобиль или специальные предметы отмычки жилищных помещений. В данном случае имеется ввиду прежде всего сохранение следов на этом оборудовании. К следам и их образованиям можно отнести отпечатки пальцев рук, обуви и протекторов шин, крови и иных биологических веществ. И опять же, возвращаясь к осмотру места происшествия, важным шагом дальнейшего признания вещественных доказательств является обнаружение следов преступления на первоначальном этапе расследования. В итоге осмотр места происшествия и обнаружение там следов и орудий преступлений является залогом раскрытия преступления.

Далее, к вещественным доказательствам законодателем относятся предметы, на которые были направлены преступные действия. К этим предметам прежде всего следует отнести похищенное имущество. Все похищенное имущество, включая негодное имущество и документы, подлежит осмотру и признается вещественными доказательствами, разумеется, после их обнаружения и изъятия. К негодному имуществу относятся предметы, которые не имеют ценности для потерпевшего и были похищены преступниками впопыхах вместе с остальными ценными вещами. Документы, хоть не имеют материальной ценности, также признаются вещественными доказательствами, потому как необходимы потерпевшему для повседневной общественной жизни. Помимо похищенного имущества предметами, на которые были направлены преступные цели, следует отнести и самого потерпевшего, его одежду и физическое тело. Хотя нанесение потерпевшему вреда здоровью и жизни определяется путем освидетельствования и проведением судебно-медицинской экспертизы, зафиксированные повреждения тоже должны быть признаны вещественными доказательствами.

Также к вещественным доказательствам, законодатель относит деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения

преступления. Изъятие денег и ценностей производится на основании и по правилам статей 164 и 164.1 УПК РФ. Это прежде всего по постановлению следователя, дознавателя, органа дознания и суда, осуществление выемки и обыска.

Именно в процессе выемки и обыска производится изъятие имущества, куда входят деньги и ценности по уголовным дела в сфере экономики [7, с.105].

В части 2 статьи 81 УПК РФ речь идет о предметах, которые должны будут признаны вещественными доказательствами. Оформление обнаружения и изъятия вещественных доказательств законодателем установлено через соответствующее постановление. Кроме того, вещественные доказательства должны быть отдельно осмотрены, что включает в себя подробное и детальное их освещение. Однако, как должен быть оформлен осмотр вещественных доказательств, законодатель напрямую не указал, но в части 2 статьи 176 УПК РФ дано указание об осмотре предметов. В результате осмотр предметов должен быть оформлен соответствующим протоколом как отдельным следственным действием. В постановлении же о признании вещественных доказательств должны быть перечислены предметы и следы, где и когда они были обнаружены и на основании каких следственных действий. При этом сначала должен быть произведен осмотр предметов, а потом уже вынесено постановление о признании вещественных доказательств.

Таким образом, подводя итоги исследованию понятия и классификации вещественных доказательств, представляется возможным сделать выводы, что вещественные доказательства – это объекты материального мира, полученные в установленном процессуальным законом порядке, имеющие прямую либо опосредованную связь с подлежащими доказыванию обстоятельствами, осмотренные и приобщенные в качестве таковых к материалам уголовного дела постановлением следователя или суда.

Список литературы

1. Балакишин В.С. *Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе: монография* / В. С. Балакишин. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 382 с.

2. Беляев М.В. *Судебные решения в российском уголовном процессе: теоретические основы, законодательство и практика: Монография* / Под науч. ред. О.В. Качаловой. М.: Проспект, 2020. – 304 с.

3. Буцковский Н.А. Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 г. Соч. сенатора Н. Буцковского. С портретом автора. СПб., 1874. – 650 с.

4. Зеленецкий В. С. Проблемы формирования совокупности доказательств в уголовном процессе: Монография. Харьков: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2014. – 160 с.

5. Кудрявцева А.В., Худякова Ю.В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России: Монография. Челябинск, Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2016. – 280 с.

6. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд, пе-рераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2020. – 238 с.

7. Матинов С.Г., Николаев А.В. Признание документов и предметов вещественными доказательствами по уголовным делам экономической направленности / Актуальные проблемы развития цивилистической науки 2020: Сборник научных трудов. М.: Знание-М, 2020. – С.104

8. Рясов А.А. Проблемы собирания вещественных доказательств в досудебных стадиях российского уголовного процесса: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. – 189 с.

9. Тарасов А.А. Антикоррупционный аспект некоторых теоретических проблем современного уголовного процесса России // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2015. – С. 10—28.

© Е.В. Колесова, 2021

УДК: 343.2

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОШИБКИ

Костандов Михаил Михайлович,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Досаева Глера Сулеймановна,

д.ю.н., доцент,

заведующий кафедрой уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: статья посвящена исследованию понятия и видов юридической ошибки. Отмечается, что в уголовном законе отсутствует понятие юридической ошибки, а в литературе даются различные ее толкования. Делается вывод о том, что юридическая ошибка не влияет на уголовную ответственность, так как не влияет ни на форму вины, ни на квалификацию, ни на размер наказания. Кроме того, предлагается определение юридической ошибки.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, юридическая ошибка, квалификация, наказание, неправомерность.

UDC: 343.2

CONCEPT AND TYPES OF LEGAL ERROR

Kostandov Mikhail Mikhailovich,

Scientific adviser: Dossaeva Glera Suleimanovna

Abstract: the article is devoted to the study of the concept and types of legal error. It is noted that the concept of a legal error is absent in the criminal law, and various interpretations of it are given in the literature. It is concluded that a legal error does not affect criminal liability, since it does not affect either the form of guilt, or the qualifications, or the amount of punishment. In addition, a definition of a legal error is proposed.

Keywords: criminal law, crime, legal error, qualification, punishment, non-crime.

Проблема определения общетеоретического понятия «юридическая ошибка» и в настоящее время является одной из актуальных задач юриспруденции. Обусловлено это возможностью допущения ошибки в любой деятельности человека (физической, умственной, духовной, психической), а в частности и юридической, которая влечёт за собой наступление последствий.

Следует отметить, что само понятие юридической ошибки в уголовно-правовой литературе трактуется по-разному.

А.Н. Игнатов определяет юридическую ошибку как «неправильное представление лица о преступности или не преступности совершенного им деяния, его квалификации, о виде и размере наказания, предусмотренного за эти деяния» [1, с. 308].

Под юридической ошибкой, по мнению М.Б. Фаткуллиной, следует понимать «неверные знания, полученные человеком под влиянием заблуждения о юридических обстоятельствах совершаемого им деяния» [2, с. 67].

А.И. Рарог определяет юридическую ошибку как «неверную оценку юридической сущности или правовых последствий совершенного деяния» [3, с. 167].

Под юридической ошибкой Л.Д. Гаухман понимает «неверное представление лица об оценке деяния уголовным законом» [4, с. 78].

В.В. Лунеев характеризует юридическую ошибку, как «неверную оценку субъектом уголовно-правовой сущности деяния» [5, с. 226].

Ю.А. Красиков под юридической ошибкой понимает «неправильное представление лица о преступности или неприступности совершенного им деяния, его квалификации, о виде и размере предусмотренного за это деяние наказания» [6, с. 41].

Представляется, что юридическая ошибка – это неверное представление лица о юридической сущности дела и его последствиях, т.е. неправильное представление лица о преступности или неприступности совершенного им деяния и его последствий, юридической квалификации его действий или бездействия, о виде и размере наказания, которое может быть за них назначено. В литературе такой вид ошибки иногда называют «ошибкой в праве» [7, с. 86].

Исходя из самого определения, можно выделить самостоятельные подвиды юридической ошибки, относительно которых и следует говорить об уголовно-правовых последствиях совершения той или иной ошибки.

1. Мнимое преступление или позитивная ошибка. Эта ошибка состоит в том, что лицо, совершив деяние, считает его преступным, а это не так. Уголовный закон либо не содержит нормы, предполагаемой лицом (в силу которой деяние не может быть признано преступным), либо содержит норму, включающую условия, в силу которых деяние становится правомерным. Данная ошибка не влечет юридических последствий в связи с тем, что подобное деяние не является ни общественно опасным, ни противоправным, и, следовательно, такое деяние не соответствует понятию «преступление», раскрытому в ст. 14 УК РФ. Разумеется, позитивная ошибка не может быть основанием для уголовного преследования в силу положений ст. 8 УК РФ.

При совершении мнимого преступления, хоть и невозможно привлечь к уголовной ответственности, но не исключена возможность нарушения лицом норм других отраслей права и, как следствие, привлечения к другим видам ответственности.

Анализируя позитивную юридическую ошибку, можно отметить следующие условия:

– лицо неправильно оценивает обстоятельства совершаемого деяния, имеющие юридический характер; неверная оценка связана с заблуждением относительно общественной опасности и уголовной противоправности;

– уголовный закон не содержит ту норму, которая лицом якобы нарушается (поэтому указанное деяние нельзя признать уголовно-противоправным).

В целом мнение юристов относительно предполагаемого преступления однозначно, в данном случае никаких дискуссий нет: позитивная ошибка не меняет непроступного характера деяния, совершенного лицом, и исключает уголовную ответственность.

Таким образом, позитивная юридическая ошибка – это неправильная оценка лицом совершенного деяния в качестве преступления, в то время как уголовный закон это деяние не относит к преступным или наказуемым. Иначе говоря, оно не причиняет и не может причинить вред общественным отношениям в связи с тем, что у него нет признаков, характеризующих общественную опасность и уголовную противоправность.

2. Негативная ошибка. Она возникает, когда лицо ошибочно полагает, что совершаемое им деяние правомерно, в то время как в действительности оно обладает признаками общественной опасности и признается уголовным законом преступным. В РФ такая ошибка не влияет на квалификацию содеянного, что вызывает многочисленные дискуссии в юридических кругах. С данной ошибкой тесно связано выражение «Незнание закона не освобождает от ответственности». Это означает, что «никто не вправе требовать освобождения от ответственности за совершенное преступление, ссылаясь на незнание уголовного закона» [8, с. 276]. Споры о правовой природе этого выражения не утихают по сей день: одни авторы считают это правовым принципом [2, с. 14], другие – правовой аксиомой [9, с. 16], третьи же – правовой презумпцией [10, с. 17]. Последний подход остается преобладающим, однако критикуется безапелляционное применение данной презумпции на практике, так как в ряде случаев это может противоречить уголовно-правовому принципу субъективного вменения.

Презумпция знания закона основывается на том факте, что законы публикуются в источниках, доступных населению, тем самым предаются всеобщей огласке. Предполагается, что «надлежащим образом опубликованный закон известен всем и с момента вступления его в силу подлежит соблюдению всеми» [11, с. 35]. Презумпция знания закона, конечно же, не остается без критики, ведь любую презумпцию можно

опровергнуть при наличии определенных обстоятельств. Так, сложность и неоднозначность правовых норм, динамичность изменений законодательства, наличие правовых коллизий и пробелов в праве, обилие бланкетных диспозиций, да и простые нарушения законодателем юридической техники – все это существенно затрудняет адекватное восприятие уголовного закона и возможность в нем ориентироваться. При том, что уровень правосознания населения в РФ весьма низок, что подтверждается различными социологическими исследованиями. Помимо этого, нередки случаи криминализации деяний, общественная опасность которых может быть неочевидной для населения.

Порядок вступления уголовных законов в силу также может послужить причиной совершения негативной ошибки. Дело в том, что большинство новых законов вступают в силу с момента их официального опубликования, что лишает граждан (и иных субъектов уголовного права) возможности предварительно ознакомиться с содержанием закона, осознать и усвоить предписания.

Лицо может не знать и не иметь возможности узнать о том или ином содержании норм уголовного права и в силу иных исключительных обстоятельств. Например, если речь идет о неосведомленности иностранных граждан, страна проживания которых существенно отличается от России. Еще одним примером служит отсутствие знания об установленном уголовно-правовом запрете у лица, длительное время пребывавшего с геологической экспедицией в отдаленных районах при отсутствии соответствующих источников информации [3, с. 172-173]. Не стоит забывать и о социально неадаптированных категориях населения (лица без определенного места жительства; граждане, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации; вынужденные переселенцы (беженцы); граждане, освобожденные из мест лишения свободы, и др.).

Проанализируем условия, при которых действует данное положение:

- лицо заблуждается относительно общественной опасности и уголовной противоправности и поэтому неправильно оценивает юридические обстоятельства того деяния, которое совершает;
- лицо неправильно оценивает факт, что указанное деяние относится к общественно опасным и наказуемым;
- уголовный закон это деяние относит к преступным;
- у лица на самом деле отсутствует информация об уголовно-правовом запрете.

На сегодняшний день рассматриваемый подвид юридической ошибки не оказывает влияния на уголовную ответственность лица в РФ. Однако

множество предложений по внесению корректировок в действующее уголовное законодательство со стороны критиков такого подхода свидетельствуют о неоднозначном отношении к данной ошибке.

Таким образом, негативная юридическая ошибка – это ошибка, при которой лицо предполагает, что в совершаемом им деянии нет признаков общественной опасности и уголовной противоправности. Вместе с тем указанное деяние и есть преступление.

3. Ошибка относительно квалификации содеянного, а также относительно вида и размера наказания.

Ошибка в квалификации, как и ошибка в наказуемости, не оказывает никакого влияния на уголовно-правовую оценку деяния. Если лицо осознает общественную опасность и противоправность совершаемых действий (бездействий), то не имеет значения, осведомлено ли указанное лицо о точных пределах наказуемости и верно ли оно квалифицировало свое деяние, так как данная ошибка попросту не исключает вину и не влияет на нее. Такое лицо может быть (при соблюдении прочих условий) привлечено к уголовной ответственности

Таким образом, единого, общепринятого понятия юридической ошибки не существует на настоящий день ни в уголовно-правовой доктрине, ни в законодательстве РФ. Также отсутствует единство относительно классификации рассматриваемого правового явления, однако можно выделить наиболее часто встречающиеся на практике разновидности юридической ошибки: мнимое преступление (позитивная ошибка); негативная ошибка; ошибка относительно квалификации содеянного, а также относительно вида и размера наказания.

Считается, что юридическая ошибка не влияет на уголовную ответственность, так как не влияет ни на форму вины, ни на квалификацию, ни на размер наказания. Уголовная ответственность лица, заблуждающегося относительно правовых свойств и юридических последствий совершаемого деяния, наступает в соответствии с оценкой этого деяния не субъектом, а законодателем.

«Очевидно, что наличие ошибки может значительным образом повлиять на квалификацию совершенного деяния. Она устанавливает признаки субъективной стороны преступления, характер и содержание интеллектуальных и волевых процессов» [12, с. 112-114]. Неточная или вовсе неверная квалификация содеянного, конечно же, провоцирует ряд проблем в правоприменительной деятельности, порождает случаи объективного вменения, которое не допускается статьей 5 УК РФ.

Учитывая описанную ситуацию, предлагаемый многими учеными-юристами подход к решению данной проблемы, который заключается во внесении в действующий УК РФ соответствующих положений, представляется весьма верным.

Список литературы

1. *Игнатов А.Н., Красикова Ю.А., Уголовное право России. Том 1. Общая часть: учебник.* – М.: Норма, 2005. – 507 с.
2. *Фаткуллина, М. Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве (проблемы квалификации): Дис. ... канд. юрид. наук.* – Екатеринбург, 2001. – 167 с.
3. *Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам.* – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 345 с.
4. *Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений. Закон, теория, практика.* – М., 2001. – 189 с.
5. *Лунеев В.В. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова.* – М., Юристъ, 2004. – 367 с
6. *Красиков Ю.А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Изд. 3-е, изм. и доп. / Под общей редакцией Генерального прокурора Российской Федерации, профессора Ю.И. Скуратова и Председателя Верховного Суда Российской Федерации В.М. Лебедева.* – М., Издательская группа НОРМА-ИНФРА. – М., 1999. – 256 с.
7. *Бородай А.В. Юридическая ошибка в уголовном праве: понятие и виды // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».* – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 86-90.
8. *Грошев А.В. Институт юридической ошибки в контексте презумпции знания уголовного закона и защиты прав человека // Современные проблемы уголовной политики: V Междунар. науч.-практ. конф.* – Краснодар, 2014. – С. 276-286.
9. *Масленников А.В. Правовые аксиомы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* – Владимир, 2006. – С. 16.
10. *Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* – Екатеринбург, 2001. – С. 17.
11. *Тилле А. А. Презумпция знания законов // Правоведение. 1969. № 3.* – С. 35-36.
12. *Бойко С.В., Коннов Р.А. Значение ошибки в уголовном праве // Colloquium-journal. 2019. № 12(36).* – С. 112—114.

© М.М. Костандов, 2021

УДК: 343.14

**ПРОТОКОЛЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ:
ПРИЗНАКИ, КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ**

Кошманова Анастасия Алексеевна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Палиев Владимир Борисович

к.пед.н., доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье рассматриваются дискуссионные вопросы использования протоколов следственных действий в качестве доказательства в уголовном процессе РФ. Автором выделены две основные проблемы: 1) определение категории протоколов, которые могут быть использованы в качестве доказательства; 2) установление критериев их допустимости. Сформулированы выводы по поставленным вопросам.

Ключевые слова: доказательства, допустимость доказательств, проверка доказательств, доказывание, протоколы следственных действий, уголовный процесс.

UDC: 343.14

**PROTOCOLS OF INVESTIGATIVE ACTIONS AS EVIDENCE
IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA:
SIGNS, CRITERIA OF ADMISSIBILITY**

Koshmanova Anastasia Alekseevna,

Scientific adviser: Paliev Vladimir Borisovich

Abstract: The article discusses the controversial issues of the use of investigative protocols as evidence in the criminal process of the Russian Federation. The author identifies two main problems: the definition of the category of protocols that can be used as evidence, as well as the criteria for the admissibility of investigative protocols as evidence. Conclusions on the issues raised are formulated.

***Keywords:** evidence, admissibility of evidence, verification of evidence, proof, protocols of investigative actions, criminal proceedings.*

В соответствии со статьей 83 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) протоколы следственных и судебных действий могут выступать в качестве доказательств по уголовному делу, если они соответствуют требованиям, установленным законодательством [1]. В судебной практике использование данного вида доказательств достаточно распространено. В то же время, в науке уголовно-процессуального права, а также в законодательстве до настоящего времени не разрешены некоторые дискуссионные моменты.

Так, нет единого мнения относительно того, протоколы каких именно следственных действий могут быть использованы в качестве доказательств. Например, свидетель, потерпевший, обвиняемый допрашиваются в судебном разбирательстве, и их показания непосредственно выступают доказательствами по уголовному делу, а не протоколы допросов, проведенных в предварительном следствии. Также обстоит дело и с вещественными доказательствами, которые суд, в рамках реализации принципа непосредственности судебного разбирательства, может самостоятельно осмотреть в порядке статьи 284 УПК РФ, а не оглашать протокол осмотра, выполненный следователем ранее.

По данному вопросу В.В. Долгаев предлагает внести изменения в статью 83 УПК РФ, указав исчерпывающий перечень следственных действий, протоколы о проведении которых должны быть доказательствами [2, с.8].

Такая позиция, хотя и опирается на положения статьи 87 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года [3], но видится достаточно категоричной и не допускает использования в качестве доказательств протоколов допросов свидетелей, потерпевших, при наличии обстоятельств, предусмотренных статьей 276 УПК РФ, либо препятствующих их личному допросу в судебном разбирательстве.

Более приемлемой представляется позиция тех ученых, которые предлагают классифицировать все протоколы следственных действий по определенным критериям, и исходя из этого, рассматривать вопрос о признании их доказательствами по уголовному делу.

Ю.А. Веселова предлагает классифицировать протоколы в зависимости от субъекта восприятия доказательственной информации, разделяя их на четыре группы в зависимости от субъекта восприятия обстоятельств, имеющих доказательственное значение. В отдельную

группу автор выделяет протоколы, выполняющие отчетно-информативную функцию [4, с. 12].

Исходя из предложенной классификации, можно предположить, что в качестве доказательств должны признаваться лишь протоколы второй и третьей группы, то есть те, которые связаны с восприятием доказательственной информации непосредственно следователем. В иных случаях, участников процесса следует допросить непосредственно в судебном разбирательстве.

В то же время, анализ правоприменительной практики позволяет выявить еще один существенный признак следственных действий, протоколы которых могут быть признаны в качестве доказательств по уголовному делу – невозможность их повторения. Осмотр места происшествия, освидетельствование, выемку, обыск, задержание, предъявление для опознания, следственный эксперимент, а также эксгумацию, проведенные ранее при определенных внешних условиях и обстоятельствах, а также для получения конкретной информации, возможно провести лишь единожды [5, с. 472]. Аналогичным свойством обладает и протокол допроса участника процесса, проведенный в ходе предварительного следствия, если в судебном заседании провести допрос уже невозможно. Например, в связи с отказом от дачи показаний на основании п.3 ч. 1 ст. 276 УПК РФ в судебном заседании исследуются протоколы допроса подозреваемого и обвиняемого [6]. Такой уникальный характер самого следственного действия обуславливает и особую доказательственную ценность протокола о его проведении.

Таким образом, при решении вопроса об использовании протоколов следственных действий в судебном разбирательстве, следует исходить из определения их уникальности и невозможности повторить такое действие в рамках судебного следствия. Такие обстоятельства должны быть отражены в протоколе судебного заседания.

Также до конца нерешенным в теории и законодательстве остается вопрос о критериях недопустимости протокола следственного действия в качестве доказательства. А.Ю. Епихин и Л.И. Гайфуллина отмечают, что ни анализ действующего законодательства, ни разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не дают четкого ответа на данный вопрос [7, с. 115].

Суды, проверяя и оценивая допустимость протоколов следственных действий, в основном, ограничиваются констатацией того, что протоколы изготовлены в соответствии с законом, замечаний и ходатайств об исключении протоколов из перечня доказательств не заявлялось, делая вывод, что оснований для признания письменных доказательств

недопустимыми нет [8]. Отдельные суды также, оценивая достоверность протоколов следственных действий, дополнительно получают информацию от самого подсудимого о том, проводилось ли с его участием то или иное следственное действие [6]. По мнению О.Н. Палиевой, суды при оценке допустимости протоколов, подходят к вопросу формально [9, с. 195]. При возникновении сомнений в достоверности данных, полученных в ходе производства следственного действия, могут проводиться допросы понятых и следователей [10, с. 38].

Однако такой подход судов к исследованию протоколов следственных действий не является нарушением закона, поскольку в самом УПК РФ в статьях 17, 75, 83 и 285 нет четких указаний о том, какие признаки недопустимости этого вида доказательств должны быть проверены.

В теории уголовно-процессуального права предлагаются различные подходы к определению критериев допустимости/недопустимости протоколов следственных действий в качестве доказательств. В одних исследованиях в основу закладывается признак существенности нарушения закона, допущенного при производстве конкретного следственного действия [7]. Подобной позиции придерживались некоторые ученые еще в начале 2000-х годов [4, с. 11]. Базовым принимался критерий нарушения процессуальных требований фиксации хода и результатов следственного действия. В то же время отрицалась возможность деления таких нарушений на существенные и несущественные.

Данная позиция представляется вполне оправданной, однако несколько суженной, поскольку учитывает, лишь нарушение процессуальной формы проведения следственного действия и составления протокола. В то же время, проблема видится несколько шире.

Более развернуто к определению критериев недопустимости протоколов следственных действий подошел Х.А. Сабиров еще в 2000 году, заметив, что «При проверке и оценке допустимости протоколов следственных и судебных действий необходимо учитывать не только соблюдение процессуальной формы, но и содержащиеся в них сведения» [12, с. 77]. Позиция автора, действительно, учитывает и формальную сторону протокола, и его сущность как одного из доказательств по уголовному делу, требующего всесторонней проверки и оценки. В данном контексте соблюдение процессуальной формы выступает лишь одним из элементов системы критериев допустимости доказательства.

Таким образом, протоколы следственных действий, как и любое другое доказательство, должны проверяться и оцениваться не только

относительно правильности их оформления, но и относительно других признаков и свойств, применяемых ко всем доказательствам. Только в этом случае возможно говорить о соблюдении статьи 17 УПК РФ о том, что ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы.

Как и любое другое доказательство, протоколы следственных действий должны быть составлены по результатам только тех следственных действий, которые предусмотрены законодательством, только тем участником процесса, который по закону уполномочен проводить следственное действие и составить протокол, быть составленными и оформленными строго, включая все необходимые приложения, в рамках уголовно-процессуальной формы, требований закона. Если в протоколах содержится информация о других доказательствах (обыск, выемка предметов, признанных вещественными доказательствами), то допустимость протокола как доказательства также напрямую зависит от допустимости самого вещественного доказательства.

Такие критерии предполагают проверку протокола следственного действия не как отдельно взятого документа, а в связи с другими материалами дела, в их системе и логической связи. Во-первых, речь идет о необходимых решениях, которые должны предшествовать протоколу, чтобы признать, что протокол составлен уполномоченным на то должностным лицом (постановление о принятии дела к производству, отдельное поручение и др.). Во-вторых, в деле должны иметься те решения, которые обуславливают саму возможность производства следственного действия (постановление о признании потерпевшим, постановление о производстве выемки и др.). Лишь затем становится возможной проверка соответствия оформления протокола требованиям закона.

С одной стороны, все указанные требования проверяются прокурором при поступлении уголовного дела с обвинительным заключением, и дублирование судом функции надзора за соблюдением законности неприемлемо. С другой – суд, проверяет допустимость протоколов следственных действий, оценивая не столько соблюдение закона, сколько доказательственное значение, доказательственную ценность в решении вопроса о виновности или невиновности лица. В связи с этим целесообразным видится установление и оглашение всех указанных характеристик протокола следственного действия в судебном следствии, а также внесение их в протокол судебного заседания.

Только таким образом возможно в полной мере выполнить требования статьи 240 УПК РФ о непосредственном исследовании всех доказательств в судебном разбирательстве.

В связи с ограниченным объемом работы, в статье рассмотрены лишь два вопроса использования протоколов следственных действий в качестве доказательств. В то же время требуют своего исследования вопросы о возможности наделять самостоятельным доказательственным значением приложений к протоколу – фотоматериалов, видеофильмов, а также вопросы допустимости в качестве доказательств электронных протоколов в случае перехода на электронный формат предварительного следствия.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 – Ст.4921.

2. Долгаев В.В. Протоколы следственных действий и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве: Автореф. Дисс. ... к.ю.н.: 12.00.09. – СПб., 2018. – 200 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. б/н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1> (24.10.2021)

4. Веселова Ю.А. Протоколирование и дополнительные методы фиксации доказательств в уголовном судопроизводстве: Автореф. Дисс. ... к.ю.н.: 12.00.09. – СПб., 2005. – 26 с.

5. Палиева О.Н. Цели эксгумации и ее значение в расследовании преступлений / В сборнике: Молодежь и наука: реальность и будущее. VIII Международная научно-практическая конференция. – г. Невинномысск, т. 2. – 2015. – С. 472-475.

6. Приговор № 2-25/2020 от 27 августа 2020 г. по делу № 2-25/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3TAAkt67lpK/> (24.10.2021)

7. Епихин А.Ю., Гайфуллина Л.И. Признание доказательств недопустимыми в судебных решениях по уголовным делам поиск критериев. В сборнике: Вестник научных трудов «Юристъ». По материалам заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции. В 2-х частях. Под редакцией С.Л. Алексеева [и др.]. – 2020. – С. 114-121.

8. Приговор № 1-168/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-168/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hzSNWDUqYDdH/> (24.10.2021)

9. Палиева О.Н. О процессуальном порядке признания доказательств недопустимыми / В сборнике: Актуальные проблемы современной науки. IV Международная научно-практическая конференция. – г. Алушта. – 2015. – С. 195-198.

10. Ветрила Е.В. Допрос должностных лиц, ведущих процесс в качестве свидетелей по уголовному делу // Государство и право в XXI веке. – 2015. – № 1. – С. 38-42.

11. Анищик О.О. Средства закрепления хода и результатов следственных действий и их доказательственное значение: Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 : Самара, 2002. – 211 с.

12. Сабиров Х.А. Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09: Краснодар, 2000. – 182 с.

© А.А. Кошманова, 2021

УДК: 343.13

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДОЗНАВАТЕЛЕМ СВОИХ ПОЛНОМОЧИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Курбаналиев Габиб Абдурашидович,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Цой Бронислав Алексеевич,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье исследуются проблемные вопросы осуществления дознавателем своих полномочий в уголовном судопроизводстве. Определяется, что по сравнению со следователем, дознаватель менее самостоятелен при осуществлении своих полномочий. Делается вывод о том, что в УПК РФ необходимо внести

соответствующие изменения, с целью восполнения пробелов в процессуальном статусе дознавателя.

Ключевые слова: уголовный процесс, дознание, дознаватель, орган дознания, прокурор, процессуальный статус, полномочия, самостоятельность.

UDC: 343.13

PROBLEMS OF EXERCISE BY THE DETECTOR OF ITS AUTHORITY DURING PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE

*Kurbanaliev Habib Abdurashidovich,
Scientific adviser: Tsoi Bronislav Alekseevich*

Abstract: *The article examines the problematic issues of the inquiry officer exercising his powers in criminal proceedings. It is determined that in comparison with the investigator, the interrogator is less independent in the exercise of his powers. It is concluded that it is necessary to make appropriate changes in the RF Code of Criminal Procedure in order to fill the gaps in the procedural status of the inquiry officer.*

Keywords: *criminal procedure, inquiry, interrogator, body of inquiry, prosecutor, procedural status, powers, independence.*

Слово «дознание» происходит от таких русских слов, как «дознать» или «дознаться», означающих «выяснить, разведать, найти что-то или в чем-то удостовериться» [2, с. 18]. Впервые институт дознания получил законодательную регламентацию в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР в 1922 г. в гл. 8 «О дознании». Однако, кодекс не содержал конкретной нормы, определяющей правовой статус дознавателя. Лишь в некоторых нормах упоминалось лицо, производящее дознание, но при этом отсутствовало понятие данного участника уголовного процесса.

С течением времени институт дознания претерпел существенные изменения и получил четкое закрепление в УПК РФ 2002 г., в том числе было дано законодательное определение дознавателя. Так, согласно п. 7 ст. 5 УПК РФ: «дознаватель – это должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом» [1].

Не смотря на подробную регламентацию института дознания, следует отметить, что действующий УПК РФ не уделяет должного внимания процессуальному статусу дознавателя как лицу, производящему дознание. При этом УПК РФ уже трижды уточнял нормативное определение

дознателя, каждый раз вводя новые признаки данного участника, расширяющие как круг субъектов, охватываемых этим понятием, так и объем их полномочий. В связи с недостаточностью разработанности процессуального статуса дознавателя, на сегодняшний день возникает ряд проблем по вопросам взаимодействия дознавателя, следователя и оперативно-розыскных подразделений.

Для решения обозначенной проблемы рассмотрим важнейшие полномочия и обязанности дознавателя, которыми он наделен в соответствии с УПК РФ, а также проблемы, связанные с их реализацией в ходе уголовно-процессуальной деятельности.

Дознаватель, как субъект стадии возбуждения уголовного дела, т.е. лицо, уполномоченное принимать решение о возбуждении/ об отказе в возбуждении уголовного дела, обязан принять, проверить сообщение о совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК РФ, принять по нему решение не позднее 3 суток со дня получения сообщения. сказанное сообщение. Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ «при проверке сообщения о преступлении дознаватель, вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий» [1].

Поводом для возбуждения уголовного дела могут быть только те сообщения о преступлении, которые получены из установленных законом источников. Помимо этого, любое сообщение необходимо принять, зарегистрировать и проверить, даже если в последствии окажется, что в деянии не содержится признаков какого-либо состава преступления и в итоге будет принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Но главная проблема – это процессуальные сроки. Так, проверка сообщения о преступлении осуществляется в ограниченный срок: 3 суток, который может быть продлен до 10, а в исключительных случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 144, до 30, которых часто не хватает, т.к. у дознавателей в производстве может находиться несколько уголовных дел или материалов дел.

Дознаватель обладает правом самостоятельного проведения следственных и процессуальных действий, а также принятием процессуальных решений, кроме случаев, когда требуется согласие руководителя органа дознания, согласие прокурора или решение суда (п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ). Однако, на дознавателя возлагается также проведение неотложных следственных действий. Под неотложными следственными действиями понимаются «действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования» [1]. Однако, лицо, производящее неотложные следственные действия, не является дознавателем в процессуальном смысле слова. Так, если орган дознания поручает кому-либо произвести неотложные следственные действия, то на арене появляется новый субъект уголовного процесса – лицо, производящее неотложные следственные действия, что требует законодательного подтверждения.

Несмотря на наличие определенных полномочий в уголовном процессе, все же дознаватель является должностным лицом, процессуальная самостоятельность которого ограничена, т.к. УПК РФ предусматривает обязательные для дознавателя указания прокурора, а также руководителя органа дознания и начальника подразделения дознания. Дознаватель конечно вправе обжаловать такие указания либо прокурору, либо вышестоящему прокурору, однако это не приостанавливает их исполнения, за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 226 и ч. 5 ст. 226.8 УПК РФ.

Далее, следует отметить, что при осуществлении иных полномочий, предусмотренных п. 7 ст. 5 УПК РФ, дознаватель не выполняет функций ОРД, что характерно для органов дознания. Дознаватель выполняет только процессуальную функцию, которая следует из содержания ч. 2 ст. 41 УПК РФ, запрещающей привлечение в качестве дознавателей лиц, проводивших или осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия по данному уголовному делу.

Отнесение дознавателя к участникам уголовного процесса со стороны обвинения (что вытекает из содержания Раздела 2 УПК РФ), не означает, что его обязанностью является сбор и доказывание виновности лиц в совершении преступления. Исходя из назначения уголовного судопроизводства, дознаватель должен способствовать всестороннему, полному, объективному расследованию уголовного дела. Так, ст. 73 УПК

РФ определяет обстоятельства, подлежащие доказыванию по каждому уголовному делу, независимо от формы предварительного расследования и подследственности уголовных дел.

Следует отметить, что УПК РФ не указывает конкретных процессуальных решений дознавателя, требующих согласия руководителя органа дознания, за исключением ч. 4 ст. 225 УПК РФ. Таким образом регулируется процессуальная самостоятельность дознавателя. Но, проанализировав части 1, 3, 4 ст. 40.1 и ст. 41 УПК РФ следует сделать вывод, что дознаватель осуществляет свою деятельность под непосредственным контролем руководителя органа дознания, начальника органа дознания и прокурора.

В данном случае сложно говорить о процессуальной самостоятельности дознавателя, поскольку она ограничена полномочиями руководителя органа дознания, начальника подразделения и прокурора, которые имеют право давать письменные поручения дознавателю, которые обязательны для дознавателя, и их обжалование не приостанавливает их исполнения.

Дознаватель, являясь наряду со следователем лицом, проводящим расследование уголовных дел, в отличие от последнего, является наименее защищенным от возможного неправомерного воздействия со стороны заинтересованных лиц. Включение дознавателя в список лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, абсолютно необходимо.

Таким образом, процессуальный статус дознавателя, представляющий собой совокупность его прав и обязанностей, установленных нормами УПК РФ и соответствующих выполняемой им процессуальной функции, а также роль и место, отведенные этому участнику уголовного процесса, не в полной мере закреплен в УПК РФ. В связи с чем видится необходимым внесение соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство, с целью восполнения пробелов в процессуальном статусе дознавателя.

Список литературы

1. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.*

2. *Мамаев Г.М. О некоторых проблемах правового статуса дознавателя // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 2. – С. 15-23.*

© Г.А. Курбаналиев, 2021

УДК: 343

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Левенец Алена Федоровна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Демидченко Юрий Викторович

к.ю.н., доцен, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: статья посвящена особенностям, связанным с привлечением переводчика в уголовное судопроизводство и проблемам, которые возникают при этом у правоприменителя. Особое внимание уделяется анализу вопроса, связанного с определением компетентности переводчика. Автор статьи приходит к выводу, что недостаточно определена процессуальная регламентация привлечения в уголовный процесс переводчика, правоприменитель не имеет возможности удостовериться в компетентности переводчика. В статье предлагается, исключить из законодательных актов нормативные предписания о необходимости проверки компетентности переводчика.

Ключевые слова: компетентность, переводчик, уголовное судопроизводство, язык.

UDC: 343

PROBLEMS OF USING AN INTERPRETER IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Levenets Alena Fedorovna,

Scientific adviser: Demidchenko Yuri Viktorovich

Abstract: The article is devoted to the peculiarities of involving translators in criminal proceedings and the problems that the law enforcement officer faces at the same time. The main one is the analysis of the issue related to the definition of the translator's competence. The article states that the procedural regulation of involving an interpreter in the process is insufficiently defined, understandable and applicable, it is almost impossible for a law enforcement officer to verify the competence of an interpreter. The author points out that it is

necessary to exclude from legislative acts such normative prescriptions as checking the competence of the translator.

Keywords: *competence, translator, criminal proceedings, language.*

Уголовно-процессуальное законодательство довольно просто определяет необходимость участия переводчика в уголовном судопроизводстве. В связи с законодательным требованием о ведении уголовного судопроизводства в на русском языке, а также на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик, его участникам, недостаточно владеющим или полностью не владеющим языком, на котором осуществляется производство по уголовному делу, должностным лицом должно быть разъяснено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном УПК РФ (ст. 18 УПК РФ). Такой принцип языка уголовного судопроизводства обязывает правоприменителей использовать переводчиков, наделяя их определенным правовым статусом.

Однако, как считает С.В.Медведев, процессуальная регламентация привлечения переводчика (ст. ст. 18, 59, 61, 69, 165, 169, 263 УПК РФ[1] и ряд подзаконных нормативных правовых актов) грешит неточностями, абстрактностью норм, недооценивает фактическую роль переводчика как участника процесса и значение результата его труда (перевода). Возникающей между следователем (дознавателем), судом и переводчиком конструкции отношений недостает рационального формализма и надежности. Дефекты правового регулирования в этой сфере обусловило, в частности, небрежное обращение законодателя с правилами юридической техники [2].

Одна из причин, с которой сталкиваются лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, на которых возложена обязанность обеспечивать участие переводчика, связана с поиском лица, которое может быть переводчиком. В крупных городах имеются организации, которые в своем штате имеют переводчиков, владеющими языками, как правило в ограниченном количестве. А как быть, если населенный пункт, где проводятся процессуальные действия, не имеет таких организаций либо штат переводчиков не укомплектован специалистом, который владеет языком, необходимым для перевода. В таком случае поиск переводчика может вызывает у правоприменителей определенную проблему.

Положения статьи 59 УПК РФ относят переводчика к «иным» участникам судопроизводства, привлекаемых к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных требованиями УПК РФ, свободно владеющих языком, знание которого необходимо для перевода.

О таком качестве, как компетентность переводчика говорится в ст. 169 УПК РФ, которая устанавливает обязанность следователя не только разъяснить переводчику его права и ответственность, но и требования удостовериться в его компетентности.

Судья, дознаватель, следователь и другие лица, уполномоченные осуществлять уголовное судопроизводство, вынуждены выполнять стандартную процедуру, разъясняя переводчику его права и предупреждая об ответственности за нарушение установленных правил. Однако, каким образом следователь и другие лица смогут «удостовериться в компетентности» переводчика непонятно. Ведь следователь, как правило, не знает языка, для перевода с которого вызывается переводчик. Каким образом в таком случае он может проверить компетенцию переводчика?

В.В. Пушкарев указывает, что в качестве переводчика может выступать член Союза переводчиков России, сотрудник бюро переводов или лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. Принимая во внимание открытые вакансии сотрудников бюро переводов и постоянное привлечение на них различных соискателей, следователь или дознаватель должен допросить лицо, предоставленное для осуществления функции переводчика, в качестве специалиста. Подлежат выяснению вопросы о степени владения языком судопроизводства и требуемым иностранным языком, наличии соответствующего образования, языковой практики и профессионального стажа. К делу необходимо приобщить документы об образовании переводчика, его членстве в Союзе переводчиков России, в бюро переводов, подтвержденные соответствующим аттестатом и удостоверением, свидетельствующие в целом о компетентности переводчика [3].

Однако, указанная проверка основывается на утверждениях самого лица, которое привлекается в качестве переводчика, которое как, нам представляется будет всячески поддерживать свой авторитет, чтобы подтвердить свою компетентность в своем профессионализме. Следователю ничего не остается, как только поверить предоставленным документам. Иных способов удостовериться в профессионализме переводчика следователь не имеет.

С.В. Медведев справедливо отмечает, что методов такого удостоверения (или проверки) не только не предлагается, их просто не

существует. У следователя или судьи возможности и способности удостовериться в свободном владении переводчиком языком фактически отсутствует в силу совершенно понятных причин. Довольно весомым аргументом, в определенном смысле является обладание лицом, которое выступает в качестве переводчика, документ (диплом) о высшем образовании. Однако в России применительно к обсуждаемой теме отсутствует высшая школа, а также единая система содержащая квалификационные и иные требования к специалистам в данной области, а быстро найти возможно лишь дипломированного переводчика со знанием английского, немецкого, французского и некоторых других языков. Чаще всего на практике бывают востребованными переводы языков народов Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, а сейчас и Китая и с этой целью привлекаются люди, не обязательно имеющие какое-либо специальное высшее образование, но находящиеся на территории России и имеющие хоть какое-то примерное представление о быте, культуре, традициях и иных особенностях жизни. Такие обстоятельства показывают, что проверка наличия (отсутствия) диплома не имеет никакого смысла.

Отсутствие ясности в формулировке и логической связи нормативного предписания с другими нормами делает вышеуказанное нормативное предписание ч. 2 ст. 169 УПК РФ излишним[4].

Исходя из определения, данного ст. 59 УПК РФ: «переводчик – лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода».

Значительное число ученых и практиков справедливо отмечают, что человеком, свободно владеющим языком может быть тот, который умеет легко общаться, разговаривать на этом языке с другими, правильно излагать на нем свои мысли, читать и писать, но при всем этом он может оказаться не сведущим в конкретной предметной области (в данном случае – в уголовном процессе), в результате чего затрудняется передать посредством другого языка целостно и точно содержание подлинника (речи), его стилистические и иные особенности[5].

Однако, как справедливо отмечает О.Ю. Кузнецов, само по себе владение юридической разговорной лексикой языков судопроизводства и перевода бывает явно не достаточным, чтобы кандидат на процессуальную роль переводчика мог приобрести соответствующий юридический статус: для этого также необходимо знание им специальной правовой терминологии, используемой при свершении правосудия по уголовным делам, которое, как правило, приобретает в процессе получения

профессионального образования на русском языке в высших или средних специальных учебных заведениях России. Нормативной основой оценки уровня владения русским языком, являющимся основным языком судопроизводства на территории Российской Федерации, является Государственный стандарт по русскому языку как иностранному, согласно которому процессуальные обязанности переводчика в какой-либо области социального общения (в т.ч. в сфере судопроизводства) могут исполнять люди, познания которых соответствуют II сертификационному уровню владения языком, получаемому во время обучения или в профильном юридическом колледже, или в вузе не по лингвистической – педагогической, технической, сельскохозяйственной и др. специальности [6].

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает основания не только для участия переводчика в действиях, связанных с производством по уголовному делу, но и для отвода его на различных стадиях уголовного судопроизводства в тех случаях, если будут иметься предусмотренные в законе обстоятельства, которые исключают его участие в производстве по уголовному делу.

Законодатель, излагая обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу, счел необходимым дополнительно ввести в УПК РФ общие нормы, которые предусмотрены ст. 61, содержащие основания, которые исключают участие различных субъектов уголовного судопроизводства в производстве по уголовному делу.

Переводчик не может участвовать в производстве по уголовному делу, если он:

- является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком или свидетелем по данному уголовному делу;
- участвовал в качестве присяжного заседателя, эксперта, специалиста, понятого; секретаря судебного заседания, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика;
- является близким родственником или родственником любого из участников производства по данному уголовному делу;
- если имеются иные обстоятельства, дающие основание полагать, что он лично, прямо или косвенно, заинтересован в исходе данного уголовного дела.

Положения ст. 69 УПК Российской Федерации предусматривают также и специальные нормы, которые содержат основания отвода переводчика. К ним относятся:

– решение об отводе переводчика в ходе досудебного производства по уголовному делу принимает дознаватель, следователь, суд;

– при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УПК Российской Федерации, отвод переводчику может быть заявлен сторонами, а в случае обнаружения некомпетентности переводчика также свидетелем, экспертом или специалистом;

– предыдущее участие лица в производстве по уголовному делу в качестве переводчика не является основанием для его отвода.

Исходя из того, что переводчик выполняет важную роль в действиях, связанных с получением доказательств, законодательство не может допустить совмещения его функций с функциями других участников уголовного процесса. Исходя из целей, связанных с законным, обоснованным и справедливым разрешением дела необходимо, чтобы перевод осуществлялся лицом, которое не имеет никакой заинтересованности в исходе конкретного уголовного дела.

Участие переводчика в качестве потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, законного представителя обвиняемого, дознавателя, следователя, обвинителя, защитника либо наличия родственных отношений с кем-то из перечисленных участников уголовно-процессуальной деятельности (в том числе и с обвиняемым) само по себе является бесспорным основанием для его отвода.

Пункт 3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ содержит требование о том, что переводчик не должен являться близким родственником или родственником любого из других участников производства по уголовному делу. Необходимо отметить то, что, сформулированное в п. 37 ст. 5 УПК РФ понятие родственников не дает возможности однозначно судить о том круге лиц, которое им охватывается. Согласно определению, «родственники – все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве». Таким образом определение степени родства для решения вопросов, связанных с отводом переводчика, остро стоит перед законодательством. Содержание п. 4 ст. 5 УПК РФ, в котором определяется только лишь круг близких родственников и абсолютно не раскрывается круг лиц, которые находятся в родстве или свойстве. Такое положение не дает возможности установить степень родства для выявления основания отвода.

Учитывая данную неопределенность в уголовно-процессуальном законодательстве, дознавателю, следователю и суду рекомендуется тщательно устанавливать не только отношения родства переводчика, но и отношения свойства с другими участниками процесса [7].

Вышеизложенное вызывает необходимость более подробно и более основательно регламентировать роль переводчика в осуществлении следственных и иных процессуальных действий, проводимых в уголовном судопроизводстве.

В целях более четкой регламентации деятельности переводчика в уголовном судопроизводстве закрепить в гл. 53 УПК РФ положения, содержащие организационно-правовые аспекты привлечения переводчика к участию в процессуальных действиях в уголовном судопроизводстве, которые осуществляются с участием лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства. В международных договорах, заключаемых между Российской Федерацией и другими государствами, закрепить положения, предусматривающие порядок привлечения, допуска, компетенции переводчика, для оказания правовой помощи по уголовным делам, а также четко регламентировать вопросы, связанные с его отводом.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., – 2021. – 275с.

2. Медведев С.В. О несовершенстве правового регулирования участия переводчика в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2017. – № 11. – С. 33 – 36.

3. Пушкарев В.В. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства при применении мер процессуального принуждения // Миграционное право. – 2016. -№ 4. – С. 24 – 28.

4. Медведев С.В. О несовершенстве правового регулирования участия переводчика в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2017. – № 11. – С. 33 – 36.

5. Темкина В.Л., Волосова В.Ю., Волосова М.В., Антонова А.В. Участие переводчика в уголовном судопроизводстве: лингвистические, правовые и организационные вопросы // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 2. – С. 187.

6. Кузнецов О.Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве: Монография. – М.: Издательство МПИ ФСБ России, – 2006. – 256с.

7. Бунова И.И. Об особенностях применения норм, исключających участие переводчика в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. – 2017. – № 4. – С. 37 – 40.

© А.Ф. Левенец, 2021

УДК: 343.3/7

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ И СУЩНОСТИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Литвиненко Денис Викторович,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Осадчая Наталья Георгиевна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье рассматривается общественная опасность преступлений, совершаемых медицинскими работниками, изучаются причины сложившейся ситуации в сфере ятрогении, анализируется содержание и сущность ятрогенных преступлений. В результате автор аргументирует необходимость законодательного закрепления понятия «ятрогенное преступление» и предлагает его определение.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, ятрогения, преступления, совершаемые медицинскими работниками, врачебные ошибки, уголовная ответственность.

UDC: 343.3/7

PROBLEMS OF DETERMINING THE CONTENT AND ESSENCE OF IATROGENIC CRIMES

Litvinenko Denis Viktorovich,

Scientific adviser: Osadchaya Natalia Georgievna

Abstract: the article examines the social danger of crimes committed by medical professionals, examines the causes of the current situation in the field of iatrogeny, analyzes the content and essence of iatrogenic crimes. As a result, the author argues the need for legislative consolidation of the concept of «iatrogenic crime» and offers its definition.

Key words: iatrogenic crimes, iatrogenism, crimes committed by medical professionals, medical errors, criminal liability.

В последние годы отмечается стабильный рост количества обращений граждан по фактам некачественного оказания медицинской помощи как в

правоохранительные органы, так и в суды в порядке гражданского судопроизводства, а также в Минздрав и Фонд обязательного медицинского страхования. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения допускается 9% врачебных ошибок, тогда как в Российской Федерации в процентном соотношении количество выявленных дефектов намного превышает цифру ВОЗ и составляет 35% [1].

Преступления, совершаемые медицинскими работниками в процессе исполнения ими своих профессиональных обязанностей и повлекшие смерть или вред здоровью пациента, все чаще становятся предметом обсуждения не только в средствах массовой информации, но и в качестве отдельной темы выносятся на обсуждение. Так, в октябре 2017 г. в Следственном комитете России состоялось совещание по вопросам расследования и квалификации преступлений, связанных с врачебными ошибками. Повышенное внимание к вопросам преступлений, совершаемых медицинскими работниками, связано с тем, что число таких деяний неуклонно растет.

По данным отдела аналитического сопровождения следствия Следственного комитета Российской Федерации, если в 2012 г. поступило 2,1 тыс. сообщений о медицинских преступлениях, то в 2020 г. – 6,5 тыс. В 2012 г. в отношении врачей возбуждено 311 уголовных дел, в 2020 г. возбуждено 149 уголовных дел, из них виновными признаны 60 врачей, в 47 случаях обвиняемые были оправданы [2].

В феврале 2020 г. министр здравоохранения Российской Федерации М.А. Мурашко заявил об осложнениях, которые получают каждый год около 70 тыс. человек вследствие неправильных действий врачей [3]. Особую значимость данная проблема приобретает в условиях распространения коронавирусной инфекции, ставшего причиной пандемии COVID-19, когда многие запланированные программы охраны здоровья населения были приостановлены в связи с концентрацией всех усилий общества и государства на борьбе с опасной инфекцией. Несмотря на чрезвычайный характер заболеваемости COVID-19, пандемия не отменяет потенциальной уголовной ответственности за последствия профессиональной деятельности медицинских работников. Неправильный диагноз, неадекватное лечение или смерть людей, инфицированных COVID-19 – вот лишь некоторые из возможных спорных вопросов, стоящих перед медицинским персоналом и медицинскими учреждениями в не столь отдаленном будущем [4, с. 133].

В условия, охватившей мир пандемии, разрабатываются во многом беспрецедентные меры по преодолению массовых заболеваний и организации жизни общества в сложившихся условиях. Россия принимает активное участие в международном сотрудничестве в этой сфере, также в нашей стране совершенствуется законодательство, в том числе и уголовное, в сфере борьбы с неправомерными действиями в условиях эпидемии и других чрезвычайных обстоятельств [5, с. 52].

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит достаточный инструментарий для привлечения к ответственности врачей, однако его результативность недостаточна. На несовершенство норм, связанных с ответственностью медицинских работников, обращают внимание многие ученые. Именно неблагоприятные последствия в результате ятрогенного воздействия привели к широкому научному обсуждению перспектив введения уголовной ответственности за подобные преступления [6, с. 168].

Отметим, что в науке уголовного права на сегодня отсутствуют «специальные» медицинские составы, не существует единой общепринятой классификации ятрогенных преступлений, а понятие «ятрогенные преступления» законодателем не определено. Можно констатировать существование спорных, подчас противоречивых, позиций некоторых ученых в данном вопросе. По этой причине нельзя объективно в количественных показателях оценить «распространенность» и динамику преступлений, совершенных медицинскими работниками, сравнить частоту привлечения к уголовной ответственности. Изучение судебной практики демонстрирует наличие значительного количества ошибок при квалификации сложных и труднонаказуемых в силу своей специфики ятрогенных преступлений, неоднозначную оценку тяжести таких деяний. Для обоснованного и объективного разрешения проблем, возникающих в ходе юридической оценки преступлений, совершаемых медицинскими работниками в процессе исполнения ими своих профессиональных обязанностей, необходима разработка понятия «ятрогенные преступления», а также совершенствование законодательной техники уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за данные преступления.

Несмотря на то, что в научный оборот широко внедрен термин «ятрогения», его законодательное оформление отсутствует до сих пор. Согласно Международной классификации болезней к ятрогенным относятся любые патологические процессы, возникающие в результате медицинского мероприятия. При этом врачебные действия могут рассматриваться как причины и как условия таких последствий.

Название «ятрогения» происходит от древнегреческих терминов «ятрос» (врач) и «генеа» (происхождение), оно внедрено в медицинский оборот в 1925 г. немецким психиатром О. Бумке. Первоначально данный термин означал причинение вреда пациенту неосторожным, непродуктивным, бестактным словом врача. В дальнейшем он трансформировался в нежелательные последствия, которые возникают при оказании медицинской помощи любого профиля [7, с. 19].

Постепенно данный термин стал употребляться в юридической литературе, закрепилось понятие «ятрогенные преступления». Несмотря на то, что вопросы, связанные с содержанием термина «ятрогенные преступления», анализируются в теории уголовного права, отсутствует единообразный подход к его определению. Например, по мнению И.О. Никитиной под ятрогенными преступлениями следует понимать «умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающих основные принципы и условия оказания медицинской помощи, установленные Конституцией РФ и иными законодательными актами России, совершаемые при использовании своих профессиональных и служебных обязанностей и ставящие под угрозу причинения вреда, причиняющие вред жизни, здоровью и иным законным правам и интересам пациента» [8, с. 7]. Полагаем, что включение в данную группу преступления «угрожающие причинением вреда» противоречит уголовному законодательству, т.к. оно не предусматривает уголовную ответственность за совершение медицинскими работниками деяний, лишь угрожающих причинением вреда, но фактически не причинивших такового. Л.В. Сухарникова предлагает в круг ятрогенных преступлений включать не только деяния, связанные с неосторожным причинением вреда жизни и здоровью граждан в результате неоказания медицинской помощи, но и должностные преступления, совершаемые медицинскими работниками [9, с. 19]. Объединение в одну группу ятрогенных и должностных преступлений, совершаемых медицинскими работниками, представляется нецелесообразным, поскольку противоречит смыслу понятия «ятрогения».

Анализ правоприменительной практики показал, что наиболее часто медицинские работники в случае совершения правонарушений, к уголовной ответственности привлекаются по ч. 2 ст. 109 УК РФ, ч. 2 и ч. 4 ст. 118 УК РФ, ч. 4 ст. 122 УК РФ, ч. 3 ст. 123 УК РФ, ч. 2 ст. 124 УК РФ, ст. 235 УК РФ, ч. 2 и ч. 3 ст. 238 УК РФ, ч. 2 и ч. 3 ст. 293 УК РФ. Однако в Особенной части УК РФ отсутствуют составы, четко определяющие медицинского работника как субъекта преступления. Отсутствие

специальных норм, регламентирующих ответственность за совершение «ятрогенных преступлений», создает сложности в процессе их квалификации. Во избежание разночтений и в целях единообразного толкования уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность медицинских работников за нарушения правил оказания медицинской помощи, представляется необходимым систематизировать данные преступления.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в УК РФ необходимо закрепить понятие «ятрогенные преступления», под которыми следует понимать виновно совершенные медицинскими работниками при исполнении своих профессиональных обязанностей, общественно опасные противоправные деяния в сфере профилактики, диагностики или лечения человека, повлекшие наступление неблагоприятных последствий для жизни и здоровья пациента.

Список литературы

1. Отчет Федерального Фонда обязательного медицинского страхования за 2015 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ffoms.ru/upload/iblock/> (дата обращения: 24.10.2021).

2. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sledcom.ru/news/> (дата обращения: 26.10.2021).

3. Минздрав: от врачебных ошибок тяжелые осложнения получают 70 тысяч россиян в год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doctor.rambler.ru/news/> (дата обращения: 26.01.2021).

4. Малышева Ю.Ю. К вопросу о врачебных ошибках в условиях пандемии COVID-19 в контексте уголовного закона // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2021. – № 3. – С. 131 – 139.

5. Безручко Е.В., Осадчая Н.Г. Проблемы регламентации ответственности за распространение заведомо ложной информации в условиях эпидемии и других чрезвычайных обстоятельств // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 1 (96). – С. 51 – 56.

6. Серегина Е.В. Ятрогенные преступления: проблемы уголовно-правового регулирования и правоприменения // Современная наука: проблемы, идеи, инновации: Материалы Международной научно-практической конференции (21 декабря 2019 г.) / Под общ. ред. Е.А. Назарова. – Казань: ООО ПК «Астор и Я», 2020. – С. 165 – 170.

7. Погосян А.А., Тилюкина А.Г. Ятрогенные преступления как новый вид преступлений в уголовном праве Российской Федерации // Российско-Азиатский правовой журнал. – 2019. – № 2. – С. 17 – 20.

8. Никитина И.О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – 32 с.

9. Сухарникова Л.В. Особенности расследования неосторожного причинения вреда жизни и здоровья граждан медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – 28 с.

© Д.В. Литвиненко, 2021

УДК: 343.3/7

СИСТЕМА ПРАВОВЫХ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Мацегорова Елизавета Станиславовна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Досаева Глера Сулеймановна

д.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье анализируется система правовых мер, направленных на обеспечение экологической безопасности. В частности, автор рассматривает некоторые положения Конституции Российской Федерации, Федерального закона «Об охране окружающей среды», Указов Президента Российской Федерации «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» и «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». В итоге автор приходит к выводу о том, что вопросы экологической безопасности всесторонне охватываются нормативными правовыми актами. Концепция экологической безопасности формируется в рамках различных отраслей права, в том числе уголовного.

Ключевые слова: экологическая безопасность, окружающая среда, правовые меры, нормативные правовые акты, уголовное право.

UDC: 343.3/7

A SYSTEM OF LEGAL MEASURES AIMED AT ENSURING ENVIRONMENTAL SAFETY

*Matsegorova Elizaveta Stanislavovna,
Scientific adviser: Dosaeva Glera Suleymanovna*

Abstract: *the article analyzes the system of legal measures aimed at ensuring environmental safety. In particular, the author examines some provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law «On Environmental Protection», Decrees of the President of the Russian Federation «Fundamentals of State policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030» and «On the Strategy of Environmental Safety of the Russian Federation for the period up to 2025». As a result, the author comes to the conclusion that environmental safety issues are comprehensively covered by regulatory legal acts. The concept of environmental safety is formed within the framework of various branches of law, including criminal law.*

Key words: *environmental safety, environment, legal measures, regulatory legal acts, criminal law.*

Одной из общемировых проблем, значимость которой невозможно переоценить и которая требует скорейшего разрешения, является проблема экологической безопасности. Экологические катастрофы, происходящие в последние годы как в мире, так и в России, вызваны не только стихийными бедствиями, количество которых существенно возросло в связи с глобальными изменениями климата, но и негативным воздействием человека на экологию.

Значительная часть России относится к зоне экологического бедствия. Особую тревогу вызывает увеличение объема вредных выбросов от промышленных предприятий и коммунальных объектов. Так, в рейтинг 2021 года российских городов-лидеров по объемам вредных выбросов вошли Норильск, Череповец, Новокузнецк, Липецк, поселок городского типа Рефтинский, Междуреченск, Магнитогорск, Варкута, Уфа и Ангарск. В названных городах расположены крупнейшие металлургические, нефтехимические и теплоэнергетические предприятия, использующие грязные виды топлива: «Русал», «Норникель», «СУЭК-Кузбасс», «Мечел», «Евраз», «Сибантрацит», «Газпром-нефть», «Лукойл» и другие [1]. Кроме того, следует отметить загрязнение угольной пылью в Кузбассе и Приморском крае, ликвидацию отходов «Байкальского целлюлозно-

бумажного комбината» и «Усольехимпрома», строительство мусорного полигона в Шиесе. На территории нашей страны произошло множество аварийных утечек нефти и нефтепродуктов. Самые крупные зафиксированы в Республики Коми, Приморском и Красноярском крае, в их числе разлив дизельного топлива в Норильске 29 мая 2020 года [2].

Почти 50% населения страны вынуждено пользоваться питьевой водой, не отвечающей гигиеническим требованиям. Треть жителей страны постоянно подвергается вредным воздействиям загрязнения воздуха, воды, почвы, шумовых или электромагнитных источников. По уровню радиационных отходов Россия занимает первое место в мире. Трудноразрешимые экологические проблемы российских городов связаны с чрезвычайной насыщенностью транспортом (автотранспорт дает до 70% всех загрязнений атмосферного воздуха и шума), с несовершенством системы канализации (загрязнены практически все наземные источники воды, угроза нависла над подземными источниками), с деградацией городской и пригородной растительности.

В России ежегодно в среднем регистрируется около 16 тыс. лесных пожаров, из них около 1500 являются крупными, пройденная огнем на землях лесного фонда, в среднем составляет около 150 га. Больше всего лесных пожаров регистрируется в Бурятии, Забайкальском, Красноярском, Приморском и Хабаровском крае, в Брянской, Иркутской, Смоленской, Кемеровской и Еврейской автономной области. Крупные, занимающие значительные площади и угрожающие населенным пунктам, пожары составляют примерно десятую часть всех лесных пожаров. 2021 год стал самым катастрофическим в отношении пожаров для российских лесов Сибири и Дальнего Востока. Площадь лесных пожаров составила 18,2 млн. га, что стало рекордом начала XXI века [3].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в современных условиях развития общества вопросы обеспечения экологической безопасности Российской Федерации выступают общенациональной проблемой. Экологическая безопасность подразумевает защиту социума не только от чрезвычайных ситуаций, но и от неблагоприятного влияния на него загрязнения окружающей среды, что создает условия возникновения угрозы для жизни и здоровья людей. Достигается она путем реализации, в том числе, правовых мер, направленных на обеспечение экологической безопасности. Экологическая защищенность требует законодательного укрепления и правовой регламентации.

Правовые основы обеспечения экологической безопасности заложены в Конституции Российской Федерации. В целях обеспечения реализации

конституционных положений в Федеральном законе от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» прописаны нормы, посвященные вопросам обеспечения экологической безопасности. Так, в ст. 1 указанного закона под экологической безопасностью понимается «состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий» [4].

В целях обеспечения экологической безопасности при модернизации экономики и в процессе инновационного развития Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г. утверждены Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Данный документ определяют стратегическую цель и основные задачи государства в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, а также механизмы их реализации [5]. В целях реализации положений данного документа было принято распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2012 «Об утверждении Плана действий по реализации Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года», в котором устанавливаются правовые основы детализации указанного декларативного документа.

Проблемой обеспечения экологической безопасности обеспокоено наше государство, ведь недаром 2017 год был объявлен в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Годом экологии. Также был издан Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 года № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». Данная Стратегия характеризует современное состояние окружающей среды в Российской Федерации как неблагоприятное и отражает вызовы и угрозы экологической безопасности как на глобальном, так и на внутреннем уровне и детализирует цели и задачи государственной экологической политики в вопросах обеспечения экологической безопасности как части национальной безопасности Российской Федерации [6].

Анализ вышеприведенных документов позволяет увидеть, что вопросы экологической безопасности всесторонне охватываются нормативными правовыми актами. Однако экологическая политика должна реализовываться в рамках различных отраслей права.

Одной из эффективных мер экологической защиты является предупреждение экологической преступности. Существенное значение в предупреждении экологической преступности имеет уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за деяния общественно опасные и тяжкие по своим экологическим последствиям, либо способные причинить существенный вред экологическим интересам граждан [7, с. 620]. Общественная опасность данных преступлений заключается в уничтожении или качественном ухудшении биологической среды обитания человека или иных живых существ [8, с. 356].

Меры уголовно-правовой охраны окружающей среды выступают частью механизма юридической ответственности при обеспечении экологической безопасности нашего государства, хотя выполняют лишь вспомогательную функцию (превентивную, карательную, воспитательную). В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» «экологическая безопасность и рациональное природопользование обеспечиваются за счет сохранения окружающей среды и ее защиты, ликвидации экологических последствий хозяйственной деятельности человека в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата» [8].

Итак, экологическая безопасность представляет собой чрезвычайно сложный многоаспектный институт, закрепленный нормативными правовыми актами, а также регулируемый отраслевыми нормами, призванный обеспечить высокое качество окружающей среды и экологической защиты общества от чрезвычайных ситуаций посредством применения комплекса правовых мер. Исходя из правового анализа вышеуказанных документов видно, что современной целью экологической политики выступает обеспечение реализации концепции устойчивого развития, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепление правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Список литературы

- 1. Названы самые вредоносные города России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/ecology/> (14.10.2021).*
- 2. Недавние экологические катастрофы в России. Бедствия 2020 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dprom.online/unsolution/> (15.10.2021).*

3. *Лесные пожары в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gogov.ru/forest-fires/rst> (14.10.2021).*

4. *Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Российская газета. 2002. 12 января.*

5. *Указ Президента Российской Федерации 30 апреля 2012 г. «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «Консультант Плюс».*

6. *Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 года № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.*

7. *Серегина Е.В. Основные меры, направленные на профилактику экологической преступности в современной России. В сб.: Экологические и природоохранные проблемы современного общества и пути их решения. Материалы XIII международной научной конференции. В 2-х частях / Под ред. А.В. Семенова, Н.Г. Малышева, Ю.С. Руденко. – М.: Московский университет им. Витте, 2017. – С. 616 – 622.*

8. *Уголовное право. Особенная часть. В 2 т. Том 2: учебник для академического бакалавриата / отв. ред. И.А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. 5-е изд., перераб. И доп. – М.: Юрайт, 2020. – 442 с.*

9. *Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Российская газета. 2012. 31 октября.*

© Е.С. Мацегорова, 2021.

УДК: 343.13

ЭЛЕМЕНТЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Мирзоян Геворг Араикович,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Цой Бронислав Алексеевич,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье исследуются элементы уголовного преследования. Отмечается, что уголовное преследование включает в себя объект (лицо, в отношении которого осуществляется преследование), субъект (лица и органы, осуществляющие преследование) и содержание (корреспондирующие права и обязанности). Кроме того, определяются начало и окончание уголовного преследования.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное преследование, элементы, объект, подозреваемый, обвиняемый, субъект, должностные лица, органы предварительного расследования, права, обязанности.

UDC: 343.13

CONCEPT OF CRIMINAL PROSECUTION

Mirzoyan Gevorg Araikovich,

Scientific adviser: Tsoi Bronislav Alekseevich

Abstract: *the article examines the elements of criminal prosecution. It is noted that criminal prosecution includes an object (the person against whom the prosecution is carried out), the subject (persons and bodies carrying out the prosecution) and content (corresponding rights and responsibilities). In addition, the beginning and the end of the criminal prosecution are determined.*

Keywords: *criminal proceedings, criminal prosecution, elements, object, suspect, accused, subject, officials, preliminary investigation bodies, rights, duties.*

Термин «уголовное преследование» давно и широко используется в теории и практике отечественного уголовного процесса. Данное понятие не является новым для российского уголовного судопроизводства и впервые было использовано в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Позже оно было закреплено в нормативных правовых актах Советского государства, но с принятием Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. было исключено законодателем. Возрождение данного института произошло в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 г. На сегодняшний день данный термин представляет научный и практический интерес, что не случайно.

Как справедливо писал А.Ф. Кони: «Уголовное преследование – дело слишком серьезное, чтобы не вызывать самого тщательного обсуждения. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до привлечения лица к ответственности очень часто не могут нивелировать материальный и моральный вред, причиненный лицу поспешным и

необоснованным его участием в уголовном деле» [5, с .145]. Эти строки, написанные столетие назад и в настоящее время, точно отражают важность уголовного преследования, которое согласно ч. 2 ст. 6 УПК РФ заключается в том, что «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию» [1].

Действующий УПК РФ в п. 55 ст. 5 УПК РФ дает определение уголовного преследования, под которым понимается «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» [1]. Как справедливо отмечает В.Ю. Стельмах «из данного законодательного определения неясно, считается ли деятельность органов предварительного расследования по установлению виновного в преступлении до придания ему процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого уголовным преследованием, или уголовное преследование представляет собой только осуществление действий в отношении конкретное лицо, наделенного одним из указанных процессуальных статусов» [10, с .169].

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ «уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, поскольку с этого момента создаются правовые основания для последующих процессуальных действий органов предварительного расследования и суда» [9]. Следовательно, Конституционный Суд РФ не связывает момент возбуждения уголовного дела с установлением конкретного лица, которому присвоен процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого. Исходя из этого, можно сделать вывод, что уголовное преследование проходит два этапа:

1. Неперсонифицированный, где проводятся действия по выявлению лица, совершившего преступление. На этом этапе уголовное преследование может проявляться в виде следственных действий, направленных на сбор доказательств причастности лица к преступлению.

2. Персонифицированный (обвинительная деятельность), который начинается после придания конкретному лицу процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого. Обвинительная деятельность, в свою очередь, осуществляется в двух процессуальных формах: подозрение и обвинение.

При этом, подозрение – это первая часть уголовного преследования, когда имеется отдельная информация о причастности лица к совершению

преступления, однако альтернативные версии происшествия продолжают оставаться неоспоримыми, а количественное и качественное содержание информации не позволяют органам предварительного расследования сделать однозначный вывод о том, что преступление было совершено именно этим лицом, а не кем-либо другим. Обвинение является заключительной частью уголовного преследования, и оно предъявляется, когда следственными органами собрана совокупность доказательств, свидетельствующих о причастности лица к совершению преступления, проверены и опровергнуты другие версии, нет оснований для прекращения уголовного преследования в отношении данного лица.

Следует отметить, что приводимое в п. 55 ст. 5 УПК РФ определение вызывает бурную дискуссию среди процессуалистов. Одни считают это определение слишком общим и определяют, что «законодатель не вдавался в подробности ... конструируя какое-то абстрактное понятие» [3, с. 336]. В.С. Джатиев приходит к выводу о том, что «уголовное преследование – это абстракция, не имеющая собственного содержания, поскольку объясняется вполне конкретными уголовно-процессуальными явлениями: возбуждением уголовного дела, предварительным расследованием, задержанием подозреваемого, привлечением в качестве обвиняемого, применением мер пресечения к подозреваемому и обвиняемому, изменением обвинения, обвинительным заключением, уголовным преследованием и др.» [4, с. 16]. Р.В. Мазюк, проведя анализ соблюдения п. 55 ст. 5 УПК РФ логических правил построения определений, приходит к выводу, что «в целом законодательное определение уголовного преследования следует признать логически правильным, по своему содержанию оно вполне пригодно для обозначения процессуальной деятельности, реализующей функцию обвинения в уголовном процессе» [7, с. 114].

Другие процессуалисты связывают содержание уголовного преследования с назначением уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ. Так, Н.Ю. Букина предлагает под уголовным преследованием понимать «деятельность специально уполномоченных должностных лиц, а также других участников уголовного процесса, которая направлена на изобличение лица (лиц), совершившего преступление, на доказательство вины и обеспечение неотвратимости наказания» [2, с. 59]. Схожей позиции придерживается С.В. Круглов, который рассматривает уголовное преследование как «обусловленное осуществлением назначения уголовного судопроизводства, процессуальную деятельность обвинения, направленную на раскрытие

преступления путем исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию, с последующим предъявлением и поддержанием обвинения, осуществляемую в целях установления и изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» [6, с. 21].

Очевидно, излишняя краткость законодательного определения уголовного преследования предопределила то, что в уголовно-процессуальной доктрине продолжается поиск наиболее подходящего определения, раскрывающего сущность рассматриваемого процессуального института. Так, например, Е.Л. Никитин считает возможным понимать «уголовное преследование» в узком и широком смысле: как «деятельность должностных лиц прокурорского надзора (прокуроров и их помощников), а в исключительных случаях, установленных законом, – частных лиц (потерпевших) по изобличению лица перед органами правосудия, совершившего преступление, и обращенное к суду требование признать их вину и назначить им справедливое наказание»; а также как «сложную познавательную процессуальную деятельность государственных органов и их должностных лиц по раскрытию преступлений и изобличению лиц, совершивших преступления, сбору изобличающих доказательств, формулированию и доказыванию обвинения, обращению в суд с просьбой признать лиц виновными, назначении им справедливого наказания» [8, с. 84].

Исходя из изложенного выше и проведя анализ уголовно-процессуального законодательства и юридической литературы, представляется возможным выделить следующие отличительные признаки уголовного преследования:

во-первых, уголовное преследование представляет собой ядро и одновременно движущую силу уголовного судопроизводства. Без уголовного преследования уголовное судопроизводство в целом не имело бы предмета и потеряло бы необходимость;

во-вторых, уголовное преследование носит публичный и государственно-властный характер. Именно в ходе уголовного преследования органами предварительного расследования формулируется и предъявляется обвинение, лицо приобретает процессуальный статус обвиняемого и наделяется специфическими правами и обязанностями. Решения органов предварительного расследования и прокурора в подавляющем большинстве случаев не зависят от усмотрения участников уголовного процесса и являются для них обязательными;

в-третьих, уголовное преследование осуществляется только официальными государственными органами (органами предварительного

следствия и дознания, прокурором). Определенные полномочия на участие в уголовном преследовании имеют и частные лица (потерпевший или его законный представитель), однако они не вправе принимать какие-либо обязательные решения. Исключения составляют дела частного обвинения, по которым желание потерпевшего о возбуждении уголовного дела и его прекращении вследствие примирения с виновным обязательно для дознания и предварительного следствия. Однако и в этом случае официальное решение принимает дознаватель или следователь, но не сам потерпевший;

в-четвертых, уголовное преследование строго процессуальная деятельность, осуществляемая в формах и порядке, предусмотренном УПК РФ;

в-пятых, с содержательной точки зрения уголовное преследование включает в себя совокупность всех процессуальных действий, направленных: а) на установление фактических обстоятельств преступления; б) выявление лица, его совершившего; в) сбор и фиксацию доказательств причастности данного лица к совершению преступления; г) опровержение версий о его невиновности.

С учетом названных выше признаков предлагаем следующий вариант определения уголовного преследования: «- это публичная, государственно-властная деятельность, составляющая основное содержание уголовного судопроизводства, осуществляемую официальными государственными органами и должностными лицами при ограниченном участии других участников уголовного судопроизводства, в предусмотренных уголовно-процессуальным законом формах и порядке, направленная на установление лица, совершившего преступление, предъявлении ему обвинения и обосновании этого обвинения перед судом». Представляется, что данное определение наиболее полно отражает отличительные признаки уголовного преследования, и, возможно, разрешит часть проблем, породивших дискуссию в доктрине уголовного процесса.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

2. Букина Н.Ю. *Назначение института прекращения уголовного дела и уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук*. – Краснодар, 2005. – 27 с.

3. Головкин Л.В. *Альтернативы уголовному преследованию в современном праве*. – СПб., 2002. – 345 с.

4. Джатиев В.С. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: шаг вперед или два шага назад? // *Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений.* – М., 2005. – 145 с.

5. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // *Собр. соч. В 8 т.* – М.: Юрид.лит., 1967. – Т. 4. – 257 с.

6. Круглов С.В. Осуществление функции уголовного преследования // *Следователь.* – 2004. – № 4. – С. 20-27.

7. Мазюк Р.В. Уголовное преследование в российском уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2007. – 167 с.

8. Никитин Е.Л. Актуальные проблемы прокурорской деятельности при осуществлении уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000. – 156 с.

9. Постановление Конституционного Суда от 14 января 2000 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»

10. Стельмах В.Ю. Понятие и признаки уголовного преследования // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями.* – 2014. – № 14-1. – С. 167-172.

© Г.А. Мирзоян, 2021

УДК: 343.13

**ПРИВЛЕЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА К УЧАСТИЮ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ:
ТЕОРИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА**

Неклюдов Роман Тофикович,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Шипшин Сергей Сергеевич,

кандидат юридических наук, доцент

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье рассматривается процессуальный порядок и тактика привлечения специалиста стороной защиты и в ходе расследования уголовного дела и рассмотрения его в суде.

Ключевые слова: специалист, защитник, уголовное дело, доказательства, специальные сведения, значимость, правоприменительная практика.

UDC: 343.13

**ATTRACTING A SPECIALIST TO PARTICIPATION
IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE COUNTRY PROTECTION:
THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

*Neklyudov Roman Tofikovich,
Research supervisor: Shipshin Sergey Sergeevich*

Abstract: *The article examines the procedural order and tactics of involving a specialist by the defense and during the investigation of a criminal case and its consideration in court.*

Key words: *specialist, defender, criminal case, evidence, special information, significance, law enforcement practice.*

В последние годы возросла необходимость привлечения специалиста в рамки уголовного судопроизводства, так как широко используются специальные знания, достижения науки и техники в процессе доказывания. Такая потребность возникла с внедрением достижений информационных технологий в деятельность человека, при помощи которых преступный мир совершает преступления, соответственно должностные лица, осуществляющие раскрытие и расследование преступлений сталкиваются с задачами, которые возможно разрешить с помощью специальных знаний специалиста. Пастухов П.С. отмечает, «что процесс совершения преступления стал еще более скрытый, недоступный для традиционного способа собирания доказательств. В настоящее время 90% информации циркулирует в компьютерных сетях» [1].

Цивилизованным и эффективным становится процесс собирания доказательств, так как он основан на достижениях науки и техники. В результате привлечения сведущих лиц повышается достоверность доказательств, что приводит к их объективизации.

Стоит отметить, что знания специалиста необходимы и используются как стороной обвинения, так и стороной защиты, так как последняя также заинтересована в предоставлении сведений, значимых для уголовного дела.

Участие специалиста в рамках уголовного судопроизводства возможно в соответствии со ст. 58 УПК РФ, которая расположена в главе 8 «Иные участники уголовного судопроизводства» [2]. Специалист относится к иным участникам процесса, так как является незаинтересованной стороной в уголовном судопроизводстве, а это значит, что он занимает независимое и самостоятельное положение в процессе. Привлечение специалиста в рамки уголовного судопроизводства возможно при наличии у специалиста соответствующей квалификации и компетенции.

В правоприменительной практике, адвокаты привлекают специалистов для оказания помощи, как при расследовании уголовных дел, так и в ходе судебного разбирательства. Чаще всего, это уголовные дела, связанные с расследованием преступлений, совершенных против жизни и здоровья, половых преступлений, в сфере компьютерной информации, дорожного движения и иных, совершение которых связано с использованием информационных технологий.

Как правильно на наш взгляд указал Божченко А.П. и Никитин И.М. «Право привлечения специалиста со стороны защиты является не столько возможностью для адвоката, сколько его прямой обязанностью» [3]. Нормативно, это закреплено в ряде документов.

Пункт 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» позволяет привлекать специалиста в рамки уголовного судопроизводства [4], а также ч. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката указывает на право привлечения специалиста со стороны защиты [5].

Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» внесены дополнения в положение ст. 159 УПК РФ, согласно которых «лицам, указанным в ч. 2.1 настоящей статьи [обвиняемому, его защитнику и пр.], не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов» [6].

Позиция данной нормы улучшила положение стороны защиты, так как предоставила возможность заявлять ходатайства о приобщении заключения специалиста и его непосредственный допрос. Однако, согласно практике, следователь по-прежнему отказывает стороне защиты в удовлетворении ходатайства о допросе специалиста и приобщении его заключения [7]. Связано это с тем, что приобщение возможно при условии значимости данных обстоятельств уголовного дела и подтверждением этих доказательств.

Таким образом, последнее слово в данной ситуации остается за должностным лицом, осуществляющим расследование уголовного дела. Признавать такие сведения доказательством по уголовному делу или не признавать, по уголовно-процессуальному законодательству предоставлено следователю. Такое, на первый взгляд, существенное дополнение в нормах УПК РФ не улучшило положение стороны защиты.

Адвокат вынужден выстраивать тактику защиты, которая по его мнению будет благоприятной для подзащитного. Есть ли целесообразность в предоставлении таких сведений следователю? Думается, что нет. Зачастую адвокат считает, что такие сведения необходимо предоставить в суд для их тщательной оценки, так как именно в суде первой инстанции существует больше шансов в признании их доказательством по делу, нежели в период расследования.

Иначе обстоит дело на этапе рассмотрения в судебном следствии. Согласно п. 4 ст. 271 УПК РФ «суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон» [2]. Многочисленные примеры практики указывают на то, что суд исследует показания специалиста, а также заключение специалиста в судебном заседании. Но вместе с тем, жестко подвергает сомнению их умозаключения и отвергает их выводы. Так, по уголовному делу в отношении Прокопьевой С.В., суд признал ее виновной и осудил за публичное оправдание и пропаганду терроризма, совершенные 7 и 8 ноября 2018 г. в г. Пскове с использованием информационно-телекоммуникационной сети (далее – ИТС) «Интернет». Не согласившись с предъявленным обвинением, сторона защиты предоставила в судебное заседание четыре заключения специалиста, которые подвергли критике заключение комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы. Суд, вынося решение по данному уголовному делу, указал на личную заинтересованность всех четверых специалистов [8].

По мнению автора, ходатайство о допросе специалиста и приобщении заключения специалиста в рамках обжалования приговора на стадии апелляционного и кассационного производства не оказывает решающего и доказательственного значения, и не изменит ситуации, так как у стороны защиты была реальная возможность исследовать данные сведения на более ранних стадиях уголовного судопроизводства. А с учетом формальности рассмотрения жалоб, у адвоката нет реальной возможности доказать какие-то иные факты. Но, это не значит, что адвокат должен быть пассивным. Все зависит от конкретной процессуальной ситуации. В практике есть

случаи, которые повлекли отмену решения суда ввиду его незаконности и необоснованности и направлении уголовного дела прокурора для устранения препятствий к его рассмотрению. Свидетельство этому уголовное дело, которое было рассмотрено в Приморском краевом суде, согласно которому вышестоящая инстанция пришла к выводу, что отсутствие у суда специальных знаний в области компьютерных технологий и специальных программ и оборудования для воспроизведения и просмотра видеофайлов не должно способствовать вынесению необоснованного решения. Суд первой инстанции в приговоре указал, что подсудимый представил заведомо пустой жесткий диск, что исключает появление в деле видеофайлов, содержащихся на флеш-карте, и отказал в его проверке сославшись на отсутствие технических возможностей [9].

На основании изложенного, необходимо сделать вывод о том, что в уголовно-процессуальное законодательство внесено существенное дополнение, касающиеся участия специалиста в рамках уголовного дела. Но, его смысловое значение и указание на значимость обстоятельств, не позволяет в полной мере стороне защиты реализовать свое право на участие специалиста в рамках уголовного судопроизводства, что приводит к нарушению прав обвиняемого/подзащитного при расследовании уголовного дела и его рассмотрении в суде.

Список литературы

1. Пастухов П.С. *Роль и значение специальных знаний в информационно-технологическом обеспечении уголовно-процессуального доказывания* // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 1. – С. 34.

2. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, от 18.01.2000. № 174 – ФЗ (в актуальной редакции)* // Российская газета. – 2000. – 22 декабря. – № 249.

3. Божченко А.П., Никитин И.М. *«Проблемы и трудности, связанные с реализацией в уголовном процессе права стороны защиты на содействие специалиста (сообщение III)»* // Медицинское право. – 2021. – № 3. – С. 17

4. *Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»* // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

5. *Кодекс профессиональной этики адвоката* // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2003. – № 2,3.

6. *Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»* //

Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 17. – Ст. 2455.

7. *Божченко А.П., Исмаилов М.Т., Никитин И.М. Состав преступления как фактор, определяющий подлежащие доказыванию обстоятельства, и предмет судебно-медицинской экспертизы по делам о правонарушениях медицинских работников // Медицинское право. – 2018. – № 2. – С. 7 – 11.*

8. *Кассационное определение от 6 июля 2021 г. № 222-УД21-22-А6 // СПС «КонсультантПлюс»*

9. *Апелляционное определение Приморского краевого суда от 28 февраля 2020 г. № 22-764/2020 // СПС «КонсультантПлюс».*

© Р.Т. Неклюдов, 2021

УДК: 343.61

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ

Николаенко Кирилл Анатольевич,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Серегина Елена Владимировна

к.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: *в статье анализируется понятие «серийные убийства», обосновывается, что изучение сущности данных общественно опасных деяний имеет как теоретическое, так и практическое значение. Формирование понятия «серийные убийства» относится к одной из проблем научно-методического обеспечения деятельности по их выявлению, расследованию и предупреждению. На основе анализа уже имеющихся в юридической литературе толкований данного термина сформулировано понятие «серийное убийство».*

Ключевые слова: *серийные преступления, серийные убийства, серийный убийца, понятие, преступления.*

THE CONCEPT AND SIGNS OF SERIAL MURDERS

Nikolaenko Kirill Anatolyevich,

Scientific adviser: Seregina Elena Vladimirovna

Abstract: *the article analyzes the concept of «serial murders», substantiates that the study of the essence of these socially dangerous acts has both theoretical and practical significance. The formation of the concept of «serial murders» refers to one of the problems of scientific and methodological support for their identification, investigation and prevention. Based on the analysis of the interpretations of this term already available in the legal literature, the concept of «serial murder» is formulated.*

Keywords: *serial crimes, serial murders, serial killer, concept, crimes.*

При подходе к выделению того или иного вида преступлений одним из важных принципов является разработка его определения, так как «в профессиональном, общетеоретическом и содержательном аспектах выработка определения... представляется особенно значимой, так как позволяет установить типичные для преступлений признаки, которые дают возможность отграничить их от иных, смежных деяний, четко очертить их круг и на этой основе разработать классификацию преступлений...» [1, с. 23].

Серийные преступления относятся к одному из самых опасных способов воплощения в жизнь социальной агрессии. Чаще всего жертвами подобных преступных посягательств становятся самые незащищенные члены общества, в том числе дети, женщины и пожилые люди. При этом в результате совершения злоумышленником серийных преступных посягательств общественно опасные последствия наступают не только для жертв и близких им людей, но и для всего общества [2, с. 34]. В структуре всей преступности уровень серийных преступлений относительно невелик. Вместе с тем точное установление количества серийных преступлений на определенной территории за конкретный период времени невозможно, прежде всего по причине отсутствия их понятия.

Особую общественную опасность представляют серийные убийства. Такие преступления сопряжены при своем совершении с особой жестокостью, издевательствами, мучениями, истязаниями, причинением физических страданий, терроризацией, в итоге они сводятся к единому признаку, унифицированному для указанных способов совершения преступления, – жестокости – одной из проявлений психических

расстройств [3, с. 270]. Психические расстройства проявляются в расстройствах психической деятельности, не достигших психотического уровня и не исключających вменяемости, но приводящих к личностным изменениям, а отсюда – к отклоняющемуся поведению. Аномалиями такого рода являются психопатия, олигофрения в степени дебильности, эпилепсия, шизофрения в состоянии ремиссии, остаточное явление черепно-мозговых травм, органическое заболевание головного мозга, сосудистое заболевание с психическими изменениями, хронический алкоголизм, наркомания и другие психические расстройства [4, с. 104].

Несмотря на то, что серийные убийства относятся к категории латентных, трудно раскрываемых и определение признаков серийности вызывает значительную сложность, можно предположить, что серийные убийства в структуре убийств занимают существенное место. Исследователи отмечают рост серийных убийств в мире и в России – ежегодно в нашей стране совершается до 15 серийных убийств, часть из которых остается не раскрытой [5, с. 109].

Изложенное дает основание считать актуальным исследование комплекса проблем теории и практики борьбы с серийными убийствами, связанных с формированием нового подхода в уголовно-правовом анализе понятия серийных убийств.

Понятие «серийные преступления» не закреплено в нормативных правовых актах, а в теории отсутствует единообразный подход к его толкованию. Одно из первых определений серийного преступления включало в себя большое количество жертв пострадавших от единичного неразрывного деяния, совершенного одним преступником в пределах короткого промежутка времени. Данное толкование признака «серийности» не давало ответа на вопрос о каком промежутке времени идет речь – о днях, неделях, месяцах или годах.

Термин «серийные убийства» появился в 70-е годы прошлого века в связи с расследованием ряда громких преступлений, совершенных в Нью-Йорке Д. Берковитцем. В России данное понятие стало употребляться в 90-х годах. Понятие «серийные преступления», «серийный убийства», «серийный убийца» фигурируют в официальных отчетах органов внутренних дел. Однако российскому законодательству данное понятие не известно. Проведенные в России и за рубежом исследования дает возможность увидеть многие, ранее казавшиеся необъяснимыми, глубоко запятанные корни, закономерные черты, характеристики этих преступлений. И, тем не менее, ясно далеко не все, феномен серийных убийц до конца еще не разгадан. Отсюда и различные

трактовки количественной и качественной сторон рассматриваемых преступлений, а также понимание феномена серийного убийцы.

Весь массив ныне существующих терминологических дефиниций «серийных убийств» следует условно подразделить на две части: 1) это дефиниции, данные с уголовно-правовых позиций; 2) дефиниции, данные с иных позиций. У одной группы авторов в качестве доминирующего выступает «количественный критерий», т.е. сколько эпизодов с убийствами должно по минимуму и максимуму входить в криминальную совокупность, чтобы последняя приобрела характер «серии»; у другой же группы авторов в качестве доминирующего выступает «качественный критерий», т.е. чем руководствуется преступник, совершая убийства. Имеется еще и третья группа дефиниций, несколько обособленная от первых двух в силу того, что часть исследователей анализирует определения не «серийных убийств», а либо «серийных сексуальных убийств», либо «сексуальных убийств». Подавляющее большинство ученых единогласно считают, что серийные убийства – это два или неохваченных одним умыслом факта лишения жизни человека, совершаемые разновременно одним и тем же лицом или группой лиц, являющиеся тождественными по причине схожести мотивов и однотипного механизма совершения.

Представляется, что для определения дефиниции «серийное убийство» необходимо выделить основные признаки, входящие в это понятие. Рассматривая отличительные особенности серийных убийств, О.Ю. Михайлова выделяет следующие существенные моменты: в серийных преступлениях «обнаруживается единство и патосексуальный характер мотивации отдельных эпизодов»; «основной целью преступника является иррациональное наказание жертв, те выступают как символы некоего явления, которое подлежит уничтожению»; «единство мотивации и деперсонализации жертвы определяют реализацию одного и того же стереотипа поведения в различных криминальных эпизодах серийных преступлений» [6, с. 11].

А.О. Бухановский сформулировал понятие в виде следующих положений: серийные убийства – разновидность многоэпизодных убийств, совершаемых в условиях неочевидности; серийные убийства не однородны по своему составу. Они включают в себя и такой вид, как серийные сексуальные убийства; серийные сексуальные убийства мотивационно столь же гетерогенны, сколь гетерогенны мотивы сексуального поведения вообще. С учетом этого указанный автор определяет серийные убийства как совершенное неоднократно преступление, характеризующееся

наличием специфического (часто патологического) криминального почерка виновного, что выражается в однотипности жертв, повторяемости криминальных ситуаций и мест совершения преступлений, однотипности и специфичности способов нападения, стереотипности, ритуальности агрессивного поведения [1, с. 34].

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить следующие признаки серийности: действия преступника на одном и том же участке местности; однотипность общественных мест (лифт, подъезд, парк и т.д.); аналогичный способ совершения преступлений, схожий характер причиненных потерпевшим телесных повреждений; характеристика потерпевших (возраст, пол, социальное положение и т.п.); тождество биологических следов преступника, используемого им оружия; схожий психологический портрет преступника [7, с. 461].

Серия (от лат. «series» – ряд) в толковых словарях означает группу или ряд предметов с одинаковыми признаками. Следовательно, под серийностью следует понимать совершение одним лицом, в разное время, тождественным способом, более двух однородных преступлений. Серийные убийства следует квалифицировать в соответствии с п. «а», «е», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Вместе с тем, необходимо учитывать, что серийные убийства могут характеризоваться и иными составами преступлений (например, ст. 205 УК РФ).

Итак, формирование понятия «серийные убийства» – одна из проблем научно-методического обеспечения деятельности по их выявлению, расследованию и предупреждению. В качестве серийных следует рассматривать совокупность (два и более) фактов противоправного лишения человека жизни, совершаемые с разрывом по времени и характеризующиеся: единством мотива и цели; совпадением данных о потерпевших; сходством характеристик мест, способов и обстановки совершения; другими значимыми обстоятельствами, на основании результатов исследования которых возможен вывод об их совершении одними и теми же лицам.

Список литературы

1. Бухановский А.О., Бухановская О.А. Психические расстройства у серийных сексуальных преступников. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЛРНИЦ «Феникс», 2003. – 72 с.
2. Серегина Е.В. Сложности уголовно-правовой оценки признаков преступлений, совершенных с особой жестокостью // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 5-2. – С. 269-272.

3. Серегина Е.В., Москалева Е.Н. Криминология: учебное пособие. – М.: РГУП, 2018. – 232 с.

4. Образцов В.А. Криминалистическая психология // В.А. Образцов, С.Н. Богомолова. – М., 2012. – 448 с.

5. Бухановский А.О. Серийные преступления: подходы к дефиниции // Материалы 2-й Международной научной конференции «Серийные убийства и социальная агрессия». – Ростов-на-Дону, 1998. – 934 с.

6. Михайлова Л.Ю. Психологическая диагностика личности серийных сексуальных преступников. – Ростов-на-Дону, 2001. – 228 с.

7. Шувалов М.Н., Шувалова А.М. Особенности планирования деятельности по раскрытию серийных убийств следственно-оперативной группой. Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 16 марта 2017 года) / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. – С. 461-465.

© К.А. Николаенко, 2021

УДК: 343.133.2

**ГЕНЕЗИС СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ
И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ЭТАПЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО**

Ольхова Любовь Геннадьевна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Цой Бронислав Алексеевич

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье исследуется история становления российском уголовно-процессуальном законодательстве института привлечения в качестве обвиняемого. Определяется, что на всех исторических этапах данный институт был важен для уголовного судопроизводства в связи с

необходимостью обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса со стороны обвинения и защиты.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, привлечение в качестве обвиняемого, нормы, этап.

UDC: 343.133.2

**GENESIS OF THE SYSTEM OF ENSURING THE RIGHTS
AND LEGAL INTERESTS OF THE PARTICIPANTS
IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS AT THE STAGE
OF INVOLVEMENT AS THE ACCUSED**

*Olkhova Lyubov Gennadevna,
Scientific adviser: Tsoi Bronislav Alekseevich*

Abstract: *The article examines the history of the formation of the Russian criminal procedural legislation of the institution of prosecution as an accused. It is determined that at all historical stages this institution was important for criminal proceedings due to the need to ensure the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings on the part of the prosecution and defense.*

Keywords: *criminal proceedings, involvement as an accused, norms, stage.*

Одним из институтов досудебной части уголовного судопроизводства, выступает привлечение лица в качестве обвиняемого, состоящий из совокупности уголовно-процессуальных норм (в настоящий момент данному институту посвящены ст.ст. 172-175 и др. УПК РФ). Для лучшего понимания сущности и содержания данного института необходимо исследовать историю его становления и развития.

Первым правовым актом является Русская Правда, которая не содержала норм о привлечении лица в качестве обвиняемого. Представляется, что отсутствие норм, регламентирующих данный институт, объяснялось частно-исковым характером уголовного процесса того времени: уголовное дело возбуждалось только на основании жалобы или челобитья потерпевшего, его семьи или рода.

Нормы о привлечении лица в качестве обвиняемого впервые появились в Новгородской и Псковской ссудных грамотах. Данные правовые источники содержали нормы, регулирующие порядок привлечения к уголовной ответственности за особо тяжкие преступления и привод обвиняемых; «при привлечении к ответственности за особо тяжкие преступления, учинённые в новгородских волостях, истец должен принести в присягу в подтверждение обвинения» [1]. Фактически эта

присяга послужила основанием для привлечения лица в качестве обвиняемого. Следует отметить, что до 1864 г. обвинитель и обвиняемые назывались истцами и пользовались равными правами в уголовном судопроизводстве.

Первая попытка выработать и включить в уголовно-процессуальное законодательство институт привлечения лица в качестве обвиняемого была предпринята в послереформенный период, после принятия 20 ноября 1864г. Устава уголовного судопроизводства.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. стал важным шагом в становлении института привлечения лица в качестве обвиняемого. Этот закон, во-первых, заложил основы для выделения в отдельный этап предварительного расследования привлечения в качестве обвиняемого, и, во-вторых, предусмотрел ряд процессуальных норм, которые впоследствии сформировали самостоятельный институт уголовно-процессуального права.

Следующий этап развития уголовно-процессуального закона, а, соответственно и института привлечения в качестве обвиняемого, был связан с изменением политической системы страны. Пришедшие к власти политические силы упразднили правоохранительные и судебные органы, действовавшие до 1917 г., а также запретили применять нормы законодательства, действовавшие в царской и имперской России, что противоречило правовому сознанию Советской власти.

В период с 1917 по 1922 г.г. привлечение в качестве обвиняемого как самостоятельный этап стадии предварительного расследования не получил развития в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако в нормативных правовых актах того времени были отдельные положения, в которых упоминались обвиняемый и привлечение в качестве обвиняемого как таковые. Так, в пункте 9 Положения о революционных трибунах от 12 апреля 1919 г. отмечалось, что постановления следственных комиссий об арестах, выемках, освобождении арестованных и привлечении новых лиц в качестве обвиняемых, проводятся в порядке существующих постановлений через действующий орган» [2]. Аналогичные нормы содержались и в других нормативных правовых актах того времени.

Важным шагом на пути к совершенствованию института привлечения в качестве обвиняемого явилось принятие первого после революции УПК РСФСР 1922 г., который во втором разделе содержал особую главу XI «Предъявление обвинения и допрос» (ст.ст. 128-145). В нем законодатель определил основания и процессуальный порядок предъявления обвинения,

содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого, условия вызова на допрос и порядок допроса обвиняемого, порядок определения возраста обвиняемого и отстранения его от должности, а также его обыска. Помимо этой главы, другими нормами были закреплены положения, касающиеся привлечения в качестве обвиняемого и его прав

В УПК РСФСР 1922 г. привлечение в качестве обвиняемого приобрело большое значение для расследования уголовного дела и судебного разбирательства. Итак, согласно ст. 111, «следователь, если признает поступивший к нему материал дознания достаточно полным и дело достаточно разъясненным, вправе не производить предварительного следствия или же ограничиться производством отдельных следственных действий. При этом следователь обязан выполнять следующие следственные действия, которые, во всяком случае, являются обязательными: 1) предъявление обвинения обвиняемому; 2) допрос обвиняемого, и 3) составление обвинительного заключения» [3].

Основанием для привлечения в качестве обвиняемого было «наличие достаточных данных» (ст. 131 УПК РСФСР 1922 г.). При этом следователь, проводивший расследование уголовного дела, самостоятельно определял, достаточно ли данных для привлечения в качестве обвиняемого. После определения «достаточности данных» следователь должен был составить мотивированное решение и в течение 48 часов предъявить обвинение обвиняемому (ст. 131 УПК РСФСР). После предъявления обвинения следователь должен был допросить обвиняемого в течение 24 часов (ст. 137 УПК РСФСР). После допроса обвиняемого следователь «следователь отбирает подписку о явке к следствию и суду и обязательство сообщать о перемене своего местожительства. Сверх того, следователь праве принять в отношении обвиняемого, меры пресечения уклонения от суда и следствия» (ст. 146 УПК РСФСР) [4]. Таким образом, кодекс оговаривал, что к обвиняемому применяется мера пресечения и только в исключительных случаях может применяться к подозреваемому. При этом было установлено, что если к подозреваемому была применена мера пресечения, то в течение 14 дней ему должно было быть предъявлено обвинение (ст. 148 УПК РСФСР).

Принятие УПК РСФСР 1922 г. имело большое значение для уголовного процесса советского периода. Кодекс закрепил порядок привлечения в качестве обвиняемого как важную часть уголовного судопроизводства. Однако в этом законе были и существенные недостатки. Одним из них было отсутствие понятий «подозреваемый» и «обвиняемый», что создало проблему определения прав этих участников

уголовного процесса: обвиняемый упоминался только как «сторона» (п. 6 ст. 25 УПК РСФСР 1922 г.). Кроме того, к недостаткам следует отнести отсутствие норм, регулирующих порядок изменения и дополнения обвинения, хотя в законодательстве были положения об отказе прокурора от обвинения в суде (ст. 310 УПК РСФСР 1922 г.). УПК РСФСР 1922 г. не предусматривал участие защитника в ходе предварительного следствия, что серьезно нарушало право обвиняемого на защиту.

Впоследствии в УПК РСФСР 1923 г. были внесены различные изменения. Это было связано с образованием СССР и принятием Конституции СССР в 1924 г., а также вступлением в силу Основ уголовного судопроизводства Советского Союза и союзных республик. Однако эти изменения практически не коснулись института привлечения в качестве обвиняемого.

Следующий важный этап в развитии рассматриваемого института связан с принятием в 1958 г. «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. Примечательно, что многие положения Кодекса 1960 г. легли в основу привлечения в качестве обвиняемого и действуют до настоящего времени.

Нормы о привлечении в качестве обвиняемого структурно были закреплены в главе XI УПК РСФСР 1960 г. «Предъявление обвинения и допрос обвиняемого». Согласно ст. 143 «При наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления, следователь выносит мотивированное постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого» [5]. Стоит отметить, что данное положение стало новеллой, поскольку ранее действовавшие нормативные правовые акты говорили о «достаточности данных».

Большое значение в УПК РСФСР 1960 г. имело установление понятия «обвиняемый», под которым, согласно абз. 1 ст. 46 понималось «лицо, в отношении которого в установленном настоящим Кодексом порядке вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого» [5]. Помимо четкого определения понятия обвиняемый, это положение также было важно для установления момента, когда лицо приобретает статус обвиняемого. Таким образом, он считался обвиняемым при вынесении постановления о возбуждении уголовного дела как такового. Другими словами, был установлен момент в рамках уголовного судопроизводства, с которого должны были быть обеспечены права обвиняемого.

Порядок привлечения в качестве обвиняемого регулировался, как и в предыдущих кодексах, гл. XI. В целом порядок привлечения в качестве

обвиняемого по УПК РСФСР 1960 г. остался таким же, как и в прежних кодексах, но с некоторыми отличиями.

В последующие годы развитие уголовно-процессуального законодательства было связано с приведением УПК РСФСР 1960 г. в соответствие с положениями Концепции судебной реформы в РСФСР, принятой Постановлением Верховного Совета РСФСР. Стоит отметить, что основные положения данной Концепции не были реализованы, и вступившие в силу изменения не коснулись институт привлечения в качестве обвиняемого.

Концепция легла в основу УПК РФ, принятого в 2001 г., где институт привлечения в качестве обвиняемого претерпел ряд изменений. Так, Г.П. Химичева, О.В. Химичева, О.В. Мичурина отмечают, что процессуальный порядок привлечения в качестве обвиняемого в УПК РФ остался прежним, что и в УПК РСФСР 1960 г., за некоторыми исключениями: а) выносится постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого; б) срок предъявления обвинения увеличился с 2 суток (ст. 148 УПК РСФСР 1960 г.) до 3 суток (ч. 1 ст. 172 УПК РФ); в) повторный допрос обвиняемого по тому же обвинению в случае его отказа от дачи показаний при первом допросе может проводиться только по просьбе самого обвиняемого (ч. 4 ст. 173 УПК РФ); г) при производстве дознания обвинительный акт является формой предъявления обвинения (ст. 225 УПК РФ)» [6, с. 92].

Конечно, эти изменения важны, но были внесены и другие нововведения. Так, название главы было изменено – «Привлечение в качестве обвиняемого. Предъявление обвинения» (гл. 23 УПК РФ). Это изменение закрепило понятие привлечение в качестве обвиняемого как более широкое относительно предъявления обвинения. Глава 23 УПК РФ устанавливает четкую структуру привлечения в качестве обвиняемого, из которой исключены обеспечительные меры: привод и розыск обвиняемого, участие защитника при привлечении в качестве обвиняемого. На наш взгляд, такие изменения оправданы, поскольку эти положения носят общий характер, закреплены в других нормах УПК РФ и их повторение в этой главе нецелесообразно.

Таким образом, исследование развития института привлечения в качестве обвиняемого показало, что на всех исторических этапах он был важен для уголовного судопроизводства в связи с необходимостью обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса со стороны обвинения и защиты.

Несмотря на то, что данный институт является одним из самых

устойчивых в уголовно-процессуальном праве и менее всего подвержен изменениям и дополнениям, тем не менее, основной тенденцией его развития является постепенное расширение процессуальных гарантий прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В своем развитии институт привлечение лица в качестве обвиняемого прошел следующие основные этапы:

- дореформенный этап (до реформы 1864 г.);
- послереформенный этап (с 1864 г. по 1917 г.);
- советский период этап (с 1917 г. по 1990 г.);
- современный этап (с 1990 г. по настоящее время).

Список литературы

1. Новгородская Судная грамота. 1440-1471 гг. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://xn--e1aaejтeпocxq.xn--plai/node/13624> (дата обращения: 13.02.2021 г.)

2. Положение о революционных трибунах от 12 апреля 1919 г. (утратил силу) // СПС «Консультант Плюс»

3. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») (утратил силу) // СУ РСФСР. – 1922. – № 20 – 21. – Ст. 230.

4. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») (утратил силу) // СУ РСФСР. – 1922. – № 20 – 21. Ст. 230.

5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу) // Свод законов РСФСР. – Т. 8. – С. 613.

6. Химичева Г.П., Химичева О.В., Мичурина О.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: Учеб. пособие для вузов / Под. ред. Г.П. Химичевой – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – 579 с.

© Л.Г. Ольхова, 2021

УДК: 343.13

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ИСТОЧНИК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА»

Пейливанидис Спиридон Анастасович,

Магистрант 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:
Шипшин Сергей Сергеевич
к.псих.н., доцент кафедры уголовно-процессуального права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: статья посвящена исследованию понятия источников уголовно-процессуального права. Приводятся мнения ученых-процессуалистов на понятие источников уголовно-процессуального права. Отмечается, что данный вопрос является дискуссионным в науке уголовно-процессуального права. На основании анализа приведенных мнений учёных и с учетом положений действующего уголовно-процессуального законодательства, предлагается авторское понятие источника уголовно-процессуального права, а также содержание системы источников данной отрасли права.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, источник, уголовное судопроизводство, закон.

UDC: 343.13

**TO THE QUESTION ABOUT THE CONCEPT OF
"SOURCE OF CRIMINAL PROCEDURAL LAW"**

Peylivanidis Spiridon Anastasovich,
Scientific adviser: Shipshin Sergey Sergeevich

Abstract: the article is devoted to the study of the concept of sources of criminal procedure law. The opinions of scientists-proceduralists on the concept of sources of criminal procedural law are given. It is noted that this issue is debatable in the science of criminal procedure law. Based on the analysis of the above opinions of scientists and taking into account the provisions of the current criminal procedural legislation, the author's concept of the source of criminal procedural law is proposed, as well as the content of the system of sources of this branch of law.

Keywords: criminal procedural law, source, criminal proceedings, law.

Одной из отличительных черт любой отрасли права, являются ее источники. Для большинства отраслей российского права характерна разработка понятия ее источников. Однако, этого нельзя сказать об источниках уголовно-процессуального права. На сегодняшний день, в науке уголовного процесса данный вопрос относится к категории дискуссионных, т.к. среди ученых-процессуалистов не сложилось единого

представления о понятии и видах источников данной отрасли права.

Согласно ст. 1 действующего УПК РФ: «Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство» [1]. Если обратиться к ранее действовавшему УПК РСФСР, то согласно ст. 1 «порядок производства по уголовным делам на территории РСФСР определяется Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и издаваемыми в соответствии с ними другими законами Союза ССР и Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР» [2]. То есть ранее, в качестве источников уголовно-процессуального права признавался только закон; действующее же уголовно-процессуальное законодательство расширило данный перечень, дополнив общеизвестными принципами и нормами международного права.

Если обратиться к теории уголовно-процессуального права, то можно увидеть, что категория «источник уголовно-процессуального права», учеными трактуется по-разному.

Так, Л.Б. Алексеева, рассматривает только законы как источник уголовно-процессуального права, аргументируя это тем, что «уголовно-процессуальные нормы имеют особое значение, а уголовно-процессуальные отношения затрагивают «важные интересы как общества в целом, так и отдельных лиц» [3, с. 14].

П.С. Элькинд считает, что нормы права и источники права – это не одно и то же. По ее мнению, «нормы уголовно-процессуального права являются общими и общеобязательными правилами поведения для участников уголовного процесса, а источники – формой юридического закрепления и выражения этих правил поведения» [4, с. 56].

В.П. Божьев под источниками уголовно-процессуального права понимает: «те, нормативные правовые акты, которые регулируют уголовно-процессуальные отношения» [5, с. 38]. При этом ученый отмечает, что «в отличие от многих других областей общественных отношений сфера уголовного судопроизводства регулируется только законом» [5, с. 38].

По мнению А.В. Гриненко и О.В. Химичевой источники уголовно-процессуального права – «это нормативные правовые акты, принятые на уровне не ниже федерального законодательства, которые являются

носителями уголовно-процессуальных норм» [6, с. 56].

Г.М. Резник определяет источники уголовно-процессуального права – как «нормативные правовые акты, в которых содержатся нормы, регулирующие общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства» [7, с. 33].

По мнению Л.В. Головки, «в целом под источниками уголовно-процессуального права следует понимать официальные формы выражения и закрепления правовых норм, регламентирующих порядок уголовного судопроизводства» [8, с. 131].

Ряд авторов высказывают прогрессивные суждения об источниках уголовно-процессуального права, включая в их содержание подзаконные акты, судебную и следственную практику, правовые обычаи, прецеденты, традиции. В частности, В.Г. Даев к источникам уголовно-процессуального права причисляет «акты толкования действующего законодательства» [9, с. 78]. В.В. Вандышев и А.В. Смирнов считают источником уголовно-процессуального права, помимо закона, судебную практику и правовой обычай» [10, с. 135]. А.В. Гриненко к источникам также относит «судебную, прокурорскую и следственную практики» [11, с. 47].

Все вышеперечисленные точки зрения заслуживают самого пристального внимания, поскольку наглядно демонстрируют глубину и неоднозначность проблемы выделения источников уголовно-процессуального права.

Таким образом, под источником уголовно-процессуального права следует понимать внешние формы выражения уголовно-процессуальных норм, складывающиеся в процессе осуществления уголовного судопроизводства и закрепленные органами государственной власти при исполнении ими своих функций в законодательной, исполнительной и судебной сферах, а также в практике международного сотрудничества в области уголовного правосудия и защиты прав человека и гражданина.

Представляется, что современная система источников уголовно-процессуального права может быть представлена следующей иерархией:

- Конституция РФ;
- общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры;
- УПК РФ и иные федеральные законы, в том числе и федеральные конституционные, регулирующие уголовно-процессуальные отношения;
- подзаконные нормативные акты;
- судебная практика в виде решений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
  2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
  3. Советский уголовный процесс / Под ред. Н.С. Алексеева и В.З. Лукашевича. – Л., 1989. – 567 с.
  4. Элькин, П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. – М., 1967. 256 с.
  5. Уголовный процесс: учебник для вузов / Под ред. В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2021. – 672 с.
  6. Уголовный процесс. Практикум: учебное пособие для вузов / Под ред. А.В. Гриненко, О.В. Химичевой. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2021. 351 с.
  7. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов / Под ред. Г. М. Резника. 3-е изд., перераб и доп. – М.: Юрайт, 2021. – 578 с.
  8. Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 378 с.
  9. Даев, В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. – Л., 1982. – 179 с.
  10. Уголовный процесс. Курс лекций. – СПб.: Питер, 2016. – 471 с.
  11. Гриненко, А. В. Система источников уголовно-процессуального права // Уголовно-процессуальное право: понятие, содержание, источники: Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Д. С. Карева. – М., 2006. – 376 с.
- © С.А. Пейливанидис, 2021

УДК: 343.3/7

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Потапова Диана Андреевна,
Магистрант 2 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:
Фоменко Ирина Владимировна
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: статья посвящена проблемам квалификации посредничества во взяточничестве, вызванным несовершенством действующего уголовного законодательства. Изучены некоторые проблемные вопросы квалификации данного преступления, внесены предложения по совершенствованию уголовного законодательства в части уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве.

Ключевые слова: взятка, посредничество во взяточничестве, взяткодатель, посредник, взяткополучатель.

UDC: 343.3/7

MEDIATION IN BRIBERY

Potapova Diana Andreevna,
Scientific adviser: Fomenko Irina Vladimirovna

Abstract: *The article is devoted to the problems of qualification of mediation in bribery caused by the imperfection of the current criminal legislation. Some problematic issues of the qualification of this crime have been studied, proposals have been made to improve criminal legislation in terms of criminal liability for mediation in bribery.*

Keywords: *bribe, intermediation in bribery, the briber, the mediator, the bribe-taker.*

Согласно части 1 статьи 291.1 УК РФ, посредничество во взяточничестве определяется как процесс передачи взятки по поручению лица, ее дающего или принимающего, а также любое содействие осуществлению вышеуказанного преступления. Можно выделить два вида посредничества во взяточничестве. Первый – непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя и второй – иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении, либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки.

При более детальном рассмотрении вышеописанного процесса, можно прийти к выводу, что к его реализации можно отнести следующие действия:

а) непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя;

б) иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки [1, с. 650]. Оно может выражаться в разнообразных действиях, способствующих осуществлению договоренности сторон на совершение конкретного деяния (действий либо бездействия) взяткополучателем в интересах взяткодателя, а со стороны взяткодателя – действий по передаче предмета взятки взяткополучателю.

Комментируя данную статью, К.В. Чашин и К.В. Ображиев в своих работах отмечают, что оба варианта предполагают посредничество в получении и передаче взятки. Их отличие заключается лишь в том, что содействие совершению получения и передачи взятки представляет собой интеллектуальное посредничество, а прямая передача взятки является посредничеством физического характера [2, с. 58]. Таким образом, осуществление самого процесса передачи взятки можно также отнести к содействию. Однако, содействие в осуществлении соглашения на получение или передачу взятки, само по себе, считается самостоятельным альтернативным преступным деянием.

Наряду с этим, профессор юридических наук П.С. Яни, рассматривая в своих работах данную проблему, утверждает, что «деление видов посредничества на виды требуется снабжать соответствующей оговоркой – это не два отдельных друг от друга вида криминального поведения» [3, с. 27]. Иными словами, он не поддерживает разделение преступления на альтернативные способы его осуществления, расценивая прямой процесс передачи взятки как способ проявления пособничества. Если же анализировать непосредственно прописанные в законодательстве акты, как отдельные друг от друга, с учетом их особенностей и присущих каждому из них конкретных характеристик, то непосредственная передача взятки представляет собой чисто техническую функцию по перемещению предмета взятки от одного лица к другому. При этом под предметом взятки можно расценивать только те объекты, которые имеют материальную ценность. П.С. Яни в свою очередь пишет о том, что передача прав на имущество, а также оказание услуг не подпадают под категорию предмета взятки.

К спорным вопросам квалификации следует отнести вопрос о наличии двух посредников (исполнителей) в совершении преступления. В частности, стоит обратить внимание на наличие признаков состава преступления, если предмет взятки передается непосредственно не

должностным лицам, а, например, представителю должностного лица, но действующему в интересах этого должностного лица. С позиции закона непосредственность в данном случае отсутствует, но совершенное виновными все равно возможно квалифицировать по ст. 291.1 УК РФ, так как диспозиция статьи охватывает и иные действия по способствованию взяткодателю (взякополучателю) в достижении или реализации соглашения между ними. Отсюда очевидно, что законодатель, определил одно из действий при посредничестве четко (первый вид посредничества), но перечень иных действий оставил открытым. А потому любое деяние, направленное на достижение или реализацию соглашения о даче или получении взятки, охватывает посредничество во взяточничестве. Этим правилом стоит руководствоваться и при квалификации передачи посредником имущества и имущественных прав родным и близким должностного лица [4, с. 321].

Российский ученый-юрист Б.В. Волженкин, утверждает, что «посредник, действующий со стороны взяткодателя, привлеченный им к участию в совершении преступления, может передавать предмет взятки непосредственно самому получателю взятки или посреднику, действующему со стороны взякополучателя» [5, с. 86]. Это говорит о том, что к процессу прямой передачи взятки относится не только взаимодействие с лицом, непосредственно принимающим или передающим, но и содействие посредникам, замешанным в преступлении.

Под способствованием осуществлению процесса получения или передачи взятки понимаются такие деяния, как:

- склонение со стороны лица, совершающего дачу взятки к ее получению;
- способствование контакту, встречам лиц, являющихся потенциальным взякополучателем и взяткодателем с целью последующего осуществления коррупционного деяния;
- помощь в проведении и организации переговоров между сторонами совершения преступления с целью выяснения условий, необходимых для процесса передачи взятки);
- принуждение к получению или передаче взятки, осуществляемое по поручению руководства, стороннего лица и т. д.

Так, Пролетарский районный суд г. Ростова-на-Дону признал виновным в посредничестве во взяточничестве Карнацкого П.П. Его действия как посредника, как следует из приговора, заключались в непосредственной передаче взятки по поручению взякополучателя и ином способствовании взяткодателю и взякополучателю в достижении либо

реализации соглашения между ними о получении и даче взятки, совершенное в особо крупном размере. По обстоятельствам дела, знакомый Карнацкого П.П. занимая должность следователя отделения по расследованию бандитизма, преступлений, совершенных организованными преступными группами, в сфере незаконного оборота наркотиков и оружия, следственной части (на правах отдела) следственного управления Управления МВД России по г. Ростову-на-Дону, с 08.02.2016 года исполняя обязанности начальника указанного отделения, а с 01.04.2016 года, занимая должность начальника указанного отделения, имея специальное звание подполковник юстиции, являясь должностным лицом, постоянно осуществляющим функции представителя власти в государственном органе, наделенным в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, при проведении процессуальной проверки по находящемуся в его производстве материалу проверки № за 2015 год по сообщениям о преступлениях – заявлениям директора ООО «Прогресс», учредителя ООО «Прогресс» и заместителя главы Администрации г.Ростова-на-Дону о совершении гражданином преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 1 ст. 201, ст. 196 УК РФ, решил получить при посредничестве адвоката Адвокатской палаты Ростовской области Карнацкого П.П., взятку в виде денег в особо крупном размере за совершение в пользу взяткодателя действий, входящих в его служебные полномочия, а именно: вынесение по результатам проверки указанных сообщений о преступлениях постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении взяткодателя. по основанию, предусмотренному п.2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием в деянии составов указанных преступлений [6].

Как было отмечено ранее, в качестве преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, также можно расценить оказание помощи лицу, дающему или получающему взятку. Однако же на деле, это не единственный способ проявления содействия. Кроме прямой передачи предмета взятки, к содействию ее передачи и получения относится совершение следующих действий:

- предоставление должностному лицу имущественных услуг, которые могут быть расценены как предмет взятки;
- оказание содействия в процессе передачи взятки;
- незаконное предоставление документов и прав на имущество, являющееся предметом взятки;

– передача банковских реквизитов должностного лица взяткодателю или открытие банковского счета для получения взятки, и т.д.

В трудах П.С. Яни также ведется речь о том, что о способствовании процессу получения и передачи взятки, а также посредничестве в совершении преступления можно говорить тогда, когда взятка передается не через материальные объекты, а через оказание услуг различного характера, таких как, например, оплата строительства дома или возмещение банковских или иных долгов должностного лица с целью удовлетворения потребностей личного или профессионального характера взяткодателя.

Проблемы в понимании данного способа вызваны тем, что возмещение долгов вместо должностного лица по факту не представляет из себя состава посредничества, а также не имеет никаких формальных признаков, свойственным соучастию в процессе получения и передачи взятки. Более того, несмотря на то, что кредитор принимает непосредственное участие в процессе приема и передачи денежных средств, его деятельность не считается преступлением. Он не взаимодействует напрямую со сторонами сделки, что снимает с него ответственность и делает его пассивным приобретателем денежных средств, а не лицом, принимающим активное участие в процессе передачи взятки.

Из этого следует, что толкование данного законодательного акта бывает весьма проблематичным ввиду относительно размытой формулировки посредничества. Так, в УК РФ отмечается, что пособничеством во взятке может являться любое действие, которое имеет прямое или косвенное отношение к коррупционной сделке, вплоть до:

- предоставления любой информации касательно сделки;
- дачи советов, которые могут помочь в осуществлении процесса передачи и получения взятки;
- отказа в препятствовании взяточничеству;
- предоставления предметов взятки;
- взятия на хранение денежных средств, предназначенных для передачи взятки;
- отказа предоставления известной информации касательно предстоящей или осуществившейся коррупционной сделки, и т.д.

Пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» предусматривает, что «действия лиц, не обладающих признаками специального субъекта, предусмотренными

статьей 290 или статьей 204 УК РФ, участвующих в получении взятки или предмета коммерческого подкупа группой лиц по предварительному сговору, квалифицируются соответственно как посредничество во взяточничестве (статья 291.1 УК РФ) или соучастие в коммерческом подкупе (статья 204 УК РФ со ссылкой на статью 33 УК РФ)» [7]. Исходя из данного факта мы можем сделать вывод, что уголовной ответственности как посредники могут подлежать даже те лица, действия которых, по большому счету, не представляли из себя непосредственно процесс получения взятки на законодательном уровне.

Данный подход подвергается критике в трудах Б.В. Волженкина. Он рассуждал об отличиях между определениями посредничеству, пособничеству и подстрекательству, утверждая о том, что два последних термина могут иметь отношение только к одной из сторон сделки. Анализируя его работы, можно также отметить, что посредничество представляет собой взаимосвязь, как с лицом, получающим взятку, так и с тем, кто ее передает, что, в свою очередь, удваивает степень ответственности за совершенное преступление. Тем самым Волженкин Б.В. подвергает строгой критике подход, согласно которому под посредничеством взяточничеству понимается процесс оказания содействия в получении или передачи предмета взятки посредством осуществления контакта как минимум с одной из сторон сделки. Он считает совершенно обоснованным закрепление в Уголовном Кодексе посредничества во взяточничестве в качестве отдельного состава преступления ввиду того, что оно предполагает оказание поддержки в совершении преступления обоим участникам сделки. То есть, согласно вышеизложенному утверждению, нельзя считать посредником во взяточничестве лицо, так или иначе оказывающее поддержку только одной из сторон коррупционной схемы. В этом случае его действия можно расценивать исключительно как пособничество, что не является уголовно наказуемым деянием, несмотря на споры в юридических кругах по поводу верной трактовки формулировок.

Таким образом, ввиду того, что процесс дачи и получения взятки представляют собой два разных преступных деяния, можно сделать вывод, что посредник способствует как осуществлению интересов лица, ее получающего, так и помогает процессу передачи взятки. Однако в законодательстве содержатся нюансы, согласно которым некоторые действия не подпадают под категорию посредничества, а именно:

– сокрытие потенциального или уже свершившегося факта получения или передачи взятки;

- передача в долг предметов взятки;
- хранение материальных ценностей с целью осуществления коррупционной сделки;
- иные действия, которые затрагивают только одну из сторон.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 291.1 УК РФ в качестве посредничества рассматриваются такие деяния, как «способствование взяткодателю и (или) взятополучателю ...». Именно данное определение подвергается критике и вызывает большое количество затруднений в процессе объективного толкования взяточничества. Оно указывает на то, что посредничество может заключаться во взаимодействии с одной из сторон сделки, однако данный подход не позволяет провести различия между посредничеством и соучастием, что в свою очередь, препятствует верной интерпретации уголовно-правового запрета, установленного в ст. 291.1 УК РФ.

На основе проведенного исследования можно заключить, что для урегулирования сложившейся проблемы и облегчения толкования закона необходимо вывести из диспозиции ч. 1 ст. 291.1 УК РФ союз «или» в словосочетании «способствование взяткодателю и (или) взятополучателю», что даст возможность внести конкретику и сделать акцент на то, что посредничество представляет собой двусторонний характер, а также внести коррективы в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Список литературы

1. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юриспруденция, 2015. С. 650.*

2. *Ображиев К.В. Объективная сторона посредничества во взяточничестве: проблемы интерпретации и уголовно-правовой оценки // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики.- 2018. – № 1. – С. 56-60.*

3. *Яни П.С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. – 2013. – № 2. – С.24-29.*

4. *Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (Принят 17.12.1979 Резолюцией 34/169 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и*

свобод человека. Сборник документов.- М.: Юридическая литература, 1990. – С. 319-325.

5. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М.: Юрист, 2000. – С. 86.

6. Приговор Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 14.12.2017 г. по делу № 1-440/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud-praktika.ru/precedent/545528.html> (20.10.2021)

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета – Федеральный выпуск № 154(6130).

© Д.А. Потапова, 2021

УДК: 330

**ПРАВО ОБВИНЯЕМОГО НА УЧАСТИЕ
В РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ**

Проскура Елизавета Владимировна,

Магистрант 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Полтавцева Лариса Ивановна

д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: статья посвящена вопросу права обвиняемого на участие в рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей. Увеличение количества рассматриваемых присяжными дел сделает суд присяжных реально действующим и позволит сохранить уже достигнутый уровень процессуальных гарантий реализации конституционного права обвиняемых граждан.

Ключевые слова: суд присяжных, право обвиняемого, присяжные заседатели, уголовное дело, справедливость решения, оправдательный приговор.

**THE RIGHT OF THE ACCUSED TO PARTICIPATE
IN THE CONSIDERATION OF A CRIMINAL CASE WITH
THE PARTICIPATION OF JURIED MEETINGS**

Proskura Elizaveta Vladimirovna

Scientific adviser: Poltavstseva Larisa Ivanovna

***Abstract:** the article is devoted to the issue of the right of the accused to participate in the consideration of a criminal case with the participation of jurors. An increase in the number of cases considered by the jury will make the jury trial really effective and will preserve the already achieved level of procedural guarantees for the implementation of the constitutional right of accused citizens.*

***Keywords:** jury trial, the right of the accused, jurors, criminal case, justice of the decision, acquittal.*

В настоящее время показатель оправдательных приговоров судом присяжных около четверти из общего числа, что не мало, но и отмена их велика – порядка 80 % по итогам приговоров 2020 года [1]. Следует отметить, что отмене подвергаются не только обвинительные, но и оправдательные приговоры, вынесенные судом с участием присяжных заседателей.

В рамках рассмотрения данной темы рассмотрим такой аспект, как «право обвиняемого на выбор рассмотрения дела судом присяжных заседателей». Известно, что в царской России судом с участием присяжных заседателей рассматривались все уголовные дела, отнесенные к особо опасным преступлениям. Рассматривались они указанным составом суда вне зависимости от волеизъявления на то обвиняемого.

В эпоху 21 века не все дела могут быть рассмотрены с участием присяжных заседателей, поэтому одной из наиболее актуальных задач современности суда присяжных – является преодоление того невероятного разрыва, который существует между судебной системы обвиняемые ждут своего оправдания с точки зрения общества, нравственности и морали. Нередки случаи, когда обвиняемые не согласны с вынесенным приговором суда. Общеизвестно, что суд критикуется обвиняемыми и правозащитниками за очень строгие наказания для обвиняемых [2].

Сегодня, согласно п.1 ч.5 ст.217 УПК РФ, обвиняемый имеет право на ходатайство о рассмотрении дела судом присяжных при выполнении условий п. 2 и 2.1 ч.2 ст.30 УПК РФ, где перечислены составы суда по

уголовным делам. Конституция Российской Федерации гарантирует всем равенство перед законом и судом (ст.19), проводя аналогию на уголовное судопроизводство можно сделать вывод, что права обвиняемого должны быть соблюдены. Кроме того, согласно вышеуказанным положениям, обвиняемый не только в праве заявлять ходатайство о рассмотрении дела с участием суда присяжных, но и выбрать суд, который будет разрешать дело, по существу.

Чего ждет обвиняемый от суда любой инстанции? Справедливости. Согласно словарю В.И. Даля, справедливость – это «правда, правосудие». Но нельзя не согласиться с теми многочисленными учеными, которые указывают на оценочную составляющую понятия справедливости. Что справедливо, по мнению потерпевшего, может быть неприемлемо, а значит – несправедливо, для обвиняемого, и наоборот. Конфликт интересов противоборствующих сторон неизбежен.

Законодатель, что тогда, в 19 веке, что сейчас, вводя суд присяжных заседателей, давал обществу право на участие в отправлении правосудия. Как законодатель понимал, что общество имеет такой запрос, желает получить данное право? Ведь если дать субъекту право, реализацию которого он не желает, это право будет «мертвым», невостребованным, а значит – не будет использоваться. Раньше – это были прошения, собрания, сейчас, помимо указанных способов – это привлечение СМИ. Оглашение обстоятельств уголовных дел, дабы привлечь общественность для соблюдения справедливости в разрешении этого дела, происходит не так и редко, (дело губернатора Сергея Фургала [3], обвиненного в заказных убийствах, на защиту которого встало большинство жителей региона и дело журналиста Ивана Голунова [4], обвиненного в хранении и попытке сбыта наркотиков).

Стоит отметить, что не все дела, побудившие в обществе широкий резонанс, рассматриваются в суде присяжных, и даже те, что рассматриваются таким судом, не всегда имеют тот исход, который ждет обвиняемый. Это может быть связано, как с тем, что СМИ освещают не все обстоятельства, так и с тем, что в глазах общественности уголовно-наказуемые действия обвиняемого перекрываются его последующими противоправными действиями.

Заметим, что на сегодняшний день суд присяжных рассматривает примерно 0,05% от общего числа уголовных дел, в среднем по 500 уголовных дел в год. Современный суд присяжных существует при значительной оппозиции оправдательным вердиктам, которые он выносит, и со стороны судейского сообщества [5, с.108].

В рамках судебного заседания по конкретному делу полномочия жюри заключаются в решении многих ключевых вопросов в отношении судьбы обвиняемого. В частности, присяжные должны определять, совершило ли лицо предопределенное преступление на основании обстоятельств дела. Присяжные задают определенные вопросы обвиняемому. Также им важно решать, следует ли дать ему снисхождение. Мы считаем, данное исследование психологических аспектов юридических процедур с участием присяжных заседателей особенно важными для обвиняемого.

Так, наиболее наглядными являются данные, сформированные Верховным Судом РФ. В соответствии с ними, в 2020 году из числа обвиняемых, чьи дела разрешались при участии коллегии присяжных, оправдано было около 10%. Всего в 2018 году присяжные рассмотрели 282 уголовных дела в отношении почти 500 человек, из которых 446 были осуждены, а 52 – оправданы. В отношении 18 оправданных (35% от их общего количества) приговоры потом отменила апелляционная инстанция. Лишь небольшое количество обвинительных приговоров, вынесенных с участием присяжных заседателей, было отменено в апелляционной инстанции – их процент составляет 6,3%. Это показывает, что присяжные разрешают многие дела и обычно суд не отменяет такие вердикты [6].

Рассмотрим некоторые из факторов, влияющих на мнение обвиняемого при подаче ходатайства о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей (п. 1 ч. 5 ст. 217, ч. 3 ст. 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) и способы противодействия им стороны государственного обвинения:

1. Согласно ч. 1 ст. 17 УПК РФ, присяжные заседатели «оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью». Однако зачастую решения «суда присяжных» могут носить эмоциональный характер, поскольку к присяжным заседателям, согласно ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 20.08.2004 г. № 113-ФЗ, не предъявляются требования о наличии юридического образования. Во многом они полагаются на свои ощущения, и, как и любые лица, не знакомые с тонкостями процесса, принимают решения интуитивно, следовательно, легко управляемы, подвержены влиянию (в том числе со стороны защиты) в своих выводах;

2. Ходатайство обвиняемого в совершении преступления лица, в отношении которого принята мера процессуального принуждения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, о рассмотрении уголовного

дела с участием присяжных заседателей в случае его удовлетворения позволяет в случае вынесения обвинительного приговора сократить срок назначенного наказания, смягчить его или полностью освободить от его отбывания (ст.72);

3. Сторона защиты формирует наиболее лояльно настроенный к себе состав коллегии присяжных заседателей.

Важность рассматриваемого права заключается в том, что обвиняемый и его защитник имеют возможность реализовать свое право на мотивированный и немотивированный отводы присяжных заседателей при формировании коллегии присяжных заседателей, согласно ч. 5 ст. 327, ст. 328 УПК РФ. До приведения присяжных заседателей к присяге сторона защиты вправе заявить, что вследствие особенностей рассматриваемого уголовного дела образованная коллегия присяжных заседателей в целом может оказаться неспособной вынести объективный вердикт (ч. 1 ст. 330 УПК РФ).

Сторона защиты нередко рассчитывает на применение особого порядка назначения наказания при вердикте присяжных о снисхождении, предусмотренного ст. 65 УК РФ, одной из особенностей которого является невозможность установления срока или размера наказания свыше 2/3 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Присяжные заседатели выносят вердикт (решение о виновности или невиновности, согласно п. 5 ст. 5 УПК РФ), отвечая на вопросы председательствующего, предусмотренные п. 1, 2, 4 ч. 1 ст. 299, ч. 1 ст. 339 УПК РФ: «доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется лицо; доказано ли, что деяние было совершено, виновно ли лицо в совершении этого преступления. А в случае признания вины присяжные заседатели также указывают в соответствии со ст. 339 УПК РФ, заслуживает ли обвиняемое лицо снисхождения (ч. 1 ст. 334 УПК РФ).

Таким образом, эффективная реализация конституционного права обвиняемых ходатайствовать об отправлении правосудия с участием присяжных заседателей может быть достигнута благодаря различным формам такого участия населения. Возможность присяжных заседателей без вмешательства судьи ответить на основной вопрос уголовного процесса о невиновности обвиняемого обеспечивает наибольшую эффективность суда присяжных, в связи с чем его как правовой институт необходимо развивать.

Список литературы

1. Суд присяжных в России: итоги 2020 г. и прогноз на 2021 г. URL: <https://www.advgazeta.ru/diskussii/itogi-2020/> (дата обращения: 23.10.2021).
2. Гринько С.Д. Рассмотрение дел судом присяжных как проблема российского правосудия и борьбы с преступностью // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rassmotrenie-del-sudom-prisyazhnyh-kak-problema-rossiyskogo-pravosudiya-i-borby-s-prestupnostyu> (дата обращения: 23.10.2021).
3. Экс-главу Хабаровского края обвинят в организации ОПС URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5048720> (дата обращения: 23.10.2021).
4. Дело Ивана Голунова: хронология событий URL: <https://esquire.ru/hero/105362-delo-ivana-golunova-hronologiya-sobytiy/> (дата обращения: 23.10.2021).
5. Гаврицкий, А.В. Суд присяжных и его значение в отправлении правосудия в уголовном судопроизводстве России / А.В. Гаврицкий, К.С. Панчихин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 8. – С. 108.
6. Апелляция отменила почти 90% оправдательных приговоров районных судов, вынесенных с участием присяжных URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/apellyatsiya-otmenila-pochti-90-opravdatelnykh-prigovorov-rayonnykh-sudov-vynesennykh-s-uchastiem-prisyazhnykh/>

© Е.В. Проскура, 2021

УДК 343.13

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПРИ НАДЗОРЕ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Пиеничная Кристина Сергеевна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Палиева Оксана Николаевна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в данной статье охарактеризована сложившаяся система полномочий, применяемых прокурорами в досудебном уголовно-процессуальном производстве для выявления и устранения нарушений закона со стороны поднадзорных органов и в других целях.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, полномочия прокурора, следователь, дознаватель.

UDK-343.13

**PROSECUTOR'S POWERS IN SUPERVISING APPLICATION
OF LAWS BY INTERROGATION AND PRELIMINARY
EXAMINATION AGENCIES**

Pshenichnaya Kristina Sergeevna,

Scientific adviser: Palieva Oksana Nikolaevna

Abstract: the article comprises the characteristics of the developed system of powers used by prosecutors during pretrial criminal proceedings to reveal and eliminate violations of law made by the agencies under supervision and for other purposes.

Keywords: prosecutor, prosecutor's supervision, prosecutor's powers, investigator, interrogator.

В качестве одного из ключевых направлений деятельности прокуратуры является улучшение и совершенствование работы органов предварительного следствия и дознания. Прокурор является гарантом обеспечения законности на всех стадиях уголовного судопроизводства. В этой связи уголовно-процессуальный закон и Федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации" (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ») наделяет прокурора полномочиями по выявлению, пресечению и устранению нарушений закона, допущенных при расследовании преступлений [1].

Одной из отраслей прокурорского надзора, закрепленных Федеральным законом «О прокуратуре РФ» является надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Уголовно-процессуальное законодательство указывает на то обстоятельство, что надзор прокурора имеет характерную особенность в сфере досудебного производства и отличает его от других направлений надзорной деятельности. Данное утверждение связано с процессуальным положением прокурора в уголовном судопроизводстве, которое закреплено в ст. 37 УПК РФ [2]. Вышеупомянутая статья устанавливает,

что прокурор уполномочен осуществлять надзор не только за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания, но и уголовное преследование от имени государства. Таким образом, у прокурора имеются присущие только ему уголовно-процессуальные полномочия, выходящие за рамки надзора.

Рассматривая стадию возбуждения уголовного дела, следует заметить, что полномочия прокурора в данном случае имеют некоторые ограничения. Они выражаются в том, что решение по итогам проверки в соответствии со статьей 145 УПК РФ может быть принято органом дознания, дознавателем, следователем или же руководителем следственного органа [2, с. 135]. В таком случае стоит отметить, что прокурор не может вмешиваться в процесс принятия решения по конкретному сообщению о преступлении.

Статья 37 УПК РФ закрепляет основные полномочия прокурора на стадии предварительного следствия и дознания. Он наделен следующими процессуальными полномочиями: проверять исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях; давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий; давать дознавателю согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение; рассматривать информацию, предоставляемую руководителем следственного органа, о несогласии следователя с требованием прокурора; разрешать заявленные дознавателю отводы и его самоотводы; отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования при нарушении им требований УПК; изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю, обязательно указывая основания передачи; утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу; возвращать уголовное дело следователю, дознавателю на дополнительное расследование [2, с. 39].

Несмотря на то, что УПК РФ регламентирует полномочия прокурора на стадии предварительного следствия и дознания, это абсолютно не исключает проблем, которые присутствуют в правоприменительной практике.

Анализируя нормы УПК РФ, регулирующие полномочия прокурора, связанные с отменой постановления о прекращении уголовного дела, следует отметить их противоречивость и несогласованность. Согласно уголовно-процессуальному законодательству, властно-распорядительный характер прокурорской деятельности на досудебном производстве направлен в большей части на деятельность дознавателя и органа дознания. Так, принятие процессуального решения дознавателем может осуществляться им только с согласия прокурора. Несмотря на то, что органы предварительного следствия процессуально самостоятельны, прокурор имеет полномочие, которое связано с отменой незаконного или необоснованного постановления следователя и руководителя следственного органа.

В частности, полномочием по возобновлению производства по делу наделен исключительно руководитель следственного органа. На наш взгляд, данное положение плохо сказывается на эффективности деятельности прокурорского надзора за соблюдением законов органами предварительного следствия. В соответствии с п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ решения следователя о прекращении уголовного дела могут быть проверены на законность и обоснованность именно прокурором [2, с. 40]. Последний не уполномочен отменять эти решения в случае, если они на его взгляд являются незаконными. Тогда как прокурор имеет полномочие по возвращению уголовного дела следователю на производство дополнительного расследования со своими письменными указаниями.

Необходимо отметить, что органы предварительного следствия и их взаимодействие с прокурором организовано несколько иначе. В частности, прокурор не наделен правом вмешиваться в деятельность следственных органов при осуществлении ими своих полномочий. Принятие мер по устранению выявленных нарушений будет выходить за рамки полномочий прокурора. Однако стоит выделить исключительную особенность, касающуюся данного вопроса. Так, прокурор не вправе самостоятельно отменять незаконные и необоснованные постановления следователя, возбуждать уголовное дело, отстранить следователя от ведения уголовного дела. Такое вмешательство может производиться только после согласования с руководителем следственного органа [3, с. 5].

Многими российскими учеными и практическими работниками по сей день ведутся дискуссии по поводу выделения органов следствия из системы прокуратуры. В процессе такого реформирования прокуратурой были утрачены отдельные функции, способствовавшие осуществлению надзорной деятельности за тем, как осуществляется предварительное

следствие. Например, Кожевников О.А. отмечает, что с изменениями, внесенными в 2010 году Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» № 404-ФЗ, прокурор по отношению к органам предварительного расследования лишился своих надзорных полномочий [5, с. 200]. Идентичной точки зрения придерживаются Паничева А.И., Костанов Ю.А., Похмелкин А. [5, с. 204].

Подводя итог, следует отметить, что полномочия прокурора не раз подвергались значительным изменениям уголовно-процессуальным законодательством. На наш взгляд, необходимо расширить круг полномочий в области надзора за следственными органами для более эффективного осуществления надзора на стадии предварительного следствия.

Список литературы

1. *Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472.*

2. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.*

3. *Артамонов А.Н. Полномочия прокурора при надзоре за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия // Законодательство и практика. 2016. № 1.*

4. *Ситник В.В. Теоретические аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4.*

5. *Кожевников О. Следственный комитет при прокуратуре – история и современность // Уголовное право. 2017. № 6.*

© К.С. Пшеничная, 2021

УДК: 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВЫ СЕРИЙНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*Сафонова Анастасия Михайловна,
Шевченко Екатерина Дмитриевна*
Студентки 4 курса

*Ростовского филиала ГКОУ ВО
«Российская таможенная академия»*

Научный руководитель:

Рogaва Инга Георгиевна,
*старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Ростовского филиала ГКОУ ВО
«Российская таможенная академия»*

Аннотация: цель данной работы заключается в изучении криминалистической характеристики типажа жертвы серийных преступлений. В данной работе проведен анализ данных по теме исследования, в том числе и статистических данных. В ходе написания работы применялись такие методы как анализ, синтез и описание.

Ключевые слова: криминалистика, характеристика, жертва преступления, серийные преступления.

UDC: 343.98

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE VICTIM OF SERIAL CRIMES

*Safonova Anastasia Mikhailovna,
Shevchenko Ekaterina Dmitrievna,*
Scientific adviser: Rogava Inga Georgievna

Abstract: the purpose of this work is to study the criminalistic characteristics of the type of victim of serial crimes. In this paper, the analysis of data on the research topic, including statistical data, is carried out. In the course of writing the work, such methods as analysis, synthesis and description were used.

Keywords: criminology, characteristics, victim of crime, serial crimes.

Ежегодно в России раскрывается более 300 преступлений, которые проходят в категории серийных. Среди них наибольший процент занимают убийства и половые преступления [6]. Впервые термин «серийный

убийца» был использован в 1970 годах Робертом Кепелом и Робертом Росслером в Соединенных Штатах Америки, указанные лица – агенты ФБР – занимались подготовкой психологических профилей преступников. Именно деятельность по созданию психологического портрета серийного убийцы предопределяет важность и значимость анализа выбранных им жертв.

Серийный убийца нацеливается на правильный выбор жертвы, добычи, в связи с чем рассмотрение особенностей криминалистической характеристики жертв серийных преступлений определяет актуальность темы статьи.

В 2002 году Г.М. Гудвин предложил типологию Холмса, которая описывает различные социально-психологические характеристики серийного преступника, на нее обратил внимание Ю.М. Антонян [2, с.141]. Из этой же типологии были выделены типы жертв серийных убийц, среди которых наибольший процент (более 70%) занимают совершенно незнакомые преступнику лица: молодые люди и девушки, дети, случайные прохожие, пенсионеры, посетители кафе и ресторанов, лица с ментальными заболеваниями.

Около 20% – это друзья серийных преступников, соседи, коллеги по работе, работодателей, пациенты, в зависимости от того, какова профессиональная деятельность серийного преступника в жизни (если он работал, служил).

Около 10% жертв – это родственники, как дальние, так и ближайšie – члены семьи – супруги, дети, родители.

Л.Я. Драпкин отмечает, что серийный преступник практически никогда совершает случайных убийств или преступлений, он всегда готовится, выбирая жертву, старается находиться в основном там, где есть большая вероятность встретить её, поскольку жертва должна соответствовать его шаблону, представлению – в кафе, возле учебных заведений, школ, ВУЗов, около магазинов, в парках, скверах, на концертах и пр. [5, с. 73].

Главные, объединяющие жертву и серийного преступника факторы – время и место нападения, когда происходит стечение этих обстоятельств, и на них накладывается умысел преступника, то все эти факторы способствуют совершению преступного деяния.

В теории криминалистики существует немало исследований, которые посвящены рассмотрению криминалистического портрета жертва серийных преступлений, например, А.В. Парфенов разделяет жертв по следующим четырём категориям [7, с. 33]:

- в зависимости от пола – мужчина или женщина;
- в зависимости от возраста: дети 8 лет; подростки и молодые люди до 17 лет; молодёжь от 18 до 30 лет; лица в возрасте от 31 года и старше;
- градация жертв по социальному статусу: разбивка по следующим категориям: неблагополучные слои населения в плане социального статуса – женщины с низкой социальной ответственностью, лица без определенного места жительства, сильно пьющие лица, дети из неблагополучных семей; лица, относящиеся к благополучным слоям населения, чаще всего – одинокие женщины, дети, подростки, пенсионного возраста;
- в зависимости от наличия родства с жертвой – является родственником или не является.

О.П. Грибунов отмечает, что жертвами серийного убийцы могут становиться различных категорий, перечисленных выше. Например, при расследовании серийных преступлений, совершённых А. Чикатило, жертвами были молодые женщины, девушки, дети, подростки, одинокие пенсионеры, пожилые женщины [4, с. 5]. В других случаях жертвы могут относиться только к одной категории, что было характерно для преступлений, совершённых С. Головкиным и А. Сливко – преступники выбирали только мальчиков. Серийный убийца Г. Михасевич для преступлений выбирал молодых женщин, убийца В. Кулик нападал на женщин всех возрастов.

Чаще всего, согласно судебной статистике, жертвами серийных преступников становятся женщины – в 90% случаях, реже – мужчины – около 9% [1, с. 54].

Криминалистическая характеристика жертв серийных преступлений основывается на криминологических и уголовно-правовых концепциях, которые преступность и преступление описывают в контексте социальных явлений.

Исследователи выстраивают криминалистическую характеристику жертв серийных преступлений, по таким критериям, как возможность давать адекватную оценку виктимности ситуации, которая предшествует факту преступления, например, Ю. В. Антонян в качестве типичных примеров выделяет жертв, которые оказываются беззащитными перед преступными посягательствами – люди с ментальными нарушениями, различными психическими отклонениями, не способные, в одиночестве, без сопровождения, давать адекватную оценку предшествующей преступлению ситуации [1, с. 93].

И в противовес им также жертвами становятся люди, имеющие способность адекватно реагировать и оценивать ситуацию, но в силу неспособности предположить наступление криминального последствия не учитывают вероятные угрозы. Такая ситуация характерна при наличии родственных отношений между жертвой и преступником.

Другая категория жертв – лица, которые могут адекватно оценить ситуацию, они не находятся в родстве с преступником, осознают всю опасность, но переоценивают свои силы, пренебрегая мерами личной безопасности – это молодые люди в хорошей физической форме, сотрудники полиции.

Ещё одна категория жертв – одинокие молодые женщины, также пренебрегающие мерами личной безопасности, в этом случае они подвергаются нападениям чаще всего в безлюдных местах, через которые прилегают их обычные маршрут исследования.

Жертвами серийных преступлений также становятся люди, которые одиноко проживают в удалённых от густонаселённых мест жилищах, чаще всего, в сельской местности.

О.И. Бродченко отмечает, что зачастую жертва серийного преступления своим поведением сама подталкивает преступника к совершению насильственных действий – находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, охотно идя на контакт с незнакомым человеком [3, с. 64].

Потенциальные жертвы серийных убийств криминалистике подразделяют на не критические жертвы, нейтральные жертвы и лиц, которые способствуют преступлению.

К не критическим жертвам относятся лица, которые спокойно и свободно идут на контакт с незнакомцами. Нейтральные жертвы ни в коей мере ни поступками, ни внешним видом, ни поведением не способствуют совершению преступления. К третьей категории относятся лица, которые могут спровоцировать преступника поступком – словом, делом, не подозревая об этом. Л.Я. Драпкин отмечает, что провокационное поведение жертв достаточно часто способствует совершению убийств и сексуальных насилий [5, с. 86].

Планируя убийство, преступление насильственного характера или иного рода серийный преступник вычленяет в потенциальной жертве внешние данные, которые могут его привлечь, или вызвать тот или иной ассоциативный ряд, который и выступает мотивом к совершению преступления. Рост, телосложение, запах жертвы, элементы одежды

являются для преступника фетишем, катализатором, провоцируя его на преступление.

Ю.М. Антонян отмечает, что не только внешний облик, но и социальный статус будущей жертвы является важным признаком для серийного преступника, поэтому большое внимание криминалисты должны уделять деталям, которые могут связывать преступника и жертву – общим связям, общие знакомым, особенностям проведения досуга, характеру работы.

Многие исследователи отмечают важность исследования действий жертвы перед убийством, поскольку это может указывать на связь поведения жертвы и действий преступника. Такой точки зрения придерживаются В.А. Верещагин, Ю.М. Антонян, Б.В. Шостакович, С.А. Потапов, придавая большое значения виктимному поведению в юридическом смысле. Ученые-криминалисты делают акцент именно на необходимости изучения анализа поведения жертвы преступного посягательства.

Исследования и анализ совершённых серийных преступлений позволяют сделать вывод, что в большинстве своём жертвы для преступника символизируют определённые чувства, характер поведения: например, проститутки и молодые девушки являются символом удовлетворения сексуальных потребностей, дети и пожилые люди символизируют подневольность, незащищённость, возможность властвования.

Таким образом, криминалистическая характеристика жертв серийных преступлений связана с её внешним обликом, социальным положением, способностью адекватно оценивать действия потенциального убийцы, с возрастом, полом. Но в любом случае, поведение серийного преступника может являться непредсказуемым, хотя поведение жертвы может стать ключом к раскрытию преступлений, к пониманию действия убийцы. Криминалистическое значение исследования связей «преступник – жертва» состоит в том, что они влияют на установление окружения жертвы, обнаружения у неё интересов, потребностей, круга знакомств и типичных мест общения из ближайшего окружения. Поэтому указанные связи могут использоваться при выдвижении следственных версий, планировании, моделировании личности преступника, определении направлений розыска и возможных мест нахождения преступника и очевидцев, установлении способов совершения преступления, выборе тактики следственных действий.

Список литературы

1. Антонян Ю,М. Серийные сексуальные убийства и убийцы. – М.: Юрлитинформ. – 2018. – 229 с.
2. Антонян Ю,М. Мотивация преступного поведения. М.: Юрлитинформ. – 2018. – 373 с.
3. Бродченко О.И. Психолого-криминалистическое обеспечение раскрытия серийных сексуальных преступлений. – М.: ВНИИ МВД России. – 2004. – 116 с.
4. Грибунов О.П., Ишигеев В.С. Актуальные вопросы теории и практики раскрытия и расследования серийных убийств // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 3 – 8.
5. Драпкин Л.Я. Расследование серийных убийств. – Екатеринбург. – 2016. – 149 с.
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184>.
7. Парфёнов А.В. Использование психологической информации в организации оперативно-розыскной деятельности по раскрытию серийных преступлений против жизни, половой неприкосновенности и половой свободы личности. – М.: Академия управления МВД России. – 2017. – 63 с.

© А.М. Сафонова, Е.Д. Шевченко, 2021

УДК: 343.13.

К ВОПРОСУ О ПОВОДАХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Седых Дарья Владиславовна,

Магистрант 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Полтавцева Лариса Ивановна

д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального

права

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: статья посвящена исследованию повода, как одной из предпосылок применения мер безопасности в уголовном судопроизводстве. Определяется, что поводы для начала процесса применения защитных мер, не идентичны. Несмотря на различие поводов применения мер защиты, автором называются общие требования, предъявляемые к таким поводам. Кроме того, предлагается авторское определение повода для применения мер безопасности в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, меры безопасности, участники, предпосылки, повод.

UDC: 343.13

**TO THE QUESTION OF THE REASONS FOR THE APPLICATION
OF SECURITY MEASURES IN RESPECT OF PARTICIPANTS
IN CRIMINAL PROCEEDINGS:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

Sedykh Daria Vladislavovna,

Scientific adviser: Poltavtseva Larisa Ivanovna

Abstract: the article is devoted to the study of the pretext as one of the prerequisites for the application of security measures in criminal proceedings. It is determined that the reasons for initiating the protective action process are not identical. Despite the difference in the reasons for the application of protection measures, the author names the general requirements for such reasons. In addition, the author's definition of the reason for the application of security measures in criminal proceedings is proposed.

Keywords: criminal proceedings, security measures, participants, prerequisites reason.

Институт безопасного участия лица в уголовном процессе изучается с различных теоретических позиций. Однако предпосылки для применения мер безопасности в уголовном судопроизводстве полностью не исследованы.

Существующая нормативно-правовая база содержит достаточное количество принятых и действующих законов, подзаконных актов, регулирующих безопасность личности в уголовном судопроизводстве, а также устанавливающих различные способы реализации такой защиты. Такое разнообразие видов мер защиты участников уголовного процесса, представляется возможным, разделить как минимум на две группы:

1) меры уголовно-процессуального характера (ч. 3 ст. 11 УПК РФ), не требующие значительных финансовых затрат,

2) меры, предусмотренные Законами № 45-ФЗ и № 119-ФЗ, требующие финансовых затрат.

Процесс применения мер безопасности зависит от определенных элементов. Одной из предпосылок принятия процессуального решения по уголовному делу теория уголовно-процессуального права называет повод.

Основной (первичной) предпосылкой для принятия процессуального решения является именно повод, поэтому он предшествует основанию, является его причиной, и именно в нем уполномоченное лицо ищет последующее основание для принятия решения.

Повод представляет собой «обстоятельство, способное быть основой чего-либо» [1, с. 529]. Повод рассматривается как предлог, причина, мотивация. Однако, более точным является определение, рассматривающее повод как «обстоятельство, которое может стать причиной, основанием для чьих-либо действий» [2]. Именно в этом контексте повод является причиной появления в нем правовой основы для принятия процессуального или иного решения, то есть достаточность качественной информации для принятия решения, например, применение мер безопасности в отношении защищаемых лиц.

Следует отметить, что в науке различают уголовно-процессуальные меры безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ) и иные меры государственной защиты, установленные в двух законах: Федеральном законе № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и Федеральном законе № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». В этой связи, поводы для начала процесса применения защитных мер, указанных в различных правовых актах, не идентичны.

Обратим внимание на различие поводов применения перечисленных мер государственной защиты. Их отличие заключается в специфике самого разнообразия мер государственной защиты. Тем не менее, несмотря на различие в правовой природе этих явлений, не отрицается возможность установления единого основания для определения повода применения мер государственной защиты и мер уголовно-процессуальной безопасности.

Так, например, применительно к уголовно-процессуальной деятельности А.С. Лизунов рассматривает двойственную природу повода как: «а) источника первоначальной информации и б) юридического факта,

порождающего первоначальное возникновение уголовно-процессуальных правоотношений» [3, с. 145].

Для более эффективного применения мер безопасности в уголовном процессе представляется целесообразным выделить общие требования к таким поводам – они должны обладать определенными свойствами, при наличии которых поводы могут и должны рассматриваться как обязательная правовая предпосылка для принятия решения по делу. При этом, повод должен соответствовать, как минимум, таким свойствам, как законность, доброкачественность и относимость:

- законность (допустимость) повода – надлежащее оформление информации в установленной законом форме, т.е. указание на этот повод в законе или ином нормативном правовом акте. В противном случае незаконность (недопустимость) влечет признание повода недействительным и не подлежащим проверке, реагированию со стороны уполномоченного должностного лица;

- доброкачественность как самостоятельное свойство повода заключается в его содержании, т.е. повод должен содержать информацию, соответствующую действительности, достоверным данным, сведениям;

- относимость повода – прямая связь формы и содержания информации с последующим процессуальным решением (применением, изменением или отменой) мер безопасности.

Итак, несмотря на различия мер безопасности, применяемых к участникам уголовного судопроизводства, следует согласиться с мнением Р.О. Раджабова о том, что «с содержательной стороны повод является совокупностью сведений, информации, трансформированной в устную или письменную, цифровую (электронную) форму, которая обладает специфическими признаками» [4, с. 155]. К таким признакам повода как информационного сигнала необходимо отнести:

- обязательность последующих процессуальных действий (принятие мер безопасности или отказ от такого решения);

- юридическое содержание – повод указан в законе;

- формальная определённость – устно или письменно.

Само слово «повод» в словаре С.И. Ожегова означает «обстоятельство, которое может стать причиной, основанием для чьего-либо действия» [5, с. 765]. То есть повод есть не что иное, как причина. В этом контексте мы понимаем под поводом для применения мер безопасности как юридически сформулированную основополагающую причину, которая должна служить для начала: а) уголовно-процессуальных и б) организационных процессов реализации правовых предписаний по

применению мер защиты со стороны к участникам уголовного судопроизводства.

При этом, в уголовно-процессуальном смысле лицо, ведущее производство, обязано проверить имеющийся повод и, установив наличие оснований (реальность угрозы неправомерного воздействия на защищаемое лицо), принять процессуальное решение по делу (вынесение соответствующего постановления).

Организационный процесс основан на обязанности уполномоченного органа (должностного лица) принять соответствующее решение, начать применять меры безопасности, и выражается в обеспечении защищаемого лица конкретными мерами защиты, указанными в постановлении следователя, дознавателя или суда.

Поводы для применения мер безопасности указаны в ч. 2 ст. 16 ФЗ от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»: «меры безопасности применяются на основании письменного заявления защищаемого лица или с его согласия, выраженного в письменной форме, письменного заявления близких родственников, родственников или близких лиц защищаемого лица, находящегося в беспомощном состоянии, или с их согласия, выраженного в письменной форме, а в отношении несовершеннолетних лиц – на основании письменного заявления их родителей или лиц, их заменяющих, а также уполномоченных представителей органов опеки и попечительства (в случае отсутствия родителей или лиц, их заменяющих) или с их согласия, выраженного в письменной форме» [6].

Согласно ст. 13 ФЗ от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»: «поводом для применения мер безопасности в отношении защищаемого лица является:

- 1) заявление указанного лица;
- 2) обращение председателя суда либо руководителя (начальника) органа, в котором защищаемое лицо проходит службу, работает или исполняет обязанности, в соответствующий орган, обеспечивающий безопасность;
- 3) получение органом, обеспечивающим безопасность, оперативной и иной информации о наличии угрозы безопасности указанного лица» [7].

Л.В. Брусницын в своих комментариях к ч. 2 ст. 18 Закона о государственной защите также указывает, что «поводом для принятия решения о применении мер безопасности может наряду с заявлением

являться сообщением, содержащим сведения об угрозе противоправного воздействия, полученное из органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо из других источников» [8, с. 76].

Сравнивая различные определения термина «повод для применения мер безопасности», представляется возможным дать ему следующую формулировку: поводом для применения мер безопасности является письменное обращение участников уголовного судопроизводства, а также заявителя, очевидца или потерпевшего, либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступлений к органу (должностному лицу), реализующему меры безопасности, о необходимости их применения, если для этого есть достаточные основания.

Список литературы

1. Ожегов С.И. *Словарь русского языка: ок. 100 000 слов / Под ред. проф. Л. И Скворцова. 28-е изд., испр. – М.: Оникс, Мир и Образование, 2012. Викисловарь. – URL://http://ru. wiktюNearу. оgd/ wiki/II (дата обращения: 23.06.2021)*

2. Лизунов А.С. *Доследственная проверка как часть досудебного производства: диссертация ... кандидата юридических наук. – Н. Новгород, 2017.*

3. Раджабов Р.О. *Понятие повода, основания и условий применения мер безопасности участников уголовного процесса // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 2.*

4. Ожегов С.И. *Словарь русского языка: ок. 100 000 слов / Под ред. проф. Л.И Скворцова. 28-е изд., испр. – М.: Оникс, Мир и Образование, 2012.*

5. *Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СЗ РФ. 23.08.2004. № 34. Ст. 3534.*

6. *Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // СЗ РФ. 24.04.1995. № 17. Ст. 1455.*

7. Брусницын Л.В. *Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2009.*

© Д.В. Седых, 2021

УДК: 341.45

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБМЕН БИОМЕТРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ В РАМКАХ СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Смолдырева Ксения Владимировна,

студентка 4 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Палиев Владимир Борисович,

к.п.н., доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы использования биометрических данных в борьбе с террористическими преступлениями на национальном и международном уровнях, анализируется нормативно-правовое регулирование международного обмена данными биометрических систем в рамках сотрудничества государств в борьбе с терроризмом. Уделяется особое внимание принципам и условиям международного обмена биометрическими данными.

Ключевые слова: биометрические данные, биометрические системы, базы данных, терроризм, борьба с терроризмом.

UDC: 341.45

INTERNATIONAL EXCHANGE OF BIOMETRIC DATA IN THE FRAMEWORK OF COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST TERRORISM

Smoldyreva Ksenia Vladimirovna,

Scientific adviser: Paliev Vladimir Borisovich

Abstract: The article discusses the use of biometric data in the fight against terrorist crimes at the national and international levels, analyzes the legal regulation of the international exchange of biometric data within the framework of cooperation between states in the fight against terrorism. Particular attention is paid to the principles and conditions of the international exchange of biometric data.

Keywords: biometric data, biometric systems, databases, terrorism, combating terrorism.

Терроризм как социальное и правовое явление в настоящее время представляется одной из наиболее острых проблем, угрожающих как национальной безопасности отдельных государств, так и международной безопасности в целом. Очевидно, что противодействие терроризму и всем его проявлениям является исключительно значимым, а потому требует не только локального подхода к решению данного вопроса на уровне конкретных стран, но и активного взаимодействия государств на международном уровне. В связи с интенсификацией темпов технических инноваций и внедрением их во все сферы деятельности человека и государства, особое место в рамках борьбы с терроризмом теперь отводится использованию результатов научного прогресса, в том числе в сфере биометрии. Использование биометрических технологий, а также международный обмен биометрическими данными в рамках сотрудничества в противодействии террористическим угрозам выступают в качестве важного элемента современного механизма борьбы с терроризмом, призванного обеспечить гибкое и эффективное реагирование на возникновение и постоянное изменение характера угроз международного терроризма. Именно поэтому исследование вопросов использования биометрических систем в контексте борьбы с терроризмом представляется особенно актуальным.

Для понимания процессов использования предназначенных для борьбы с терроризмом биометрических систем и обмена данными таких систем следует, прежде всего, охарактеризовать понятие биометрических данных. Так, в праве Европейского Союза основным нормативным актом, регулирующим вопросы использования персональных данных, является Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС, который определяет биометрические данные как «персональные данные, возникающие в результате особой технической обработки, касающиеся физических, физиологических или поведенческих характеристик физического лица, которые предусматривают или подтверждают уникальную идентификацию указанного физического лица, например, изображение лица человека или дактилоскопические данные» [1].

Если обратиться к российскому законодательству, то согласно Федеральному закону от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных» под биометрическими данными следует понимать сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности

человека, на основании которых возможно установить его личность [2]. Представляется, что подобное определение является достаточно абстрактным и не в полной мере характеризует рассматриваемое понятие. Поэтому для целей исследования целесообразно будет использовать следующую дефиницию, предложенную Я.В. Смирновой: «биометрические данные – это измеряемые физические характеристики индивида или его персональные поведенческие черты, которые имеют достаточную стабильность на прогнозируемый период возможных измерений и существенно отличаются от аналогичных параметров множества других людей» [3, с. 161].

В силу того, что организованные на государственном и ведомственном уровне фиксация, хранение и использование биометрических данных как материала, позволяющего идентифицировать индивида, стали возможны сравнительно недавно, правовое регулирование сферы персональных и биометрических данных в настоящее время активно формируется и развивается как на международном, так и на национальном уровне [4, с. 95].

Высокий потенциал использования биометрических данных для идентификации личности предопределил их важную роль в борьбе с преступностью в целом и с преступлениями террористической и экстремистской направленности в частности. Биометрические технологии могут быть исключительно полезны для следователей и обвинителей в ходе расследования дел, связанных с терроризмом, поскольку являются эффективным средством не только идентификации террористов, но и определения связи лица с конкретным деянием, событием, материалом, местом или даже с другим лицом.

Возрастание числа транснациональных преступлений привело к возникновению объективной необходимости в создании системы международного обмена биометрическими данными в рамках сотрудничества государств в борьбе с терроризмом.

Резолюция 2322 (2016) Совета Безопасности об укреплении международного сотрудничества правоохранительных и судебных органов в вопросах борьбы с терроризмом прямо призывает государства обмениваться информацией, в том числе биометрическими и биографическими данными, об иностранных боевиках-террористах (ИБТ) и других одиночных террористах и террористических организациях. В другой своей Резолюции Совет постановил, что государства-члены должны, руководствуясь внутренним законодательством и нормами международного права в области прав человека, разрабатывать и внедрять

системы сбора биометрических данных, которые могут включать такие материалы, как отпечатки пальцев, фотографии, данные систем распознавания лиц и другие соответствующие идентификационные биометрические данные [5].

Именно поэтому Рабочей группой по вопросам управления границами и правоохранительной деятельности в контексте борьбы с терроризмом, действующей в структуре Контртеррористического управления Организации Объединенных Наций, в партнерстве с Институтом биометрии был разработан Сборник практических рекомендаций Организации Объединенных Наций по ответственному использованию биометрических данных и обмену ими в рамках борьбы с терроризмом (далее – Сборник). Указанный Сборник содержит общий обзор биометрических технологий и систем сбора биометрических данных, их классификацию и принципы использования, а также регламентирует способы управления и обмена данными таких систем для борьбы с терроризмом.

Как подчеркивает Сборник, в основе системы международного обмена персональными, в том числе биометрическими, данными должны лежать следующие принципы:

- обмен данными должен быть законодательно закреплен и четко регламентирован на национальном уровне в нормативно-правовых актах, распространяющих свое действие на органы, которые отправляют и получают такие данные как внутри страны, так и на международном уровне;

- использование данных должно быть строго ограничено утвержденными целями, для которых они были получены;

- запрос на получение персональных данных должен основываться на твердом подозрении в причастности к террористической деятельности, должны быть подробно изложены критерии доказанности;

- обмен данными должен осуществляться только с заслуживающими доверия получателями, то есть персональные данные не должны направляться в страны, где уровень защиты неприкосновенности частной жизни ниже, чем в стране, отправляющей данные;

- в основе механизмов обмена данными должны лежать официальные соглашения, заключенные между всеми участвующими сторонами [6].

Для целей предотвращения противоправного использования биометрических данных имеют значение два ключевых момента. Во-первых, государства, участвующие в международном обмене, обязаны

обеспечить защиту всех персональных данных, включая биометрические, от несанкционированного доступа и противоправного использования. В данном вопросе речь идет как о внешних угрозах, так и о внутренних злоупотреблениях со стороны персонала, имеющего доступ к данным. Во-вторых, существует объективная необходимость обеспечения точности предоставляемых персональных данных, а также гарантированности того, что эти данные предоставляются в надлежащем объеме и контексте, исключающих злонамеренные цели. Это особенно важно в том случае, если государство или иная сторона будет пытаться использовать возможности обмена для внесения данных о своих политических оппонентах в списки подозреваемых, с тем чтобы нарушить их основные права.

Однако помимо правовых и этических требований, предъявляемых к обмену персональными данными на международном уровне, существуют и технические особенности подобного процесса. Так, изначально базы биометрических данных правоохранительных органов создавались и функционировали исключительно как «автономные» системы, поскольку предназначались для решения конкретных рабочих задач и не предполагали обмена данными между этими системами. Возникшая необходимость унификации и объединения содержащихся в них сведений поставила вопрос о повышении операционной совместимости баз данных на национальном уровне для развития двусторонних, многосторонних и региональных сетей баз данных и их объединения на международном уровне. Этот процесс, начавшийся с объединения разрозненных одноmodalных баз данных, привел к появлению в некоторых странах и регионах ультрасовременных взаимозаменяемых сетей, состоящих из взаимосвязанных баз данных, предназначенных для выполнения целого ряда оперативных задач в области охраны правопорядка, пограничного контроля и других государственных функций как на национальном, так и на международном уровне [6]. Среди примеров подобных баз данных можно назвать следующие:

- 1) Приложения, применяемые пограничными службами (Электронная информационная система пограничного и биометрического контроля; Автоматизированная система пограничного контроля);
- 2) Приложения, применяемые органами полиции и Интерполом (базы биометрических данных Интерпола: Изображения лиц, Отпечатки пальцев, ДНК);
- 3) Базы данных по беженцам;

4) Централизованная база данных Европейского Союза – Eurodac и др.

Перечисленные базы данных, объединенные из широкого спектра источников в сфере охраны правопорядка и пограничного контроля (а также военных биометрических данных, если таковые имеются), позволяют в сочетании с другой оперативной информацией осуществлять эффективную работу по предотвращению террористической деятельности.

Таким образом, возросшая за последние десятилетия угроза глобального терроризма создала предпосылки для интенсификации процессов сотрудничества государств в области противодействия террористическим преступлениям. Несмотря на существование и функционирование национальных систем биометрических данных, преимущества биометрических систем в области отслеживания и выявления террористов могут быть реализованы в полной мере только в случае сотрудничества и обмена данными на уровне стран. Международная и национальная нормативно-правовая база в области такого обмена находится в стадии активного развития и совершенствования, что позволяет сделать вывод об актуальности дальнейшего исследования рассматриваемого вопроса.

Список литературы

1. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation / GDPR) (принят в г. Брюсселе 27.04.2016) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

2. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 31.07.2006. – N 31 (1 ч.). – Ст. 3451.

3. Смирнова Я.В. Особенности содержания понятия "биометрические данные" в праве Европейского Союза // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 7(83). – С. 160-167.

4. Колосов А.В. Правовое регулирование оборота биометрических данных граждан в Европейском Союзе // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 3 (94). – С. 89-96.

5. Резолюция 2396 (2017), принятая Советом Безопасности на его 8148-м заседании 21 декабря 2017 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/sres23962017>.

6. Сборник практических рекомендаций Организации Объединенных Наций по ответственному использованию биометрических данных и обмену ими в рамках борьбы с терроризмом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.unodc.org/pdf/terrorism/Compendium-Biometrics/.pdf>. (01.11.21)

© К.В. Смолдырева, 2021

УДК: 343.61

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ УБИЙСТВА

Супруненко Алина Руслановна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Серегина Елена Владимировна

к.ю.н., доцент, профессор кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы исторической обусловленности уголовной ответственности за квалифицированные убийства. Особое внимание при этом уделяется генезису понятия «убийство», его квалифицированных видов, относящихся к субъективной стороне состава преступления, в отечественном законодательстве на различных этапах исторического развития. По итогам проведенного исследования формулируются основные тенденции развития уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за убийство – высокий уровень карательного воздействия за его совершение убийства, особенно это относится к квалифицированным видам, а также расширение убийств с отягчающими обстоятельствами, относящимся к субъективной стороне состава преступления.

Ключевые слова: убийство, квалифицированные виды, субъективная сторона, уголовная ответственность, законодательство.

UDC: 343.61

HISTORICAL CONDITIONALITY OF CRIMINAL LIABILITY FOR QUALIFIED TYPES OF MURDER

Suprunenko Alina Ruslanovna,

Scientific adviser: Seregina Elena Vladimirovna

Abstract: *the article examines the issues of historical conditionality of criminal liability for qualified murders. Particular attention is paid to the genesis of the concept of «murder», its qualified types related to the subjective side of the corpus delicti in domestic legislation at various stages of historical development. Based on the results of the study, the main trends in the development of criminal legislation providing for responsibility for murder are formulated – a high level of punitive impact for committing murder, especially this applies to qualified types, as well as the expansion of murders with aggravating circumstances related to the subjective side of the crime.*

Keywords: *murder, qualified types, subjective side, criminal liability, legislation.*

Для того чтобы лучше понять создание и значение действующих в настоящее время уголовно-правовых норм об охране жизни, необходимо на материалах источников права различных периодов существования России установить их исторические корни и проанализировать развитие этих норм. Ученые многих стран в течение всей истории человечества интересовались проблемой защиты жизни человека. В результате проводимых ими исследований появилось значительное количество научных трудов, содержащих необходимые сведения о преступлениях, посягающих на жизнь человека.

Жизнь является естественным правом любого человека, ее охрана имеет основополагающее значение и не зависит от пола, расы, возраста, состояния здоровья, жизнеспособности и иных признаков. Однако изучение некоторых исторических аспектов развития уголовного законодательства показывает, что из поколения в поколение не только не воспитывалось уважение к человеческой жизни, но, наоборот, объективно создавалось суждение о том, что жизнь не представляет особой ценности [1, с. 184].

Наиболее тяжкими и распространенными среди преступлений против жизни является убийство. Это древнейшее и вечное преступление, которое всегда осуждалось как моралью, так и нормами права. Запрет на убийство был одним из первых табу в человеческой культуре. Во многом это

объяснялось необходимостью продолжения рода и укрепления общества. Еще в первобытных общинах было осуждено и запрещено убийство. По мере становления более крупных человеческих сообществ, вплоть до государственных объединений, табу на убийство приобрело форму закона, обязательного для всех членов сообщества [2, с. 40].

В законодательстве России в разные периоды истории в качестве тяжких обстоятельств совершения преступления признавали самые различные виды убийств. Первые упоминания об убийстве, по свидетельству М.Д. Шаргородского, содержатся в договорах князей Олега и Игоря с греками, которые относятся соответственно к 911 и 945 годам [3, с. 31-32].

Дальнейшее развитие древнерусского законодательства является наиболее систематизированным и появляются совершенно новые законодательные техники и конструкции. На языке Русской Правды во всех её редакциях преступление – это обида, связанная с причинением вреда определенному лицу. За преступление несли ответственность все, кроме холопов, за которых отвечали их хозяева. Убийство не разделялось на виды и независимо от мотивов, смягчающих и отягчающих обстоятельств и вины, каралось тут же, на месте, смертью.

Правда Ярослава предусматривала возможность кровной мести, а если отсутствовали мстители или родственники убитого не желали мстить за убийство члена их рода или семьи, то устанавливала денежное взыскание. Следует отметить, что в указанном правовом акте была закреплена лимитированная норма, ограничивающая кровную месть, разрешая ее исключительно близким родственникам убитого.

Ответственность за совершение убийства предусматривалась и положениями судебныхников – нормами ст. 8 Судебника 1497 года, положениями ст. 60 Судебника 1550 г. Причем, кроме общего состава совершенного преступления в судебныхниках были выделены уже квалифицированные составы – совершение убийства господина, совершение убийства в разбое, совершение убийства путем поджога.

В Соборном Уложении 1649 года прослеживается попытка группировки норм – объединение их в главы. Законодательная техника была несовершенной, но, тем не менее, появляется логическая связь суждений и потребность в их упорядочивании. В Уложении в зависимости от формы вины выделялись умышленное и неумышленное убийство.

В эпоху петровских преобразований уголовная ответственность за преступления против жизни ужесточилась и значительно дифференцировалась. Непосредственно умышленные убийства

подразделялись на простые и квалифицированные, санкция за совершение которых была одна и та же – смертная казнь. В качестве квалифицированных видов убийства в Артикуле выделялись: отцеубийство, отравление, убийство по найму, убийство на дуэли, за их совершение устанавливались более мучительные способы смертной казни, чем за простое убийство [4, с. 132-133].

Понятие убийства Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в первоначальной редакции и в редакции 1885 года определяло как умышленное или неосторожное лишение жизни человека. Убийство дифференцировалось на простое, квалифицированное, привилегированное и совершенное по неосторожности [5, с. 253].

Последний крупнейший законодательный акт Российской империи – Уголовное Уложение 1903 года отказалось от деления умышленного убийства на предумышленное и непредумышленное, введя общий термин «умышленное убийство» и предоставив тем самым суду возможность при назначении меры наказания принимать во внимание обдуманность действий подсудимого. Судебная практика показала, что убийство с заранее обдуманным намерением не всегда свидетельствует о его повышенной опасности, так же как прямой умысел не всегда опаснее косвенного [2, с. 42].

Важным событием после Октябрьской революции 1917 года для становления уголовного законодательства советского периода было принятие Руководящих начал по уголовному праву РСФСР в декабре 1919 года, которые выступили базисом будущего Уголовного кодекса РСФСР. В них при определении меры ответственности необходимо было учитывать такие обстоятельства, как совершение преступления лицом, принадлежащем к определенному классу или с целью сохранения, восстановления или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, в состоянии голода или острой нужды, а также совершено деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса или в личных интересах и т.д.

По мере накопления всего законодательного массива и судебной практики появилась необходимость в новом уголовном законодательстве – унифицированном и отвечающим задачам социалистического государства в борьбе с преступностью, которая с каждым годом ужесточения политического режима только усиливалась. Уголовный кодекс РСФСР был принят 26 мая 1922 году, в нем содержалась вся сущность классового подхода к преступлению и, соответственно, наказанию. В главе V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности»

к квалифицированным видам убийства, относящимся к субъективной стороне, было отнесены: из корысти, ревности и других низменных побуждений; с целью облегчить и скрыть другое преступление. В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года также выделялось умышленное и неосторожное убийство. В свою очередь среди умышленных убийств различались: простое, квалифицированное и привилегированное убийство.

Уголовный кодекс 1960 г. сохранил классификацию преступлений против жизни, однако внес серьезные изменения в систему квалифицированных видов убийства. В ст. 102 УК РСФСР 1960 года устанавливающей ответственность за «умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах». В нем были закреплены такие квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к субъективной стороне преступления, как убийство, совершенное из корыстных побуждений; с целью облегчить совершение преступления или скрыть другое преступление; на почве кровной мести; были исключены такие квалифицирующие признаки, относящиеся к субъективной стороне состава преступления, как убийство из ревности, мести на почве личных взаимоотношений.

Итак, несмотря на то, что период строительства развитого социализма являлся достаточно нестабильным и динамичным этапом развития уголовного права, был сделан количественный и качественный шаг в законодательной регламентации квалифицированных видов убийства.

Дальнейшее развитие отечественного уголовного законодательства традиционно именуют постсоветским периодом. Этот период времени связан с решением проблем, связанных с созданием демократического государства, социально-экономической перестройкой, где главенствующее положение занимают общечеловеческие ценности и принципы, провозглашенные международным правом. С переходом к рыночной экономике и многопартийной политической системе уровень преступности в государстве изменился как в качественном, так и количественном отношении, появлялись некоторые новые отрицательные явления, ранее неизвестные российскому обществу. В последствии данных быстро развивающихся негативных событиях, появилась необходимость в создании нового уголовного законодательства, поскольку бессистемное преобразование старого уголовного законодательства было недопустимым в виду того, что он был создан в другой социально-экономической среде и политической обстановке.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года сохранил преемственность прошлого УК РСФСР 1960 года во многих

квалифицирующих признаках убийства, в том числе уточняя и детализируя их формулировку. При этом были введены совершенно новые для отечественного законодательства, отвечают реалиям современного развития общества, признаки квалифицированных видов убийств, относящиеся к субъективной стороне состава преступления: например, в целях использования органов или тканей потерпевшего; по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Таким образом, на каждом этапе развития отечественного уголовного законодательства оказывались необходимыми свои существенные изменения в нормотворчестве, которые были обоснованы изменениями приоритетов объектов уголовно-правовой охраны, новыми вызовами преступности и способами противодействия ей. Законодатель стремится найти наиболее подходящие, выигрышные и эффективные формы уголовно-правового регулирования общественных отношений. Одной из основных тенденций, характеризующих ответственность за убийство, которые существуют в современном законодательстве, является высокий уровень карательного воздействия за его совершение, особенно это относится к квалифицированным видам убийства. История развития уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за квалифицированные виды убийства демонстрирует другую его тенденцию – расширения убийств с отягчающими обстоятельствами, относящихся к субъективной стороне состава преступления. Данные обстоятельства свидетельствуют о исторической обусловленности уголовной ответственности за квалифицированные виды убийства.

Список литературы

1. *Серегина Е.В. Исторические тенденции становления и развития российского уголовного законодательства, регулирующего охрану жизни // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 4 (23). – С. 184-186.*

2. *Актуальные проблемы Особенной части уголовного права / Бохан А.П., Грошев А.В., Кейдунова Е.Р., Лавринов В.В., Литвяк Л.Г., Миллерова Е.А., Миллеров Е.В., Пащенко Е.А., Подройкина И.А., Серегина Е.В., Улезько С.И., Фаргиев И.А. Учебник. – М.: Проспект, 2020. – 766 с.*

3. *Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья // Избранные работы по уголовному праву. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 657 с.*

4. *Полный курс уголовного права: Преступления против личности. В 5-ти томах. Т. 2 / Под ред.: Коробеев А.И. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2008. – 682 с.*

5. *Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 7. – М.: Юридическая литература, 1989. – 423 с.*

© А.Р. Супруненко, 2021

УДК: 343.3/7

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 291.1 УК РФ

Темникова Валерия Владимировна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Фоменко Ирина Владимировна

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: *Статья посвящена изучению особенностей состава преступления, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ. Проведен анализ современного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за посредничество во взяточничестве, изучены проблемы определения момента окончания данного преступления, а также внесено предложение по совершенствованию данной нормы УК РФ.*

Ключевые слова: *взятка, коррупционное преступление, посредничество, момент окончания преступления, отказ от посредничества, взяткодатель, взяткополучатель.*

UDC: 343.3/7

ON THE ISSUE OF DETERMINING THE MOMENT OF THE END OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 291.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Temnikova Valeria Vladimirovna,

Scientific adviser: Fomenko Irina Vladimirovna

Abstract: *The article is devoted to the study of the features of the corpus delicti provided for in Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The analysis of modern criminal legislation providing for responsibility for mediation in bribery is carried out, the problems of determining the moment of the end of this crime are studied, and a proposal is made to improve this norm of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Keywords: *bribe, corruption crime, mediation, the moment of the end of the crime, refusal of mediation, the bribe-giver, the bribe-taker.*

Уголовное законодательство Российской Федерации содержит ряд составов преступлений коррупционной направленности. Именно к данной категории преступлений и относится посредничество во взяточничестве. Статья 291.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации в качестве самостоятельного преступления впервые была введена в УК РФ в 2011 году. Прежде в истории Российского уголовного законодательства ответственность за указанное деяние рассматривалась в качестве соучастия в совершении преступления и квалифицировалась по ч.3 ст.30 ст.ст. 290 или 291 УК РФ.

Как и в случае с получением взятки и дачей взятки, объектом посредничества во взяточничестве выступает авторитет и осуществляемая законная деятельность органов власти и местного самоуправления. Объективная сторона преступления характеризуется в выполнении субъектом ряда действий по непосредственной передаче взятки от лица взяткодателя и по его поручению в адрес должностного лица органа государственной власти или должностного лица органа местного самоуправления, иностранному должностному лицу или должностному лицу международной организации; либо любое содействие взяткодателю или взяткополучателю по достижению ими намерения по передаче взятки.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 291.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности в соответствии с ч.1 ст.20 Уголовного Кодекса Российской Федерации – 16 лет. Указанное лицо совершает настоящее преступление с прямым умыслом, осознает свои действия и их последствия в полном объеме, а также желает их наступления, что является характеристикой субъективной стороны преступления.

Под посредником понимается лицо, которое является связующим звеном между взяткодателем и взяткополучателем, которое также не имеет собственного интереса относительно предмета взятки и распоряжается

имуществом и денежными средствами взяткодателя, а не своими личными.

В соответствие с теорией уголовного права, состав преступления, предусмотренный ст. 291.1 УК РФ, является формальным – преступление считается оконченным с момента получения должностным лицом любой части передаваемых денежных средств и иных ценностей во исполнение достигнутой договоренности. При отказе взяткополучателя от принятия ценностей, равно как и при получении посредником ценностей для передачи в случае его дальнейшего задержания – действия квалифицируются по ч.3 ст.30 ст.291.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации – покушение на посредничество во взяточничестве, когда преступление не доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам. Более того, оконченным посредничество во взяточничестве считается и в том случае, когда согласно возникшей договоренности денежные средства и иные ценности должны быть помещены в условленное место, и посредником выполнены эти условия, вне зависимости от того, получен ли предмет взятки взяткополучателем.

Между тем, в случае оказания посредником в передаче взятки иного содействия, органом предварительного расследования устанавливается характер и объем указанного содействия, и на основании этого определяется момент окончания пособничества.

Также следует отметить, что ч.5 ст.291.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации предусматривает самостоятельный состав преступления – обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Обещание посредничества означает выражение согласия лица осуществить в будущем все действия, образующие объективную сторону посредничества, или часть из них. Обещание, как правило, имеет место при обращении к посреднику взяткодателя или взяткополучателя, когда инициатива исходит от них. Предложение посредничества во взяточничестве означает инициативные действия со стороны посредника, раскрывающего свои возможности договориться с соответствующими лицами о совершении необходимых действий (бездействия) в интересах дающего взятку или интересах представляемых им лиц. И обещание, и предложение посредничества во взяточничестве относятся к формальным составам и являются оконченными с момента совершения действий, указанных в уголовном законе.

В абз. 1 п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 [1] разъясняется, что обещание или предложение посредничества во взяточничестве считается оконченным преступлением с момента совершения лицом действий (бездействия), направленных на доведение до

сведения взяткодателя и (или) взяткополучателя информации о своем намерении стать посредником во взяточничестве. Приведенное толкование уголовного закона исходит из однолинейного представления о человеческих отношениях и не учитывает того обстоятельства, что в ряде случаев лицо, к которому возможный взяткодатель обращается с предложением стать посредником во взяточничестве, дает согласие, не намереваясь свое обещание исполнить.

Например, А. – внезапно попавший в сложную жизненную ситуацию человек, не видящий легальных и действенных путей разрешения острой проблемы, обращается к Б. – другу, работающему или работавшему в государственном органе, с просьбой выступить посредником во взятке кому-то из сослуживцев. Б., чтобы успокоить А. и дать ему возможность прийти в себя, а также не допустить обращения А. к кому-то еще и совершить преступления (передать или попытаться передать взятку), дает согласие на посредничество, изначально не намереваясь обещание исполнить. В последующем же общении А. предлагает Б. не торопиться с передачей взятки и поискать другие пути решения проблемы – правомерные. И даже подсказывает такие пути.

Другой вариант подобной ситуации – А. и Б. не являются друзьями, но хорошо знакомы и встречаются на вечеринке. А. находится в нетрезвом состоянии и обращается к Б. с просьбой стать посредником во взятке. Последний, зная особенности поведения А. в состоянии опьянения, полагает, что отказ приведет к скандалу, поэтому дает согласие. При этом Б. изначально не намеревается свое обещание исполнить. Он считает, что, протрезвев, А. забудет о своем намерении или, по крайней мере, больше к этой теме не вернется. Однако если А. или Б. находились под оперативным наблюдением, их разговор, в котором Б. дает согласие на посредничество во взяточничестве, может быть задокументирован и, ориентируясь на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, Б. будет немедленно задержан правоохранительными органами, привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Чтобы избежать необоснованного осуждения невиновных лиц в подобных ситуациях, необходимо разъяснить судам, что предусмотренный в ч. 5 ст. 291.1 УК РФ состав преступления, с учетом исходных начала уголовного права, закрепленных в Общей части УК РФ, будет отсутствовать, если обещание посредничества во взяточничестве дано без намерения посредничество оказать. Обязательным признаком любого преступления является общественная опасность деяния (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Однако в приведенных выше примерах такой опасности действия лица,

давшего согласие на посредничество во взяточничестве, не имеют. Они не только не опасны, но даже не вредны. Более того, в первом случае они общественно полезны, направлены на то, чтобы предупредить возможное преступление.

Чтобы облегчить разграничение деяний, влекущих и не влекущих уголовную ответственность по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, целесообразно дополнить нормы УК РФ примерным перечнем доказательств того, что лицо, давшее согласие на посредничество во взяточничестве, действительно намеревалось оказать содействие в заключении и (или) в реализации коррупционной сделки. Полагаем, что, помимо прочего, на это указывает следующее:

а) условием своего посредничества во взяточничестве лицо оговаривает денежное вознаграждение или какую-либо услугу со стороны участника или участников коррупционной сделки;

б) потенциальный посредник во взяточничестве сам предложил свои услуги предполагаемому взяткодателю или взяткополучателю;

в) после контакта, в ходе которого было дано согласие на посредничество во взяточничестве, посредник первым вышел на новый контакт с лицом, которому дал согласие, для уточнения параметров коррупционной сделки или плана по ее реализации и т.д.

Возможно также, что лицо, к которому потенциальный взяткодатель обратился за посредничеством во взятке, в силу неожиданности обращения, эмоциональной окраски ситуации первоначально не нашло в себе сил отказаться и дало согласие на посредничество, намереваясь оказать содействие своему товарищу, родственнику и т.п. Однако вскоре после общения с потенциальным взяткодателем оно осознало неприемлемость посредничества и сообщило о своем отказе от договоренности либо стало избегать потенциального взяткодателя и не осуществило никаких действий, которые способствовали бы передаче взятки. В такой ситуации действия несостоявшегося посредника в силу их малозначительности не представляют общественной опасности и уголовное преследование должно быть прекращено. Однако такое разъяснение отсутствует в упомянутом нами Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 24.

В связи с изложенным считаем целесообразным дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 и дать судам разъяснение, что если вскоре после дачи согласия на посредничество лицо добровольно отказалось от своего намерения и никаких действий по способствованию взяточничеству не совершило, то с учетом того, при

каких обстоятельствах и по каким мотивам было дано согласие, суд может прийти к выводу, что содеянное в силу малозначительности преступлением не является.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета – Федеральный выпуск № 154(6130).

© В.В. Темникова, 2021

УДК: 343.13

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Терников Вячеслав Алексеевич,

Магистрант 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Цой Бронислав Алексеевич

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: статья посвящена исследованию правовой природы разумного срока уголовного судопроизводства. Определяется, что не все представители научного сообщества относят разумный срок уголовного производства к принципам судопроизводства. Автором проводится анализ положений ст. 6.1 УПК РФ на соответствие основным критериям принципов уголовного судопроизводства. Делается вывод о том, что положение о разумном сроке уголовного судопроизводства по своей правовой природе, а не только по месту расположения в УПК РФ, является принципом уголовного судопроизводства, обладающий всеми присущими принципам свойствами.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принципы, разумный срок, критерии, правовая природа.

UDC: 343.13

PROBLEMS OF DETERMINING THE LEGAL NATURE OF A REASONABLE TIME OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Ternikov Vyacheslav Alekseevich

Scientific adviser: Tsoi Bronislav Alekseevich

Abstract: *the article is devoted to the study of the legal nature of a reasonable period of criminal proceedings. It is determined that not all representatives of the scientific community attribute a reasonable period of criminal proceedings to the principles of legal proceedings. The author analyzes the provisions of Art. 6.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation for compliance with the basic criteria of the principles of criminal proceedings. It is concluded that the provision on a reasonable time frame for criminal proceedings, by its legal nature, and not only by its location in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, is a principle of criminal proceedings, which has all the properties inherent in principles.*

Keywords: *criminal proceedings, principles, reasonable time, criteria, legal nature.*

Принятие Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [1], привело к дополнению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации статьей (6.1), которая закрепила требование о проведении судебного разбирательства в разумные сроки. Формально появление и закрепление этой статьи в гл. 2 УПК РФ означало появление нового принципа уголовного судопроизводства. Однако не все представители научного сообщества относят разумный срок уголовного производства к принципам судопроизводства [2, с. 27]. В связи с этим, в целях единообразного понимания и применения положения о разумном сроке для уголовного производства, представляется необходимым определить его правовую природу.

Следует начать с того, на основе каких критериев те или иные положения нормы уголовно-процессуального закона относят к принципам судопроизводства. У ученых-процессуалистов нет единого мнения по данному вопросу, в связи с чем в уголовно-процессуальной науке отсутствует четкое понимание принципов судопроизводства, и, соответственно, нет единого мнения по этому вопросу.

В уголовно-процессуальной науке уделяется достаточное внимание

вопросам, связанным с понятием и системой принципов уголовного судопроизводства.

Так, по мнению В. Лебедева, «принцип уголовного судопроизводства – это общее положение, исходное положение, определяющее наиболее значимые аспекты уголовно-процессуальной деятельности, построение всех стадий уголовного судопроизводства, содержание всех его форм и институтов, обеспечивающее достижение целей уголовного судопроизводства» [3, с. 27].

С точки зрения профессора В.Т. Томина, «принцип отечественного уголовного процесса – это органичное для отечественного мировоззрения, его традиций и прогнозируемого будущего идея максимальной для такого изучаемого объекта, как отечественный уголовный процесс, степени общности, проведенная в совокупности уголовно-процессуальных норм, действующих в национальном судопроизводстве, и практике их применения» [4, с. 157].

По мнению А.В. Гриненко, под принципами уголовного судопроизводства необходимо понимать «закрепленные в действующем уголовно-процессуальном законодательстве основы уголовно-процессуального права, которые наиболее полно выражают сущность уголовно-процессуальных правоотношений, являются общими для всех стадий уголовного процесса и определяют содержание остальных уголовно-процессуальных норм» [5, с. 48].

Однако, несмотря на кажущиеся различия в приведенных выше взглядах разных ученых, все они схожи в том, что принципы так или иначе определяют содержание и форму уголовного судопроизводства. Из этого следует, что принципы уголовного процесса – это положения, имеющие определенное значение и правовое содержание, нормативное закрепление и практическое выражение, непосредственно применяемые органами предварительного расследования, прокуратуры и суда и устанавливающие пределы их возможного и надлежащего поведения.

Переходя к анализу проблем определения учеными критериев принципов уголовного судопроизводства, прослеживается определенная закономерность. Большинство ученых выделяют следующие основные признаки (критерии) принципов уголовного судопроизводства [6, с. 354]:

- являются руководящими правовыми положениями;
- носят нормативный характер;
- являются общими нормами по отношению к другим нормам, т.е. имеют общий характер;
- имеют сквозной характер, т.е. принципы действуют на всех

стадиях уголовного процесса;

- каждый принцип имеет самостоятельное содержание, но при этом все принципы взаимосвязаны;
- отражают законы развития государства и права.

Основываясь на положениях о разумном сроке уголовного судопроизводства (ст. 6.1. УПК РФ), с учетом вышеперечисленных критериев, проанализируем разумный срок уголовного судопроизводства, чтобы ответить на вопрос, является ли он принципом уголовного судопроизводства.

1) Принцип является руководящим правовым положением.

М.С. Строгович определяет принципы процесса как «наиболее важные и определяющие правовые положения, на которых строится уголовный процесс, которые характеризуют его как эффективное средство активной борьбы с преступными посягательствами на государство и верховенство закона и которые выражают реализацию демократичности и законности в уголовном процессе» [7, с. 124]. В.Н. Баландин, И. Пикалов, И.В. Тыричев считают, что «принципы определяют построение всех этапов, форм и институтов уголовного правосудия» [8, с. 10]. Следовательно, выделенный критерий отмечается большинством ученых.

Требование разумного срока уголовного судопроизводства имеет определяющее, руководящее правовое положение. Оно характеризуется тем, что требование разумности сроков учитывается как при законодательном установлении сроков в уголовном процессе, так и правоприменителем при осуществлении им процессуальной деятельности. Руководящее значение означает, что требование разумного срока уголовного судопроизводства распространяется на всех участников процессуальной деятельности, является обязательным для всех. Властные субъекты в своей профессиональной деятельности должны соблюдать установленные законом сроки.

2) Нормативный характер принципов уголовного судопроизводства. Следует отметить, что у ученых разные подходы к этому критерию. Одни считают, что принципы должны быть закреплены только в уголовно-процессуальном законе [9, с. 28]; другие считают, что принципы должны быть нормативными, независимо от формы их закрепления – в Конституции, во внутреннем законодательстве или в международном акте [10, с. 575]; третьи склонны полагать, что принципы могут и не быть прямо закреплены в законе, но в то же время они должны вытекать из его смысла [11, с. 17]. Наиболее предпочтительна последняя точка зрения, поскольку система принципов уголовного судопроизводства не исчерпывается

закрепленными в гл. 2 УПК РФ, есть и другие принципы. К ним относятся, например, принцип гласности (открытости), принцип равенства всех перед законом и судом, принцип независимости судей и их подчинение только закону.

Рассматривая принцип разумного срока уголовного судопроизводства, следует отметить, что право на «ускоренное судебное разбирательство» закреплено во многих международных документах, касающихся уголовного судопроизводства. Так, согласно пп. «с» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. «уголовные дела должны рассматриваться без неоправданной задержки и в строгом соответствии с правилами судопроизводства, одной из важнейших составляющей которых являются сроки рассмотрения уголовного дела» [12].

Кроме того, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ закрепляет, что «общепризнанные принципы и нормы международного права, равно как и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [13]. Из положения данной конституционной нормы следует, что международный принцип разумного срока уголовного судопроизводства должен обязательно реализовываться в процессе законодательной и правоприменительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства.

3) Принципы являются общими нормами по отношению к другим нормам.

А.М. Баранов, касаясь этого критерия, пишет, что «принципы судопроизводства имеют приоритет в иерархии других процессуальных норм, независимо от того, как они существуют в законодательстве» [14, с. 25]. С.С. Безруков считает, что «принципы уголовного процесса включают в себя самые общие (предельно общие, максимально общие) установки (идеи), на которых строится уголовный процесс» [15, с. 45].

Таким образом, требование разумного срока является общей, определяющей нормой по отношению к другим процессуальным нормам, регулирующим сроки уголовного судопроизводства. Это требование конкретизировано и детализировано в более конкретных процессуальных нормах. Так, ст. 6.1 УПК РФ содержит только требование о разумном сроке и критерии оценки для его определения. Все процессуальные сроки, предусмотренные УПК РФ, закреплены иными нормами, при этом они не должны противоречить требованию разумности.

4) Сквозной характер. Представляется, что сквозной характер рассматриваемого принципа находит свое выражение как в сроках, установленных на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сроки рассмотрения сообщений о преступлениях; сроки предварительного следствия и дознания, и др.), так и в сроках, установленных в судебных стадиях (сроки принятия решения по поступившему уголовному делу, сроки начала судебного разбирательства и др.).

5) Каждый принцип имеет самостоятельное содержание, но при этом все принципы взаимосвязаны.

Принцип разумного срока имеет свое самостоятельное содержание, отличное от других принципов, а именно: этот принцип регулирует законодательное установление и соблюдение сроков уголовного судопроизводства в процессе правоприменения, а также устанавливает ответственность за их несоблюдение.

Принцип разумного срока тесно связан с принципами законности в уголовном судопроизводстве, защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе, обеспечения права обвиняемого и подозреваемого на защиту и т.д.

6) Принципы должны отражать законы развития государства и права.

Принципы являются объективными правовыми категориями, отражающими политические, правовые и моральные идеи, преобладающие в обществе; эти принципы тесно связаны с государственной политикой в области уголовного судопроизводства, и их формирование происходит с учетом положений международных инструментов в области прав человека [16, с. 55].

Развитие демократических принципов в процессуальном законодательстве, приоритет интересов личности, имплементация общепризнанных принципов и норм международного права в российскую правовую систему обусловили необходимость дополнения системы принципов новым положением, его закрепление в ст. 6.1 УПК РФ.

Таким образом, положение о разумном сроке уголовного судопроизводства по своей правовой природе, а не только по месту расположения в УПК РФ, является принципом уголовного судопроизводства, обладающий всеми присущими принципам свойствами.

Список литературы

1. *Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ (в актуальной редакции) «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства РФ. 03.05.2010. № 18. Ст. 2144.*

2. Образцов А.В. *От разумных сроков в уголовном процессе к принципу разумности* // *Российский следователь*. 2011. № 16. – С. 27.
3. *Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный)* / Под ред. В.М. Лебедева. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. – С. 379.
4. *Принципы отечественного уголовного процесса: монография* / Под ред. В.Т. Томина. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 157.
5. *Гриненко А.В. Принципы уголовного судопроизводства и их система* / Под ред. Н.А. Колоколова. – М.: Юрайт, 2011. – С. 48.
6. *Урбан В.В. Реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства: Дисс. на соиск. ученой степени к.ю.н.* – М., 2013. – С. 16; *Манова Н. С. Уголовный процесс: учебное пособие для вузов*. 13-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2021. – С. 354.
7. *Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2-х т.* – М, 1968. – Т. 1. – С. 124.
8. *Баландин В.Н. Принципы юридического процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* – Самара, 1998. – С. 8; *Пикалов И.А. Состязательность в системе принципов уголовного процесса и ее реализация стороной защиты на досудебных стадиях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* – Екатеринбург, 2006. – С. 10; *Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса.* – М., 1983. – С. 4.
9. *Чурсина И.В. Принципы уголовного судопроизводства* // *Уголовное судопроизводство*. 2020. № 4. – С. 28.
10. *Манова Н.С., Баранова М.А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности* // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2019. № 3. – С. 575.
11. *Безруков С.С. Система принципов отечественного уголовного процесса: актуальные проблемы и подходы к построению* // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 3. – С. 17.
12. *Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.* // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 1994. № 12.
13. *Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)* // СПС «Консультант Плюс»
14. *Баранов А.М., Марфицин П.Г. Нормы-принципы уголовного процесса: закон и теория* // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2020. № 37. – С. 28.
15. *Безруков С.С. Принципы уголовного процесса: системные*

требования // В сб.: Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. 2016. – С. 45.

16. Тимонин Д.А. Значение на практике основных принципов уголовного процесса // В сб.: Инновации в науке и практике. Сборник статей по материалам IX международной научно-практической конференции. В 3-х частях. 2018. – С. 55.

© В.А. Терников, 2021

УДК: 343.98

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ «УБИЙСТВ ПРОШЛЫХ ЛЕТ»

Тимохин Юрий Олегович,

Студент 4 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Розава Инга Георгиевна,

старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в настоящей работе анализируются положения уголовно-процессуального законодательства и криминалистики, регулирующие институт теоретических и практических вопросов методики расследования «убийств прошлых лет». В статье дается оценка существующим и законодательно закрепленным методикам расследования «убийств прошлых лет» как с точки зрения теоретического соответствия существующей системе принципов уголовного процесса, так и со стороны полноты реализации и целесообразности их применения в практической деятельности следственных органов.

Ключевые слова: криминалистика, тактические операции, преступление, следователь, методика расследования преступления, убийства прошлых лет.

UDC: 343.98

**THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES OF THE METHODOLOGY
OF INVESTIGATION OF "MURDERS OF THE PAST YEARS"**

Timokhin Yuri Olegovich,

Scientific adviser: Rogava Inga Georgievna

***Abstract:** this paper analyzes the provisions of the criminal procedure legislation and criminalistics regulating the institute of theoretical and practical issues of the methodology of investigation of "murders of the past years". The article assesses the existing and legally established methods of investigating "murders of the past years" both from the point of view of theoretical compliance with the existing system of principles of criminal procedure, and from the side of completeness of implementation and expediency of their application in the practical activities of investigative bodies.*

***Key words:** criminalistics, tactical operations, crime, investigator, methods of investigating crimes, murders of previous years.*

Говоря о таких преступлениях как «убийства прошлых лет», необходимо учитывать как достаточность доказательств в совершении данного преступления, так и возможность процессуально грамотно подобрать методику расследования. В свою очередь, к числу важнейших должностных обязанностей сотрудников Следственного комитета Российской Федерации является раскрытие преступлений прошлых лет. На сегодняшний день, данная деятельность становится все более актуальной, поскольку значительное количество преступлений остается не раскрытыми.

Анализ материалов практики Следственного Управления Следственного комитета Российской Федерации по Ростовской области позволяет сделать вывод о том, что на данный момент ведется активное расследование уголовных дел прошлых лет, где центральное место занимают дела именно по факту совершения убийства [1].

Не имеет смысла оспаривать существование объективной необходимости оптимизировать и вывести на новый уровень методику расследования «преступлений прошлых лет». В 2014 году такие попытки сотрудниками Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации были предприняты. Так в силу вступил приказ от 31.07.2014 г. № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет», в котором, в целях повышения

эффективности работы следственных органов, изложен перечень действий, обязательных для выполнения всеми сотрудниками [2].

Основополагающими задачами данного указа является анализ и изучение уголовных дел по раскрытию убийств и иных тяжких и особо тяжких преступлений «прошлых лет» против личности, анализ поступающей в рамках уголовных дел информации о преступлениях «прошлых лет» и определение преступлений, имеющих перспективу раскрытия, выработка рекомендаций по конкретным уголовным делам, имеющим перспективу раскрытия.

Статистика Генеральной прокуратуры Российской Федерации свидетельствует о том, что за последние несколько лет по Ростовской области показатель раскрываемости убийств «прошлых лет» вырос с 58% до 71% [3].

Увеличение процента раскрытых дел зависит в первую очередь от оптимизации самой методики расследования преступлений, а именно научно-технического прогресса. Яркими примерами могут послужить программы по распознаванию лица, введения новых криминалистических экспертиз, камеры наружного наблюдения, которые устанавливаются повсеместно.

К сожалению, не смотря на положительную динамику раскрываемости, процент нераскрытых дел остается достаточно высоким. В результате чего необходимо продолжать совершенствовать существующие методики расследований «преступлений прошлых лет».

Как было сказано выше основным критерием эффективности расследования «убийств прошлых лет» является в первую очередь качественное и целесообразное проведение процессуальной проверки. Более того, необходимо отметить значимость и надлежащее выполнение оперативно-розыскных мероприятий. Такой подход поможет более обширно поспособствовать раскрытию дела. В результате чего, в наши дни, сотрудники следственного органа активно используют тактические операции, которые входят в саму систему расследования уголовного дела, что способствует более быстрому решению сложных задач.

Из вышесказанного можно сформулировать определение «тактической операции». Это система спланированных следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий, способствующих грамотному решению отдельно взятых промежуточных задач расследования. Тактическая операция способствует:

1. эффективному использованию оперативных возможностей органов дознания, что обеспечивает оптимальное решение различного рода тактических задач;
2. широкому использованию криминалистической и оперативной техники;
3. представить суду комплекс наглядных и убедительных доказательств, подтверждающих вину обвиняемого;
4. преодолеть дублирование в сборе и обработке фактических данных, используемых следователем и органом дознания [4, с. 150-152].

Также к иным мероприятиям способствующим улучшению методики расследования «убийств прошлых лет» можно отнести: направление органом следствия запросов в различные организации, например в сотовые компании для установления лица, пользующегося интересующим следствии абонентским номером, получения детализации телефонных соединений, в том числе с указанием базовых станций, получения биллинговых соединений в радиусе места совершения преступления, в ГИБДД на установление владельца интересующего автомобиля [5, с. 98-100].

При расследовании убийств прошлых лет органы следствия и дознания подходят к выполнению тактических операций с учетом прошедшего временного промежутка и производства современных судебных экспертиз (молекулярно-генетическая, дактилоскопическая и др.), а также имеющейся следственно-судебной практики и проведения новых оперативнорозыскных мероприятий.

Таким образом, на сегодняшний день в деятельности следственных органов очевидно существование некоего организационного пробела в области раскрытия «убийств прошлых лет». Наличие такой проблемы влечет затягивание процессуальных сроков рассмотрения уголовного дела, нарушение неукоснительного следования принципам разумного срока судопроизводства, а также своевременной доступности правосудия для каждого. Но вместе с этим, не стоит недооценивать ту колоссальную работу, которую уже проделали сотрудники следственного органа. На наш взгляд, методика расследования таких уголовных дел должна постоянно совершенствоваться и улучшаться, дабы оптимизировать процент раскрываемости уголовных дел.

Список литературы

1. *Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [Sbornik_30.11.20.pdf \(academy-skrf.ru\)](http://academy-skrf.ru/Sbornik_30.11.20.pdf)*

2. Следственный комитет Российской Федерации Приказ от 31 июля 2014 г.

3. «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [Приказ СК России от 31.07.2014 N 65 \(rulaws.ru\)1/](http://www.rulaws.ru)

4. Статистические данные Генеральной прокуратуры по Ростовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [Статистические данные – Прокуратура Ростовской области \(genproc.gov.ru\)](http://genproc.gov.ru)

5. Ворфоломеев А.К. Актуальные проблемы тактической операции в уголовном судопроизводстве// Уголовное право. – 2021. – № 3. – С. 150-152

6. Мельников М.А. Некоторые вопросы криминалистики // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 73-5. – С. 98-100.

© Ю.О. Тимохин, 2021

УДК: 343.23

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ФОРМЕ БЕЗДЕЙСТВИЯ

Урубжуров Мутл Саналович,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Фоменко Ирина Владимировна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье рассматривается особая форма деяния – бездействие. Данная форма поведения исследуется на основании анализа его признаков. Автором устанавливаются особенности уголовной ответственности и даются некоторые рекомендации юридической оценки преступлений, совершенных в форме бездействия.

Ключевые слова: бездействие, деяние, объективная сторона, уголовная ответственность, юридическая оценка.

UDC: 343.23

**ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY OF CRIMES COMMITTED IN
THE FORM OF INACTION**

Urubzhurov Mutl Sanalovich,

Scientific adviser: Fomenko Irina Vladimirovna

***Abstract:** the article considers a special form of action – inaction. This form of behavior is investigated based on the analysis of signs of criminal inaction. The author establishes the features of criminal responsibility and gives some recommendations for the legal assessment of crimes committed by inaction.*

***Keywords:** inaction, act, objective side, criminal liability, legal assessment.*

Основным признаком объективной стороны состава преступления, ее ядром является преступное деяние. Категория «деяние» употребляется законодателем не для того, чтобы объединить действие и бездействие в одно понятие, а для того, чтобы признать преступлением не мысли, не «опасное состояние личности», а именно деяние, т.е. внешнее поведение. Понятие «деяние» в настоящее время законодательно не закреплено. Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит определения форм деяния – действия и бездействия.

Практическая сторона вопроса связана с тем, что от правильного определения признаков объективной стороны состава преступления зависит верная юридическая оценка содеянного, и следовательно, степень законности в нашей стране. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что значительное количество судебных решений отменяется из-за ошибочной оценки объективных признаков состава преступления. Подобные ошибки связаны с неверно установленными признаками преступного бездействия, что существенно затрудняет единообразное применение уголовного закона. Именно практическая значимость и теоретическая сложность проблемы юридической оценки преступлений, совершенных в форме бездействия, обуславливают необходимость исследования их аспектов.

Раскрыть характеристику преступного бездействия не просто, прежде всего, потому что общественная опасность преступлений, совершенных в пассивной форме, заключается в бездейтельном поведении виновного, в непредотвращении наступления, в результате совершения общественно опасного деяния, тех или иных тяжких последствий.

Бездействие представляет собой вторую форму деяния. Оно, по подсчетам А.И. Бойко, представлено в четверти статей Особенной части УК РФ; причем удельный вес составов, предусматривающих бездействие в числе признаков объективной стороны, наиболее высок в группе преступлений против общественной безопасности и общественного порядка (41,5%), против военной службы (23,1%) и значительно меньше в группе преступлений против личности (12,3%), в сфере экономики (12,3%) и против государственной власти (10,1%) [1, с. 191]. Это обстоятельство свидетельствует о том, что бездействие как форма преступного поведения наиболее характерно для тех сфер общественной жизни, где наиболее тесны социальные связи, взаимодействие между людьми, где имеет место прочное сцепление прав одних и обязанностей других лиц, их детальное регламентирование.

Относительно небольшой удельный вес бездействия в общем массиве криминализированных законодателем поступков объясняется, прежде всего, меньшей причиняющей способностью бездействия (степенью вероятности причинения вреда); как правило, опосредованным характером причинения вреда (в ситуации, когда источник опасности находится за рамками поведения субъекта, а последний не предпринимает усилий по его ликвидации либо предупреждению последствий); ограниченностью сферы общественных отношений, которые могут претерпеть отрицательные последствия при бездействии; меньшей степенью общественной опасности деяний, выражаемых бездействием. Однако указанное не означает минимизацию проблем, связанных с пониманием бездействия и его оценкой; скорее, напротив, предъявляет повышенные требования к уяснению его сути, границ криминализации и характера ответственности.

Важно обратить внимание на то, что бездействие – это не просто отсутствие телодвижений или состояние физического покоя, тем более не общественно опасное состояние личности, потенциально готовой к активным криминальным действиям. Бездействие – это форма внешнего поведения лица, обособленный во времени и пространстве общественно опасный поведенческий акт. По своим психофизическим и социальным характеристикам бездействие не отличается от активных преступных действий. Как и действие, оно представляет собой опосредованную сознанием реакцию лица на те или иные внешние раздражители, при которой лицо направляет свои волевые усилия на то, чтобы не совершить определенные действия. Волевой характер бездействия предполагает, что у лица всегда есть выбор: действовать в ответ на реакцию или не действовать. При этом очевидно, волевое бездействие лица будет

заслуживать уголовно-правового упрека лишь в том случае, если выполнение каких-либо действий являлось его непосредственной обязанностью [2, с. 45].

Так, лица определенных профессий (врачи, сотрудники правоохранительных органов и т.д.) должны выполнять свои обязанности в срочных случаях, даже в нерабочее время. В других случаях ответственность возникает только за бездействие в течение периода, когда человек должен находиться на рабочем месте в рабочее время. Ответственность может также возникнуть за неисполнение обязательств, вытекающих из трудового или иного гражданского законодательства. Профессиональные обязанности и служебное положение подразумевают строго определенное поведение человека, регулируемое нормативными актами, а также выполнение необходимых профессиональных или официальных действий. Например, отказ врача от помощи пациенту является преступлением согласно ст. 124 УК РФ.

Приведем пример из судебной практики: «Халилова признана виновной и осуждена за то, что, будучи лицом, обязанным оказать помощь больному в соответствии с законом, без уважительных причин не оказала такую помощь больному, что повлекло по неосторожности его смерть. Ругин, зная обстоятельства преждевременных родов Ш. и состояние родившегося ребенка, дал указание Халиловой оформить ребенка как мертворожденного. При этом, ссылаясь на заключение комплексной фоноскопической и лингвистической экспертизы, согласно которому, Ругин своими советами и инструкциями предложил, а затем и потребовал от Халиловой лишить ребенка жизни. Халилова, Ругин, Васильева осознавали, что после рождения ребенок был некоторое время жив, но вместе с тем, чтобы скрыть свое бездействие по спасению его жизни, Халилова и Васильева, руководствуясь советами Ругина, при оформлении необходимых медицинских документов указали, что ребенок родился мертвым, без единого признака живорождения» [3].

При формировании позиции законодателя о возможности установления уголовной ответственности за бездействие возникает правомерный вопрос: в каких случаях такая ответственность будет социально оправданной. Анализ текста закона позволяет обозначить три ситуации: 1) когда бездействие лица преследует цель причинения вреда, «бездействие – причинение» (например, когда мать отказывается от кормления новорожденного ребенка с целью лишения его жизни); 2) когда в ситуации опасности, возникшей помимо воли лица, оно не предпринимает действий, направленных на устранение этой опасности или

предотвращение возможных опасных последствий (например, когда врач не оказывает помощи больному); 3) когда невыполнение лицом каких-либо действий создает опасность наступления или реальное наступление общественно опасных последствий (например, при нарушении правил дорожного движения [4, с. 397]).

Уголовная ответственность за бездействие может наступить только в том случае, если у лица была реальная возможность в данной ситуации совершить требуемое от него действие. Однако, как справедливо отмечает В.В. Болотов, при применении отдельных норм, предусматривающих уголовную ответственность за те или иные виды бездействия, это важное условие для признания пассивного поведения преступным иногда упускается из виду. Отсутствие в уголовном законодательстве положений, регламентирующих общие условия уголовной ответственности за преступное бездействие играет в распространенной практике не последнюю роль. Ведь далеко не в каждой статье Особенной части УК РФ, регламентирующей составы бездействия, прямо указывается на неуважительные причины для неисполнения соответствующей обязанности [5, с. 8].

Для решения вопросов о моменте окончания преступления, добровольном отказе, соучастии и др. важно определить начальный и конечный моменты преступного деяния, совершаемого путем бездействия. Для начала преступного бездействия необходимо совпадение трех условий: 1) наличие обязанности у лица действовать определенным образом; 2) наличие возможности действовать; 3) невыполнение действий, которые лицо обязано было и могло совершить. Преступное бездействие может быть прекращено явкой с повинной; в момент причинения деяния; прекращением обязанности действовать определенным образом; появлением обстоятельств, которые делают невозможным реализацию обязанности действовать. Преступное бездействие прекращается и при декриминализации деяния [6, с. 76].

Покушение путем бездействия можно совершить лишь на преступление с материальным составом, при этом необходимо наличие определенных условий: во-первых, возложенность на лицо бремени выполнения определенного действия (на основании нормативно-правового акта, отношений родства, профессиональной обязанности, служебных функций); во-вторых, невыполнение конкретных социально необходимых действий лицом, обязанным их выполнить; в-третьих, лицо само ставит потерпевшего в опасное положение; в-четвертых, наличие реальной возможности выполнения соответствующих действий; в-пятых, покушение

на преступление возможно в виде смешанного бездействия [7, с. 44].

Следовательно, только совокупное наличие нормативно установленной обязанности и реальной возможности исполнить действие являются необходимыми условиями уголовной ответственности за преступное бездействие.

Список литературы

1. Бойко А.И. Преступное бездействие. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. – 318 с.

2. Велиев И.В.-оглы. Об объективной стороне преступления: Монография. М.: Московский университет МВД России, ООО «ЮРКОМПАНИЯ», 2009. – 272 с.

3. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.03.2019 № 85-АПУ19-1 // СПС «Консультант Плюс».

4. Илларионов С.С., Фоменко И.В. Характеристика некоторых объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ. В сб.: Молодежь и наука: реальность и будущее. Материалы XI Международной научно-практической конференции. – Невинномысск, 2018. – С. 396-399.

5. Болотов В.В. Бездействие как форма преступного поведения // Азиатский правовой журнал. – 2020. – № 1. – С. 6-9.

6. Уголовное право. Общая часть. В 2 т. Том 1: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. – М.: Юрайт, 2020. – 229 с.

7. Камалова Д.Г. Возможно ли покушение путем бездействия? // Российский следователь. – 2016. – № 18. – С. 43-46.

© М.С. Урубжуров, 2021.

УДК: 343.3/7

**РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ,
СПЕЦИАЛЬНЫХ, АНТИДЕМПИНГОВЫХ
И (ИЛИ) КОМПЕНСАЦИОННЫХ ПОШЛИН**

Хальзов Мирослав Игоревич,

Студент 4 курса

Ростовского филиала ГКОУ ВО

«Российская таможенная академия»

Научный руководитель:

Подройкина Инна Андреевна

д.ю.н., доцент, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин

Ростовского филиала ГКОУ ВО

«Российская таможенная академия»

***Аннотация:** в статье рассмотрены основные этапы развития норм об уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин в истории российского (советского) уголовного права. Автор проследил возникновение и эволюцию данных норм со средневекового периода до момента принятия последних изменений в УК РФ.*

***Ключевые слова:** государство, таможенные платежи, уплата таможенных платежей, уголовная ответственность, налогообложение.*

UDC: 343.3/7

**DEVELOPMENT OF DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION
REGULATING RESPONSIBILITY FOR EVASION
OF CUSTOMS PAYMENTS, SPECIAL, ANTI-DUMPING
AND (OR) COMPENSATION DUTIES**

Khalzov Miroslav Igorevich,

Scientific adviser: Podroykina Inna Andreevna

***Abstract:** The article discusses the main stages of the development of norms on criminal liability for evasion of customs duties, special, anti-dumping and (or) countervailing duties in the history of Russian (Soviet) criminal law. The author traced the origin and evolution of these norms from the medieval period to the adoption of the current Criminal Code of the Russian Federation.*

Keywords: *state, customs payments, payment of customs duties, criminal liability, taxation.*

История развития уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин тесно связана с историей самого государства, эволюцией его политического режима, социальной структуры, экономики и внешнеполитического курса. Как верно замечает доктор юридических наук И.А. Подройкина: «совершенствование любого уголовно-правового института невозможно без учета исторического опыта, который поможет найти более корректные решения вопросов, либо наоборот – позволит обратить внимание на ошибки, которые не следует допускать при совершенствовании уголовного законодательства» [6, с. 177]. Проблемы, возникающие при реформировании главы 22 УК РФ (бессистемное увеличение порога уголовной ответственности и включение в закон новых составов преступлений), и в частности ст. 194, актуализируют исследования, связанные с рассмотрением исторического аспекта уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин [7, с. 67].

Несмотря на то, что письменных документов, подтверждающих возникновение таможенных сборов (не имевших еще подобного названия) на территории Древней Руси, не обнаруживается, исследователи относят возникновение налогообложения в таможенной сфере ориентировочно к IX-X веку. Первым письменным документом, в котором встречается упоминание об этом, является договор Руси с Византией 911 г., регулирующий вопросы беспошлинной торговли русских купцов. По условиям данного соглашения русские купцы освобождались от уплаты основного таможенного сбора – «мыта», взимаемого за провоз товаров, пользование местом и соблюдение порядка при торговле.

Таможенное обложение получает свое дальнейшее развитие в XI-XIII в., что обуславливалось интенсивным расширением торговых отношений Руси с другими странами и землями Европы. Торговые и таможенные пошлины по-прежнему были тождественными понятиями и имели общее наименование – мыт. Исходной расчетной единицей таможенных сборов являлись количественные характеристики товара («воза»), однако впоследствии, при определении их размера, стали обращать внимание и на ценность объекта обложения.

С момента начала феодальной раздробленности на Руси, единых законов, в том числе и о таможенных платежах, не существовало, порядок их расчета и уплаты устанавливался актами (грамотами, договорами и т.д.) каждого отдельного княжества. Следствием татаро-монгольского нашествия (1237–1480) стало появление в русском языке тюркского понятия «тамга», означающего с одной стороны – родовую печать, свидетельствующую об уплате соответствующей пошлины, с другой – ставку пошлины. От слова «тамга» образовался глагол «тамжить», т.е. облагать товар пошлиной, а место, где товар «тамжили», стало называться таможенной. Постепенно за всеми сборами с товаров, предназначенных для продажи, закрепилось наименование таможенных. Однако сведений о наказаниях за уклонение от уплаты таможенных платежей в документах данного периода не встречается [1, с. 25].

Основу торгового и таможенного законодательства России в период образования единого централизованного государства (XVI – первой половине XVII в.) составляли таможенные уставные грамоты, адресованные головам и целовальникам, выполнявшим обязанности по сбору таможенных пошлин «на веру», откупщикам, монастырям, воеводам и приказным людям. Данные документы содержали сведения о сборах, подлежащих взысканию, их размерах, порядке уплаты, санкциях за уклонение от таможенного налогообложения. Появилась структура таможенных органов и специальные документы: «таможенный голова» (старший таможенник), «таможенная грамота» (разрешение организовывать в своих владениях торговлю и брать с привозимого товара пошлину). Одной из вех на пути дальнейшей организации таможенной системы России явилась разработка и принятие в середине XVII в. трех нормативных актов, содержащих положения, касающиеся таможенного регулирования – Соборного уложения 1649 года, Именного указа 1653 г. «О взимании таможенной пошлины с товаров в Москве и в городах с показанием по сколько взято и с каких товаров» и Новоторгового устава 1667 г.

Соборное уложение 1649 г. является первым нормативным актом, содержащим специальную главу, посвященную таможенным платежам – «О мытах, и о перевозе, и о мостах». Уложением подробно регламентировались льготы определенных сословий, излагались требования к провозимым товарам, а также содержались запреты на введение новых таможенных сборов. Впервые закреплялась ответственность за уклонение от уплаты таможенных сборов путем прикрытия именами лиц, имеющих льготы – «тем людям по тому же

чините наказание, бити кнутом и имати на Государя пени по пяти рублей с человека...».

Вслед за Соборным уложением, Указ 1653 г. установил равное для всех торговых сделок таможенное обложение, т.е. единую таможенную пошлину (с этих пор рублевая пошлина стала единственной – 5 % от цены товара). Вводилось и такое новшество, как выписи о количестве и наименовании товаров, провозимых через таможенную в Москву из городов и, наоборот, – из столицы в города. Главным препятствием на пути развития внешней торговли продолжали оставаться привилегии иностранцев, необходимо было закрепить некоторые положения Именного указа 1653 г. и обеспечить защиту русских купцов от засилья иностранцев. С этой целью был разработан Новоторговый устав 1667 г. подразделяющий внешние таможенные пошлины на ввозные и отпускные, внутренние – на рублевую, перекупную и различные сборы. Цель внешних торговых пошлин – сбор с товаров, перемещаемых в Россию из-за рубежа, при этом, торговля с иностранцами разрешалась только через г. Архангельск. В Новоторговом уставе 1667 г. также получили подробное закрепление правила таможенного контроля (товары, привозимые на продажу, подвергались доскональному досмотру) [2, с. 80].

К началу XVIII в. в Российском государстве существовала полноценная система взимания и расчета таможенных платежей, вместе с тем, выход к Балтийскому морю (и, как следствие, расширение внешнеэкономических связей с Европой), активное развитие промышленности и сельского хозяйства, возникновение новых торговых путей требовали незамедлительного пересмотра некоторых положений таможенного законодательства. Период правления Петра I ознаменовался новым подходом к системе таможенных учреждений, на смену Приказу большой казны (осуществляющей функции по сбору таможенных платежей) пришла, созданная в 1718 г. Коммерц-коллегия, за которой закреплялось ведение по всем вопросам, касающимся внешней торговли и установления таможенных тарифов, пошлин и сборов.

В 1724 г. принимается протекционистский Таможенный тариф, поддерживающий отечественное производство путем обложения высокими таможенными пошлинами товаров, производство которых в России или было освоено, или налаживалось. Негативной стороной принятия «Покровительственного тарифа» явилось ослабление притока таможенных доходов и усиление контрабандного ввоза товаров, вследствие чего, в 1725 г. сенатом было принято решение ослабить протекционистские меры.

Российское государство, политическое объединение которого произошло в XV–XVI вв., в экономическом отношении оставалось раздробленным. В каждой губернии (провинции) взимались собственные привозные и торговые пошлины, существовало множество всяких мелочных сборов, сильно стеснявших внутреннюю торговлю. Важнейшим мероприятием в области таможенного дела, связанным с именем фаворита Елизаветы Петровны – графом П.И. Шуваловым, явилась ликвидация таможенных ограничений внутри страны. В 1753–1754 гг. более двадцати существовавших внутренних платежей были заменены единообразной таможенной пошлиной на границах государства, взимавшейся со всех ввозимых и вывозимых товаров в портовых и пограничных таможнях (в размере 13 коп. с 1 руб. стоимости). Именно с данного периода таможенная пошлина приобретает свое индивидуальное, современное значение.

Развитие капитализма в России к середине XIX в. потребовало проведения новой кодификации таможенного законодательства, в котором значительное место отводилось вопросам борьбы с уклонением от уплаты таможенных платежей и контрабандой. Систематизированное законодательство об уголовной ответственности за указанные деяния появилось в Таможенном уставе 1819 г., откуда оно затем было перенесено в Уложение о наказаниях 1845 г.

В Таможенном уставе впервые выделяется целый раздел, посвященный таможенным правонарушениям (часть IV), именуемый «О последствиях утайки таможенных пошлин и привоза запрещенных товаров», закрепляется понятие таможенного правонарушения, виды и способы их совершения. При анализе положений Таможенного устава 1819 г. прослеживается объединение составов контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей, посредством указания единого предмета данных правонарушений – «тайно ввозимые» товары. Так, за «пошлинный товар тайнопровезенный, задержанный или пойманный» предусматривалась конфискация товара с одновременным взысканием штрафа с «провозителя» (перевозчика) или хозяина товара в сумме, равной 5-кратному размеру пошлины. Более строгая ответственность предусматривалась за тайный провоз товара запрещенного – кроме конфискации товара, взыскивалась еще и двойная цена товара [3, с. 174].

После февральской революции процессы советизации охватили таможенную службу. В письме об отмене денежных налогов от 30.11.1920г. В.И. Ленин утверждал, что «денежная форма налогов, в том числе таможенных пошлин устарела, т.к. переход от денег к безденежному

продуктообмену беспорен». В связи с этим, в первые месяцы советской власти, а затем и в период военного коммунизма таможенным платежам отводилась весьма скромная роль. Полное отсутствие товарного и денежного обмена внутри страны, изоляция от внешнеторгового оборота лишали смысла существование уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей.

Важнейшим шагом в борьбе с таможенными правонарушениями явилось принятие первого Уголовного кодекса РСФСР, введенного в действие с 1 июня 1922 г. В УК РСФСР контрабанда (ст.ст. 74, 104) отнесена к главе «Государственные преступления», в раздел 2 «О преступлениях порядка управления»: «Нарушение законов и обязательных постановлений о ввозе за границу или провозе за границу товаров карается...». Аналогичное деяние, совершенное при отягчающих обстоятельствах (совершение преступления должностным лицом, вооруженной группой лиц, либо путем провоза запрещенных товаров) могло повлечь применение высшей социалистической меры – расстрел. С 1 января 1927 г. был введен в действие Уголовный кодекс РСФСР, который с последующими изменениями и дополнениями действовал до 1960 г. Уголовное законодательство о контрабанде, сложившееся к 30-м годам, оставалось в основном неизменным до принятия Верховным Советом СССР 25.12.1958 г. «Закона об уголовной ответственности за государственные преступления». Практика борьбы с преступностью во многом опережала теоретическую разработку конкретных проблем уголовного права, т.е. содержание практики борьбы с преступностью не обрело соответствующую правовую форму, отраженную в законодательстве. Так, декретами ВЦИК органам Государственного политического управления предоставлялось право применять внесудебную репрессию вплоть до расстрела в случае обнаружения нелегального ввоза товаров на территорию РСФСР [4, с. 54].

Отсутствие в вышеуказанных законах состава уклонения от уплаты таможенных платежей объясняется, в первую очередь, монополией советского государства на внешнюю торговлю. Ущерб в экономической сфере сводился главным образом к ущербу от контрабанды, за неуплату таможенных пошлин юридическая ответственность ограничивалась лишь административным наказанием. Так продолжалось до известных политических событий конца 80-х начала 90-х годов, за которыми последовали экономические реформы и принятие в 1993 году Таможенного кодекса РФ. Вектор перемен был направлен от жесткой регламентации государства во внешнеэкономической деятельности к его

либерализации и увеличению числа ее участников. Резкое увеличение валютных операций, а также вторжение большого количества субъектов внешнеэкономических связей при одновременном ослаблении контроля государства, привели к невероятному росту случаев уклонения от уплаты таможенных платежей.

Неуклонно возрастающая сумма неуплаченных таможенных платежей, негативно влияющая на показатели новой экономической системы, вызвала необходимость введения уголовной ответственности за данное деяние. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» от 01.07.1994 г. включил в УК РСФСР 1960 г. специальную норму 162-6 «Уклонение от уплаты таможенных платежей», которая действовала вплоть до 1 января 1997 года. С вступлением в силу современного Уголовного кодекса РФ, рассматриваемая норма представлена в иной редакции. Законодатель применил значительное смягчение санкции статьи, исключив наказание в виде лишения свободы из перечня возможных наказаний основного состава. Однако ряд недостатков конструкции статьи, а также возросшая общественная опасность непоступления средств в федеральный бюджет стали поводом для принятия Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» от 25.06.1998. В первую очередь изменения коснулись названия и диспозиции статьи, путем указания субъекта – плательщика таможенных платежей («с организации или физического лица»). Был существенно расширен круг квалифицирующих обстоятельств (совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, неоднократно и др.), значительно ужесточилась санкция основного и квалифицированного состава.

В редакции Федерального закона от 25.06.1998 № 92-ФЗ статья 194 УК РФ с небольшими изменениями в части квалифицирующих признаков и примечания просуществовала до 1 июля 2021 года. Федеральным законом «О внесении изменений в статью 194 УК РФ» от 01.07.2021 к предмету преступления были отнесены также специальные, антидемпинговые и компенсационные пошлины. До внесения изменений ст. 194 Уголовного кодекса РФ предусматривала уголовную ответственность за совершенное в крупном или особо крупном размере уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации и физического лица, в связи с чем, не могла применяться к аналогичным деяниям, совершаемым в отношении пошлин, которые не относятся к таможенным платежам и уплачиваются помимо них в отношении ввозимых товаров. Такая ситуация оказывала существенное отрицательное

влияние на результативность деятельности государственных органов по предотвращению ущерба Российской Федерации, причиняемого злонамеренными действиями недобросовестных лиц, направленными на уклонение от уплаты пошлин. Ущерб, причиняемый уклонением от уплаты пошлин, в особенности в крупном размере, в силу их предназначения, носит «кумулятивный» характер, который в совокупности является не меньшим, чем ущерб от аналогичных противоправных действий другим видам обязательных платежей в бюджет, за совершение которых в крупном размере предусмотрена уголовная ответственность (прежде всего, таможенными платежами). По состоянию на 1 января 2021 г. в таможенных органах учитывается 514 фактов задолженности по пошлинам на общую сумму 384 млн. рублей у 96 участников внешнеэкономической деятельности. Кроме того, следует отметить, что в ряде иных государств-членов Союза (Республика Армения, Республика Казахстан) национальное законодательство предусматривает уголовную ответственность за уклонение от уплаты специальных, антидемпинговых и компенсационных пошлин [5, с. 81].

Таким образом, история развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей насчитывает тысячелетия. Возникнув в силу объективного исторического процесса, таможенные платежи развивались вместе с экономикой и торговлей Древней Руси, а затем и Российского государства. Возникновение уголовной ответственности за неуплату таможенных платежей тесно связано с конкретным историческим периодом нашего государства, с необходимостью защиты интересов национальной экономики страны. В результате многовекового развития таможенного законодательства, в современном Российском государстве сложилась эффективная правовая система предупреждения и противодействия преступлениям, связанным с уклонением от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин.

Список литературы

1. Джабиев, А. П. *Основы таможенного дела: учебник для вузов / под общей редакцией А. П. Джабиева.* – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2020. – 489 с.
2. Жуковец В. Ю. *Таможенное право в вопросах и ответах.* – М., 2005. – 178 с.
3. Лодыженский, К. Н. *История русского таможенного тарифа / К. Н. Лодыженский.* – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 325 с.

4. Матвеева, Т. А. Таможенное право: учебное пособие для вузов / Т. А. Матвеева. – 2-е изд., доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 224 с.

5. Новикова, С. А. Таможенное дело и таможенное регулирование в ЕАЭС: учебник для вузов / С. А. Новикова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 376 с.

6. Подройкина И.А. Исторические традиции и преемственность построения системы уголовных наказаний в России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 4 (23). – С. 176–181.

7. Подройкина И.А. Преступления в сфере экономической деятельности: обзор изменений главы 22 УК РФ // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 10 (87). – С. 63–67.

© М.И. Хальзов, 2021

УДК: 343.13

ОСОБЕННОСТИ СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЫ ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цаплина Ольга Владимировна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Палиева Оксана Николаевна,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: Автором статьи рассматривается вопрос о ключевых особенностях дознания в сокращенной форме в рамках уголовного процесса Российской Федерации. В статье раскрыт порядок проведения дознания в сокращенной форме, основания для его проведения, а также иные характерные признаки. В рамках статьи также рассмотрены основные проблемы, связанные с осуществлением дознания в сокращенной форме в современном уголовном процессе Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовный процесс, дознание, сокращенная форма дознания, досудебное производство.

UDK: 343.13

**PECULIARITIES OF THE ABBREVIATED FORM OF INQUIRY
IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Tsaplina Olga Vladimirovna

Scientific adviser: Palieva Oksana Nikolaevna

***Abstract:** The author of the article considers the question of the key features of the inquiry in an abbreviated form in the criminal process of the Russian Federation. The article reveals the procedure for conducting an inquiry in an abbreviated form, the grounds for its conduct, as well as other characteristic features. The article also discusses the main problems associated with the implementation of the inquiry in an abbreviated form in the modern criminal process of the Russian Federation.*

***Key words:** criminal procedure law, criminal procedure, inquiry, abbreviated form of inquiry, pre-trial proceedings.*

В рамках уголовного процесса Российской Федерации предусмотрено две формы предварительного расследования: дознание и предварительное следствие. Согласно положениям статьи 5 УПК РФ дознание представляет собой форму предварительного расследования, осуществляемого дознавателем по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно. На сегодняшний день согласно положениям статьи 150 УПК РФ к числу таких уголовных дел относятся уголовные дел по преступлениям небольшой и средней тяжести [1].

Ключевым отличием дознания от предварительного расследования является его «упрощенный» характер, который, к примеру, выражается в сокращенных сроках, отведенных для осуществления расследования уголовного дела. Так, согласно положениям статьи 223 УПК РФ дознание производится в течение 30 суток с момента возбуждения уголовного дела, в то время как предварительное следствие может занимать 2 месяца.

Еще одним отличием дознания от предварительного следствия в современном уголовном процессе Российской Федерации является наличие у дознания сокращенной формы, которая регулируется положениями главы 32.1 УПК РФ. Стоит отметить, что положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации не содержат в себе прямой дефиниции понятия дознания в сокращенной форме. Вместо указанной дефиниции в рамках главы 32.1 УПК РФ

раскрываются основные требования для рассмотрения дела в рамках сокращенной формы дознания.

К числу таких требований относится:

1. Наличие ходатайства подозреваемого о рассмотрении уголовного дела в сокращенной форме дознания;
2. Наличие уголовного дела, возбужденного в отношении конкретного лица по одному или нескольким преступлениям, в отношении которых возможно предварительное расследование в форме дознания;
3. Признание подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного вреда, а также согласие с правовой оценкой деяния;
4. Отсутствие оснований, препятствующих рассмотрению дела в сокращенной форме [1].

К числу оснований, препятствующих рассмотрению уголовного дела в сокращенной форме дознания относятся: несовершеннолетний возраст подозреваемого; отсутствие согласия подозреваемого на рассмотрение дела в сокращенной форме; в отношении подозреваемого должен применяться особый порядок уголовного производства; имеются основания для производства о применении принудительных мер медицинского характера; подозреваемый не владеет языком производства; одно или несколько преступлений, совершенных подозреваемым, должно рассматриваться в рамках предварительного следствия [1].

Стоит отметить, что несмотря на отсутствие прямой дефиниции понятия дознания в сокращенной форме, из смысла указанных признаков становится понятно, что отечественный законодатель рассматривает указанную форму дознания как упрощенную [2, с. 156], позволяющую экономить время, затрачиваемое на расследование конкретного преступления.

Таким образом, дознание в сокращенной форме, фактически, представляет собой упрощенную форму упрощенного вида предварительного расследования. Наличие подобного института в рамках современного уголовно-процессуального права Российской Федерации объясняется острой необходимостью в соблюдении принципа экономичности уголовного процесса, а также ослаблении нагрузки на действующие органы дознания и следствия.

Порядок осуществления дознания в сокращенной форме аналогичен рассмотрению уголовного дела в порядке простого дознания, однако, имеет некоторые изъятия, предусмотренные главой 32.1 УПК РФ. Так, к указанным изъятиям относится срок дознания в сокращенной форме, который согласно статье 226.6 УПК РФ не должен превышать 15 суток с

момента вынесения решения о производстве дознания в сокращенной форме. При этом указанный срок при наличии оснований может быть продлен прокурором до 20 суток.

Дознание в сокращенной форме также имеет несколько особенностей, связанных с непосредственным процессом доказывания. В рамках сокращенной формы дознания доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. При этом дознаватель обязан произвести лишь те действия, без которых невозможно сохранение следов преступления и иных доказательств. Указанное положение позволяет существенно сократить время, затрачиваемое на сбор различных материалов по уголовному делу, позволяя дознавателю сконцентрироваться лишь на основных, имеющих ключевое значение для расследования обстоятельств уголовного дела.

Стоит отметить, что отечественный законодатель наделил дознавателя широким кругом прав в рамках доказывания по уголовному делу при его производстве в сокращенной форме. Так, дознаватель в соответствии со статьей 226.5 УПК РФ праве:

- не проверять неоспоренные доказательства;
- не допрашивать лиц, от которых в ходе сообщения о преступлении уже были получены сведения;
- не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста и т.д.

Однако стоит заметить, что многие авторы отмечают вопрос доказывания в сокращенной форме дознания достаточно проблемным. Так, Ильина М.Г. отмечает, что чрезмерная упрощенность такой формы предварительного расследования может приводить к процессуальным ошибкам [3, с. 103], Шараева Я.А. обращает внимание на проблему отсутствия необходимости в сборе дополнительных доказательств (которые, однако, могут оказывать влияние на итоговое решение по делу) [4, с. 137], Унжакова С.В. подмечает фактическое несоответствие реально собранных доказательств по делу общему необходимому объему доказательств, которое необходимо для установления истины [5, с. 306].

Предусмотренная законодателем система упрощенного процесса доказывания на практике приводит к тому, что фактическое количество представленных доказательств по уголовному делу будет недостаточным для установления истины по уголовному делу. К примеру, Постановлением Рудничного районного суда г. Прокопьевска Кемеровской

области было вынесено решение о возврате уголовного дела для дальнейшего производства дознания в общей форме в виду того, что в обвинительном постановлении в отношении подсудимого Ш. были не в полной мере учтены все подлежащие доказыванию события преступления и виновности лица в совершении преступления (обстоятельства, раскрывающие умысел лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ) [6]. В данном случае возникает вопрос о необходимости нахождения баланса между желанием законодателя упростить и ускорить процесс рассмотрения уголовного дела и реальной возможностью установления истины по делу.

Более того многие авторы отмечают, что часть проблем, связанных с проведением дознания в сокращенной форме, связана с процессуальными сроками. К примеру, 15-дневного срока, отведённого для производства дознания в сокращенной форме просто не хватает для реального сбора всех необходимых доказательств по уголовному делу [7, с. 40], а разночтение процессуальных норм приводит к путанице в определении сроков, отведенных для производства дознания в сокращенной форме [8, с. 314].

Так, например, в апреле 2020 года Саратовским областным судом рассмотрены апелляционное представление государственного обвинителя и апелляционная жалоба защитника на постановление Балаковского районного суда Саратовской области от 3 февраля 2020 года в отношении лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. В рамках Постановления суд первой инстанции принял решение о возвращении уголовного дела прокурору в целях проведения дознания в общем порядке. Причиной возврата уголовного дела стали неисследованные в ходе дознания, проводимого в сокращенной форме, обстоятельства, характеризующие личность виновного, а также ряд иных письменных доказательств. Суд счёл невозможным вынесение обоснованного решения по уголовному делу в отсутствие указанных обстоятельств, при этом сторона обвинения и сторона защиты, напротив, настаивали на достаточности доказательств, собранных в ходе дознания, проводимого в сокращенной форме. При этом в апелляционных представлении и жалобе было указано, что суд мог исследовать указанные доказательства непосредственно во время судебного заседания.

Судом апелляционной инстанции было установлено, что согласно положениям ч. 5 ст. 316 УПК РФ суд не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу, поэтому решение суда первой инстанции о возвращении дела прокурору

являлось законным. Апелляционные жалоба и представление были оставлены без удовлетворения [9]. Таким образом, при проведении дознания в сокращенном порядке необходимо грамотно оперировать временем расследования в целях получения и изучения всех необходимых доказательств по уголовному делу.

Не являются редкостью случаи, когда одна или несколько сторон в уголовном деле считают собранные доказательства достаточными для вынесения судебного решения, в то время как суд, ссылаясь на невозможность исследования и оценки (изъятия) ряда доказательства в рамках судебного процесса, напротив, возвращает дело для дальнейшего производства уже в рамках обычного дознания. К примеру, в апреле 2016 года судья Центрального районного суда г.о. Тольятти Самарской области отказал в удовлетворении апелляционного представления прокурора в отношении уголовного дела по части 1 ст. 159 УК РФ. В рамках заседания было установлено, что суд первой инстанции возвратил дело прокурору для дальнейшей передачи по подследственности и производства дознания в общем порядке, так как в деле отсутствовали письменные доказательства (оформленные платежные документы), доказывающие факт мошенничества. В то же время государственный обвинитель и сторона защиты ссылались на то, что для постановления решения по делу было достаточно собранных органов дознания доказательств. Суд апелляционной инстанции отметил, что постановления обоснованного решения по уголовному делу необходимо выяснить все обстоятельства совершения преступления, включая характер и размер причиненного вреда, что было невозможно без исследования и оценки платежных документов [10].

Еще одной проблемой доказывания в рамках дознания в сокращенной форме становится возможность подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и иных лиц отказаться от производства дознания в сокращенной форме. В таком случае все несобранные ранее доказательства могут оказаться потерянными для дальнейшего рассмотрения дела в общем порядке. К примеру, доказательства, получаемые в ходе освидетельствования лица на предмет употребления им наркотических или иных веществ возможно пройти только в определенный временной интервал. При этом согласно положениям статьи 226.5 дознаватель при проведении дознания в сокращенной форме может не назначать судебную экспертизу при отсутствии специально предусмотренных законом требований. Таким образом, при возвращении

дела для рассмотрения в общем порядке время для проведения необходимой экспертизы может быть упущено.

По итогу проведения дознания в сокращенной форме составляется обвинительное постановление, которое утверждается начальником органа дознания. После ознакомления всех указанных в законе лиц с обвинительным постановлением, оно направляется прокурору, который рассматривает указанное постановление в трёхдневный срок. В случае утверждения обвинительного постановления уголовное дела направляется в суд для дальнейшего процессуального разбирательства.

Опираясь на вышеизложенное, можно выделить одну из ключевых проблем современного дознания в сокращенной форме – несовершенство процесса доказывания. С одной стороны, как уже отмечалось ранее, собранных в короткие сроки доказательств может оказаться недостаточно для вынесения обоснованного, мотивированного и законного решения. С другой стороны, некоторые дознаватели, а также прокуроры, напротив, имеют тенденцию проявлять чрезмерную осторожность при сборе доказательств, тем самым существенно замедляя процесс предварительного расследования (что противоречит самой идее дознания в сокращенной форме). К примеру, в августе 2020 года Курским областным судом была рассмотрена апелляционная жалоба подсудимой Б. в отношении постановления Ленинского районного суда г. Курска от 1 июня 2020 года, которым уголовное дело было возвращено прокурору для дальнейшего рассмотрения в общем порядке. Основной претензией стороны защиты стало требование суда о проведении экспертизы в отношении напитка, являющегося предметом преступления, предусмотренного статьей 151.1 УК РФ (Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции).

Подсудимая отмечала, что в деле уже имелась приобретённая экспертиза напитка, проведённая в порядке административного производства, при этом согласно положениям статьи 226.5 в рамках сокращённого дознания проведение судебной экспертизы при наличии другого заключения в отношении ее предмета не является обязательным. Суд апелляционной инстанции признал доводы подсудимой убедительной и удовлетворил жалобу [11].

Решение указанной проблемы видится, в первую очередь, не в переработке действующих норм уголовно-процессуального законодательства в области положения о проведении дознания в сокращенной форме, но в выработке дополнительных методических указаний и рекомендаций лицам, осуществляющим дознание в

сокращенной форме. На сегодняшний день подобные рекомендации существуют для судебных органов и отражены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» от 05.12.2006 № 60 [12] и органов дознания Федеральной службы судебных приставов в Методических рекомендациях по применению органами дознания Федеральной службы судебных приставов дознания в сокращенной форме от 26.04.2013 № 04-7 [13]. Представляется возможным создание аналогичных рекомендаций для иных правоохранительных органов, особое внимание в которых будет уделено вопросу доказывания.

Обобщая вышеизложенное, стоит отметить, что на сегодняшний день дознание в сокращенной форме представляет собой наиболее оперативный способ предварительного расследования уголовных дел, позволяя дознавателю сконцентрироваться на наиболее важных аспектах рассматриваемого дела. В то же время чрезмерно упрощенная процедура доказывания в рамках дознания в сокращенной форме зачастую приводит к ошибкам и создает угрозу отсутствия реальной изученности дела, в результате чего фактически собранных данных может быть недостаточно для вынесения справедливого, мотивированного и законного обвинительного постановления по уголовному делу.

Список литературы

- 1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, от 18.01.2000. № 174 – ФЗ (в актуальной редакции) // Российская газета. 2000. 22 декабря. № 249.*
- 2. Гамидова Г.К. Дознание в сокращенной форме. Проблемы законодательного оформления дефиниции // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 2. – С. 155 – 156.*
- 3. Ильина М.Г. Актуальные проблемы осуществления дознания в сокращенной форме// Закон и право. – 2020. – № 09. – С. 102 – 104.*
- 4. Шараева Я.А. Некоторые проблемные аспекты производства дознания в сокращенной форме // Философия права. – 2021. – № 2 (97). – С. 136 – 139.*
- 5. Унжакова С.В. Актуальные проблемы производства дознания в сокращенной форме // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Сб. матер. XXIII Междунар. науч. – практ. конф.: в 2-ч т. – 2018. – С. 305- 308.*
- 6. Постановление Рудничного районного суда г. Кемеровской области № 1-440/2017 от 22 декабря 2017 г. по делу № 1-440/2017*

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc> (23.10.2021).

7. Магомедов З.А. Актуальные проблемы производства дознания в сокращенной форме // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. – 2019. – № 36. – С. 39 – 41.

8. Узгорская И.А. К вопросу о целесообразности изменения срока дознания // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. – 2019. – № – 12. – С. 313 – 315.

9. Апелляционное постановление Саратовского областного суда № 22-840/2020 от 7 апреля 2020 г. по делу № 1-121/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru> (23.10.2021).

10. Апелляционное постановление Центрального районного суда г.о. Тольятти Самарской области № 10-19/2016 от 21 апреля 2016 г. по делу № 10-19/2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/> (25.10.2021).

11. Апелляционное постановление Курского областного суда № 22-923/2020 от 18 августа 2020 г. по делу № 1-251/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sudact.ru> (26.10.2021).

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» от 05.12.2006 № 60 // *Российская газета*. 2006. 20 декабря. № 321.

13. Методические рекомендации по применению органами дознания Федеральной службы судебных приставов дознания в сокращенной форме от 26.04.2013 № 047 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148037/ (27.10.2021).

© О.В. Цаплина, 2021

УДК: 343.2

КАТЕГОРИЯ «ВИНА» В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Чебушев Денис Романович,
Магистрант 2 курса
Ростовского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:
Осадчая Наталья Георгиевна
к.ю.н., доцент. Доцент кафедры уголовного права

Аннотация: в статье проводится анализ истории становления института вины в уголовном законодательстве России. Исследуются основные законодательные памятники, начиная с Русской Правды и до современного законодательства, на предмет наличия норм, регламентирующих институт вины. Делается вывод о том, что принцип виновной ответственности всегда был неотъемлемой частью уголовного законодательства России, хотя в разные исторические периоды данному институту отводилось различное место в уголовно-правовой оценке деяния.

Ключевые слова: уголовное право, субъективное вменение, преступление, вина, умысел, неосторожность.

UDC: 343.

CATEGORY "WINE" IN THE HISTORY OF CRIMINAL LEGISLATION IN RUSSIA

Chebushev Denis Romanovich,

Scientific adviser: Osadchaya Natalia Georgievna

Abstract: *The article analyzes the history of the formation of the institution of guilt in the criminal legislation of Russia. The main legislative monuments, from Russian Pravda to modern legislation, are investigated for the presence of norms governing the institution of guilt. It is concluded that the principle of guilty responsibility has always been an integral part of the criminal legislation of Russia, although in different historical periods this institution was assigned a different place in the criminal-legal assessment of the act.*

Keywords: *criminal law, subjective imputation, crime, guilt, intent, negligence.*

Принцип субъективного мнения, т.е. виновной ответственности, всегда был неотъемлемой частью уголовного права России. Однако, к большому сожалению, в российской истории существовал период (30-50-е годы XX в.), когда данный принцип был отвергнут большей частью представителей доктрины уголовного права.

Следует начать с того, что определенные черты института вины прослеживаются еще в Русской Правде, древнейшем славянском источнике права. Данный законодательный источник строился по казуальной системе, здесь законодатель постарался «предусмотреть все

возможные жизненные ситуации» [1, с. 24]. Поэтому Русская Правда не знала абстрактных юридических понятий, таких как, в частности, понятие вины. Здесь встречались лишь единичные случаи, когда психическое отношение лица к деянию и его последствиям влияло на степень его ответственности. Так, ст. 6 Пространной редакции Русской Правды предусматривала ответственность за такой вид убийства, как «на пиру явлено» [2], а ст. 7 – убийство «на разбое без всякой свады» [2]. При этом первый вид убийства был непреднамеренным, т.е. открыто совершенным убийством в состоянии алкогольного опьянения (что являлось смягчающим обстоятельством), а второй вид – умышленное убийство, совершенное из корыстных побуждений, сопряжённое с грабежом или разбоем (что, в свою очередь, отягощало ответственность человека).

Впервые термин «вина» официально появляется в законодательстве России в 16 в. Однако в основу уголовно-правового критерия деяния вина не включалась, все зависело от степени нарушения общественных интересов. В этот же период времени, законодательство предписывало необходимость установления конкретной формы вины.

Для Соборного Уложения 1649 г. характерно более четкое деление преступлений в зависимости от форм вины: умышленные, неосторожные и случайные. При этом, граница между двумя последними видами была размытой. В Уложении сохранился такой архаичный и репрессивный принцип, как принцип объективного вменения, согласно которому наказание определялось не степенью вины лица, а результатом преступного деяния. В связи с чем, за неосторожные преступления наказание назначалось как за умышленные.

Артикул воинский Петра I 1715 г. отличался высоким для того периода времени уровнем законодательной техники: на законодательном уровне использовались абстрактные юридические формулировки, пусть и не в полном объеме, что свидетельствовало об отходе от традиционной для российского права казуальной системы. Данная тенденция не могла не повлиять и на институт вины. Преступления, как и прежде, подразделялись на умышленные и неосторожные. Следует отметить, что наступление ответственности за достаточно большое количество составов преступлений было прочно связано с принципом вины. Так, артикул 159 гласил: «Весьма неумышленное и ненамеренное убийство», у которого «никакой вины не находится, оное без наказания отпустится» [3].

Однако, выделив субъективную сторону преступления, законодатель все же не отказался полностью от принципа объективного вменения – за неосторожные преступления продолжали назначать наказание, как за

умышленные. Кроме того, не действовал принцип личной ответственности за совершенное деяние – вместе с преступником к ответственности привлекались лица, не совершавшие преступлений – его родственники.

В 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, в котором прослеживается более детальный подход законодателя к субъективной стороне преступления. Выделяются умысел и неосторожность, которые делились на виды. Предусматривалось два вида умысла: заранее обдуманый умысел и внезапно возникший умысел. При этом более сурово наказание назначалось за преступления, совершенные с первым видом умысла. Неосторожность, в свою очередь, была представлена следующими видами: неосторожность, при которой общественно опасные последствия деяния трудно было предвидеть, и неосторожность, при которой общественно опасные последствия деяния вообще невозможно было предвидеть.

Уложение об уголовных и исправительных наказаниях в последней редакции 1885 г. было призвано систематизировать нормативные акты, предусматривающие уголовную ответственность. Так, нововведения Уложения включали разделение умышленных преступлений на совершенные хладнокровно и в состоянии аффекта. Параллельно существовала и предыдущая классификация умысла (преднамеренный и внезапный). Кроме того, Уложение предусматривало три вида неосторожности – тяжелую, среднюю и легкую [4].

Уголовное уложение 1903 г., в разработке которого принимал участие самый известный русский юрист, ученый европейского масштаба Н.С. Таганцев, практически полностью сохранило определение умысла и неосторожности, данное в Уложении 1885 г.

В 1913 г., с началом Первой мировой войны, уголовное право было изменено в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Возвращается применение принципов объективного вменения и аналогии.

Для послереволюционного периода развития российского государства характерно то, что уже в первых декретах Советской власти категория вины использовалась как один из важнейших институтов уголовного права. В декабре 1919 г. Наркомат юстиции принял Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, ставшие первой попыткой обобщения практики судов и трибуналов в новых условиях. К сожалению, данный законодательный акт не содержал понятие и форм вины. Отсутствие внимания законодателя к разработке субъективной стороны привело к тому, что усилилось влияние принципа объективного вменения, когда

наказание (его вид и размер) зависели от наступившего противоправного результата деяния.

В УК РСФСР 1922 г. термин «вина» вообще не упоминался. Однако определения умысла «т.е. предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступление» [5] и неосторожности «т.е. легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели их, хотя и должны были их предвидеть» [5] оказались настолько удачными, что десятилетиями оставались в уголовном законодательстве.

В 1960 г. принимается новый УК РСФСР, который в специальной норме сформулировал основания уголовной ответственности (ст. 3), «уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние» [6]. Кроме того, была уточнена формулировка умысла и неосторожности. Так, согласно ст. 7 УК РСФСР «Преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий» [6], а согласно ст. 9 «Преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть» [6]. Данный кодекс положил начало новой эре в развитии института вины в уголовном праве нашего государства.

В 1991 г. были приняты Основы уголовного законодательства ССР и республик, в которых прямо говорилось, что «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом» [7]. К сожалению, из-за распада СССР Основы так и не вступили в законную силу.

Дальнейшее развитие институт вины получил в действующем УК РФ 1996 г., где, во-первых, вина провозглашена в качестве принципа уголовного права: в «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина» (ст. 5 УК РФ); во-вторых, признано, что «основанием уголовной

ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» (ст. 8 УК РФ) [8], а, как известно, вина является обязательным признаком такого элемента состава преступления, как субъективная сторона; в-третьих, институту вины отводится самостоятельная гл. 5 УК РФ.

Таким образом, институт вины прошел долгий путь в истории российского уголовного законодательства. Несмотря на различное к нему отношение законодателя в тот или иной исторический период, следует отметить, что вина всегда была неотъемлемой частью российского уголовного законодательства.

Список литературы

1. *История государства и права России до второй половины XIX века: сборник студенческих работ / Под ред. Ю. Крохиной.* – М.: Студенческая наука, 2012. – 302 с.

2. *Пространная Русская Правда.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [URL:https://www.hist.msu.ru/ER/etext/RP/prp.htm](https://www.hist.msu.ru/ER/etext/RP/prp.htm) (22.10.2021)

3. *Артикул Воинский 1715 г.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/articul.htm> (22.10.2021)

4. *Уложение об уголовных и исправительных наказаниях в последней редакции 1885 г.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes> (22.10.2021)

5. *Уголовный Кодекс РСФСР 1922 г. (утратил силу) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.*

6. *Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (утратил силу) // Свод законов РСФСР. Т. 8. – С. 497.*

7. *Постановление ВС СССР от 11.06.1991 № 2244-1 «О проекте Основ уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и республик» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 736.*

8. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.*

© Д.Р. Чебушев, 2021

УДК: 343.2

**НЕДОСТАТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ**

Чернявский Андрей Викторович,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Фаргиев Ибрагим Аюбович,

д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье анализируется норма уголовного закона, предусматривающая уголовную ответственность за реабилитацию нацизма. Определяется, что действующая редакция ст. 354.1 УК РФ не в полной мере соответствует правилам юридической техники, применяемых при построении уголовно-правой нормы. Предлагаются редакционные варианты изменения данной статьи.

Ключевые слова: уголовное законодательство, реабилитация, нацизм, фашизм, юридическая техника, проблемы толкования и правоприменения.

UDC: 343.2

**DISADVANTAGES OF LEGISLATIVE REGULATION
FOR THE REHABILITATION OF NAZISM
IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA**

Chernyavsky Andrey Viktorovich,

Scientific adviser: Fargiev Ibragim Ayubovich

Abstract: the article analyzes the norm of the criminal law, which provides for criminal liability for the rehabilitation of Nazism. It is determined that the current edition of Art. 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation does not fully comply with the rules of legal technique used in the construction of criminal law norms. Editorial options for changing this article are proposed.

Keywords: criminal legislation, rehabilitation, Nazism, fascism, legal technique, problems of interpretation and law enforcement.

Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] дополнил Уголовный Кодекс Российской Федерации статьей 354.1 «Реабилитация нацизма» [2]. До принятия этого федерального закона в законодательстве России отсутствовало понятие «Реабилитация нацизма».

С момента криминализации реабилитации нацизма прошло уже около 7 лет, однако за этот период существования и применения на практике ст. 354.1 УК РФ выявились недостатки законодательной регламентации исследуемого уголовно-правового явления, что породило ряд правоприменительных проблем, требующих скорейшего разрешения. Так, одной из острейших проблем, с которой столкнулся правоприменитель является терминология и смысловое содержания статьи, предусматривающей уголовную ответственность за реабилитацию нацизма. На сегодняшний день в доктрине уголовного права не выработано приемлемого понимания терминов «нацизм», «фашизм» и, как правило, отсутствует разграничение этих понятий применительно к целям уголовного законодательства. Следовательно, в правоприменительной практике возникают трудности с определением юридического смысла нормы, установившей уголовную ответственность на реабилитацию нацизма.

Для разрешения проблем терминологического характера ст. 354.1 УК РФ необходимо обратиться к этимологии понятия «Реабилитация нацизма».

Итак, первая категория, которая бросается в глаза при прочтении ст. 354.1 УК РФ, это «реабилитация», понятие которой законодателем действующем уголовном законодательстве не раскрывается.

Обращение к происхождению термина «реабилитация» свидетельствует о том, что он берет свои истоки от французского института помилования осужденного с восстановлением его прежних прав [3, с. 92]. Советское уголовное право определяло реабилитацию как «восстановление невиновного лица в прежнем состоянии, необоснованно привлеченного к уголовной ответственности» [4, с. 23]. В толковом словаре С.И. Ожегова дается следующее определение «реабилитации» – «1. восстановление в правах; 2. восстановление доброго имени, былой репутации» [5, с. 357].

Однако, несмотря на заимствование данного института и отсутствие его законодательного определения в тексте УК РФ, термин реабилитация не является новым для современного законодательства. Так, Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации реабилитации посвящает

гл. 18, а п. 34 ст. 5 дает ее определение, как «порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда» [6].

Однако, сопоставление приведённых определений реабилитации с содержанием диспозиции ст. 354.1 УК РФ свидетельствует о несоответствии содержания термина и содержания диспозиции статьи, а также тому смыслу, которое вкладывается в понятие «реабилитация» в юриспруденции. В связи с изложенным мы согласны с мнением предлагающим ст. 354.1 УК РФ переименовать на «Публичное оправдание нацизма» [7, с. 104]. Действительно, из смысла статьи следует, что противоправные действия направлены на оправдание репутации нацизма среди российского населения, которые выражаются в заявлениях о признании указанной идеологии и практики нацизма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

Далее, в названии ст. 354.1 УК РФ присутствует понятие «нацизм», но в диспозиции отсутствует его определение.

Согласно большому юридическому словарю, нацизм является «наиболее радикальным политическим течением, стремящимся под лозунгами борьбы за интересы коренного народа любыми средствами, в том числе террористическими, захватить власть и полностью ликвидировать оппозиционные партии» [8, с. 667].

Толковый словарь С.И. Ожегова под нацизмом понимает «Германский фашизм» [5, с. 587], а фашизм определяет, как «идеологию воинствующего расизма, антисемитизма и шовинизма, политических течений на его основе, а также открытого террористическая диктата одной правящей партии, созданный ею репрессивный режим, направленный на подавление прогрессивных общественных движений, уничтожение демократии и развязывание войны» [5, с. 907].

А.Ю. Иванов предлагает рассматривать нацизм как «радикальную разновидность фашизма» [9, с. 73] и дает следующее его определение: «нацизм» представляет собой идеологию и практику, связанные с утверждением превосходства расовой, национальной или этнической группы, а также с необходимостью подавления, полного или частичного уничтожения низших групп как условия выживания и процветания «высшей» нации (народности), посредством военной агрессией и геноцида» [9, с. 75].

Из приведённых определений следует, что, фашизм – это одно из возможных проявлений нацизма.

В законодательстве России нет определения фашизма, при этом, следует отметить, что в нашем государстве предпринимались попытки разработать и законодательно закрепить данный термин. В частности, в п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» было постановлено «предложить Российской академии наук в 2-недельный срок представить в Государственно-правовое управление Президента Российской Федерации научное разъяснение понятия «фашизм» и связанных с ним понятий и терминов для подготовки предложений по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство» [10].

Российская академия наук в 1995 г. дала следующее определение: «фашизм – это идеология и практика, утверждающие превосходство и исключительность определенной нации или расы, направленные на разжигание национальной нетерпимости, оправдание дискриминации представителей других народов, отрицание демократии, установление культа вождя, использование насилия, террора для подавления политических оппонентов и любых форм инакомыслия, оправдание войны как средство решения международных проблем» [11]. Кроме того, в 1999 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект «О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации», содержащий аналогичное определение фашизма [12, с. 67]. Однако, согласно Заключению ПУ Аппарата ГД ФС РФ от 23.03.2004 № 2.2-1/1000 «определение фашизма, данное авторами, является юридически неточным, так как под него могут подпадать и расизм, и национализм, и ксенофобия, и антисемитизм, и другие», в итоге, законопроект так и не был принят [13].

Согласно действующей редакции ст. 354.1 УК РФ «реабилитация нацизма» – это «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично» [2]. Однако, проведенный этимологический анализ понятий «реабилитация», «нацизм» и «фашизм, на наш взгляд свидетельствуют о том, что формулировка реабилитации нацизма, данная в ст. 354.1 УК РФ, не дает четкого определения рассматриваемому понятию. Подставляется, что наиболее удачно данный термин был определен в проекте Федерального закона «О противодействии реабилитации нацизма,

героизации нацистских преступников и их пособников» [14]. Однако данный законопроект был отклонен, причем одним из мотивов отказа явилось несоответствие «содержание термина «реабилитация нацизма» признакам преступления, предусмотренного статьей 354.1 Уголовного кодекса» [15].

Таким образом, социальная обусловленность закрепления уголовной ответственности за реабилитацию нацизма неоспорима, но предлагаемая редакция статьи вызывает ряд критических замечаний и предложений по ее совершенствованию, поскольку необходимо привести в соответствие наименование статьи ее законодательному содержанию. В качестве возможного пути решения данной проблемы предлагаем изменить наименование ст. 354.1 УК РФ следующим образом: «ст. 354.1 УК РФ «Публичное оправдание нацизма»

Список литературы

1. *Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 12.05.2014. – № 19. – Ст. 2333.*
2. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.*
3. *Миролюбов Н.И. Реабилитация как специальный правовой институт. – Казань, 1902. Эл. Ресурс. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 01.10.2021)*
4. *Кусиков А. Реабилитация трудящегося при прекращении уголовного дела // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 18. Эл. Ресурс. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 01.10.2021)*
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М. 1992.*
6. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.*
7. *Мараева А.В. Вопросы толкования термина «реабилитация нацизма» применительно к ст. 354.1 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 4. – С. 102-109.*
8. *Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. – 7-е изд., доп. и перераб. – М.: Инфра-М., 2018. – 356 с.*

9. Иванов А.Ю. Понимание термина «нацизм» применительно к ст. 354.1 УК РФ // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2. – С. 71-80.

10. Указ Президента РФ от 23.03.1995 № 310 (ред. от 03.11.2004) «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 27.03.1995. – № 13. – Ст. 1127.

11. Электронный ресурс. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Определение фашизма](https://ru.wikipedia.org/wiki/Определение_фашизма) (дата обращения: 11.03.2021)

12. Постановление ГД ФС РФ от 23.04.2004 № 454-IV ГД «О проекте Федерального закона № 96700070-2 «О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 03.05.2004. – № 18. – Ст. 1747.

13. Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ от 23.03.2004 № 2.2-1/1000 «По проекту Федерального закона № 96700070-2 «О запрещении пропаганды фашизма в Российской Федерации» (I чтение) // СПС «КонсультантПлюс»

14. Проект Федерального закона № 504872-6 «О противодействии реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.04.2014) // СПС «КонсультантПлюс»

15. Постановление ГД ФС РФ от 22.05.2018 № 4021-7 ГД «О проекте федерального закона № 504872-6 «О противодействии реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» // Собрание законодательства РФ. – 28.05.2018. – № 22. – Ст. 3099.

© А.В. Чернявский, 2021

УДК: 343.98

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОДОРОЛОГИИ

Черничкина Дарья Игоревна,

Студентка 4 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Розава Инга Георгиевна

старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в данной статье рассматриваются основные проблемы использования одорологической экспертизы на практике при раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: одорология, запаховые следы, служебные собаки, доказательства, экспертиза.

UDC: 343.98

PROBLEMS OF FORENSIC ODOROLOGY

Chernichkina Darya Igorevna,

Scientific adviser: Rogava Inga Georgievna

Abstract: this article discusses the main problems of using odorological expertise in practice in the detection and investigation of crimes.

Keywords: odorology, scent traces, service dogs, evidence, expertise.

Наша жизнь полна множеством секретов и открытий. В криминалистике таких достаточно много. Например, не всем известно, что каждый человек имеет свой индивидуальный генетический запах, который невозможно почувствовать. Этот запах может оставаться на предметах довольно-таки долго, поэтому спустя некоторое время органы уголовного преследования встречают их, но уже в минимальных количествах.

Раздел криминалистики, в рамках которого разрабатываются способы обнаружения, изъятия и исследования запаховых следов, получил название криминалистической одорологии. В зависимости от способов анализа и регистрации запахов криминалистическую одорологию принято разделять на кинологическую и инструментальную.

В кинологической одорологии используются подготовленные служебные собаки. Они от природы имеют высокоразвитый обонятельный анализатор, прошедшей специальную тренировку и подтвердившей свою надежность в экспертной практике. Поведение собаки контролируется специалистом – кинологом, проводящим выборку, или судебным экспертом, производящим ольфакторную экспертизу, которые фиксируют особенности поведения собаки при обнаружении и установлении искомого запаха.[1]

В инструментальной одорологии в качестве анализаторов применяются физико-химические приборы, способы выделить спектр пахучих веществ, регистрировать его в виде ольфактограммы и детектировать с высокой чувствительностью отдельные компоненты выделения человека. [2]

Правильное хранение запаховых следов позволит сохранить их первоначальное состояние. Для этого могут быть использованы морозильные камеры. В этом случае запаховые следы будут сохраняться до 3 лет.

Для сбора запаховых проб и последующей консервации запаховых следов необходимо лоскут адсорбента, извлеченный из банки, привести в контакт с тем местом на поверхности предмета-носителя, где предполагается наличие запахового следа. Сверху следует расположить кусок фольги и слегка прижать. Через час фольгу удаляют, а адсорбент помещают в банку, которую плотно закрывают и опечатывают. Операции проводятся в резиновых перчатках и с использованием пинцета для захвата адсорбента. Изъятую таким образом с запахового следа пробу следует упаковать по общим правилам обращения с вещественными доказательствами.

На основе анализа литературы, можно выделить некоторые проблемы, связанные с криминалистической одорологией.

Проблема собирания одорологических следов в ходе следственного осмотра.

Для того чтобы использовать запаховые следы при одорологической экспертизе, необходимо правильно собрать запаховые пробы. Так как этот процесс занимает достаточно много времени, многие практические работники просто пренебрегают возможностью изъятия запаховых следов. Им проще собирать материальные следы преступления. Поэтому запаховые следы теряются.

Решение данной проблемы можно найти во включении в оперативно-следственную группу помимо специалиста-криминалиста, специалиста,

обладающего знаниями в области собирания запаховых следов, что облегчит работу следователя и исключит возможные ошибки в их обнаружении и фиксации и изъятии. [3]. Ведь работа данного специалиста направлена на нахождение и сохранение запаховых следов и проб.

Следующая проблема заключается в возможности использования собранных в процессе одорологической экспертизы запаховых следов в качестве доказательств.

При производстве такой экспертизы трудно обеспечить права обвиняемого, предусмотренные ст. 185 УПК. Как же могут следователь и суд проверить достоверность заключения экспертизы, что они обязаны сделать по закону (ч. 3 ст. 70, ч. 3 ст. 80 УПК)? Такая проблема возникает в любом случае, когда следствию и суду предоставляются результаты одорологической выборки. Разумеется, ошибочными, а иногда и ложными могут быть и показания допрашиваемых лиц, заключения экспертов и т.п. В этом смысле одорологическая экспертиза какими-либо принципиальными особенностями не отличается. Вопрос в другом: в какой мере следователь, прокурор и суд могут проверить достоверность того или иного доказательства? Если в отношении показаний обвиняемых, потерпевших, свидетелей вещественных доказательств, заключений других экспертиз, документов возможности такой проверки, безусловно, имеются, то относительно экспертизы запаховых следов это весьма сомнительно. Единственное, что можно выяснить путем анализа заключения и допроса эксперта: правильно ли отбирались пробы запаха, соблюдались ли при выборке тактические правила, направленные на предотвращение ошибок. [4]

По нашему мнению, полноценное использование запаховых следов в уголовном судопроизводстве возможно, если криминалистическая одорология получит официальное закрепление в практике. И, конечно, хотелось бы отметить, что в оперативно-следственную группу обязательно должен быть включен специалист, обладающий знаниями в области собирания запахов следов. Благодаря такому специалисту запаховые пробы будут точно и правильно собраны и сохранены. Это объясняется тем, что данный специалист должным образом подготовлен, и его работа нацелена конкретно на выявление одорологических следов, которые должны фиксироваться. Как раз это и позволит устранить вторую проблему возможности использования запаховых следов в качестве доказательств.

Список литературы

1. Бертовский Л.В. Криминалистика. Учебник для бакалавров. – М.: Проспект, 2018. 367 с.
2. Борисов Е.А., Бакальский В.Ю. Криминалистическая одорология: проблемы ее применения в следственной и экспертной практике. – М., 2019. – 179 с.
3. Имыкшенова Е.А., Фойгель Е.И. Некоторые вопросы применения одорологического метода в криминалистике //Современные проблемы правотворчества и правоприменения. – Иркутск: изд-во Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. – С. 367-371.
4. Корневский Ю. Экспертиза запаховых следов в следственной и судебной практике. – М., 2020. – 256 с.

© Д.И. Черничкина, 2021

УДК: 343.13

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО ПО СОВРЕМЕННОМУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И РАНЕЕ ДЕЙСТВОВАВШЕМУ

Шуаев Салим Алилович,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Цой Бронислав Алексеевич,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры

уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого по действующему уголовно-процессуальному закону и ранее действовавшим законодательным актам. Исследуются основные исторические законодательные источники на предмет содержания норм, регламентирующих процессуальный статус указанных субъектов. Делается вывод о том, что подозреваемому и обвиняемому всегда

уделялось особое внимание во все исторические периоды развития уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, процессуальный статус, права, обязанности, подозреваемый, обвиняемый, действующее законодательство, ранее действовавшее законодательство.

UDC: 343.13

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROCEDURAL STATUS OF THE SUSPECT AND THE ACCUSED UNDER MODERN CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION AND PREVIOUSLY APPLICABLE

Shuaev Salim Alilovich,

Scientific adviser: Tsoi Bronislav Alekseevich

Abstract: *the article provides a comparative analysis of the procedural status of the suspect and the accused under the current criminal procedural law and previously effective legislative acts. The main historical legislative sources are investigated for the content of the rules governing the procedural status of these subjects. It is concluded that the suspect and the accused have always been given special attention in all historical periods of the development of criminal procedure legislation.*

Keywords: *criminal proceedings, procedural status, rights, duties, suspect, accused, current legislation, previous legislation.*

Изучение современного состояния правовых явлений, институтов и понятий невозможно без обращения к истории их становления и развития, и изучению действовавших в то время правовых источников. Не являются исключением и институты подозреваемого и обвиняемого, для уяснения процессуального статуса которых также необходимо обращение к источникам права, которые являются ключевыми для отечественного уголовного процесса. Среди них можно назвать такие, как: Русская Правда 1016 г., Судебник 1497 г., Соборное уложение 1649 г., Свод законов Российской империи 1833 г., Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Декреты «О суде» 1918 г., Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г., Основы уголовного судопроизводства Союза СССР и союзных республик 1958 г., Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г и Уголовно-процессуальный кодекс 2001 г. Исходя из периода действия вышперечисленных актов, представляется возможным выделить следующие исторические этапы становления и развития процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого:

I этап: от Русской Правды 1016 г. до Устава уголовного судопроизводства 1864 г.;

II этап: от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. до Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г.;

III этап: от Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г. до Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г.;

IV этап: от Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. до Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г.

Первый этап, характеризующийся как этап становления государственности и правовой системы России, изначально не содержал таких участников уголовного процесса, как подозреваемый и обвиняемый в том виде, который существует в наше время. Однако, несмотря на это, всегда были лица, совершавшие преступления, и лица, пострадавшие от него.

Как отмечают А.К. Аверченко и С.Л. Лось, «феодалное законодательство России, регулирующие процессуальные вопросы привлечения лиц к уголовной ответственности, Русская правда, Судебник 1497 г., Соборный уложение 1649 г., законодательство Петра I не содержало положений о подозреваемом» [1, с. 9]. Перечисленные правовые источники не содержали упоминаний и об обвиняемом.

Отсутствие прямого указания на данные понятия не означает, что этих участников не было в то время. Например, в п. 21 Русской Правды говорится: «Искавшие ли послуха и не налзуть истьця начнеть головою клепати, то ти имь правду желзо», что в переводе означает «Если ищут свидетеля и не находят, а истец обвиняет в убийстве, судят их испытанием железа». Из этого следует, что в этом документе слово «клепати» означало «обвинять». Что касается понятия «подозреваемый», то в п. 87 Русской Правды сказано: «Аже иметь на желзо по свободныхъ людии рчи, либо ли запа на нь будеть.....», что в переводе означает «А если привлекают к испытанию железом по свидетельству свободных людей, иначе возникнут подозрения».

Последующие документы, затрагивающие вопросы уголовного судопроизводства, например, Учреждения для управления губерниями 1775 г. и Устав благочиния, или полицейский 1782 г., также не содержали положений о процессуальном статусе подозреваемого и обвиняемого. Первое употребление слова «подозрение» относится к Своду законов Российской империи 1933 г., где дается следующая формулировка «с оставлением по подозрению», относящаяся к приговору [2, с. 410].

Понятие «подозреваемый» для обозначения участника уголовного судопроизводства было введено только в 1860 г.

Таким образом, необходимо отметить, что данный этап характеризуется тем, что ни в одном из документов не упоминается процессуальное положение подозреваемого и обвиняемого, встречаются лишь отдельные упоминания.

Второй этап в основном связан с принятием УУС и его дальнейшим применением. Как отмечают О.А. Химичева и А.В. Андреев, «понятия «подозреваемый» и «обвиняемый» в УУС не закреплялись, разница между ними не имела существенных различий. Они заключались лишь в степени обоснованности вывода о причастности лица к совершению преступления» [3, с. 110]. Хотя документ не установил каких-либо существенных различий, разница была. Согласно УУС, «подозреваемый – это лицо, возникшее в результате деятельности полиции как органа дознания, а обвиняемый – лицо, привлеченное к уголовной ответственности в ходе деятельности судебных следователей» [4].

Кроме того, как отмечают А. К. Аверченко и С.Л. Лось, обвиняемым лицо считалось «... даже в тех случаях, когда обвинение еще не предъявлено» [1, с. 12]. Действительно, в этом документе нет разъяснения понятий подозреваемого и обвиняемого, выраженного в виде определений, но даны сами участники. В самом тексте УУС содержалось более 250 упоминаний обвиняемого и около 20 – подозреваемого.

Несмотря на то, что УУС, являясь значительным достижением судебной реформы того времени, заложил основы будущего уголовно-процессуального закона, он не имел строго и четко определенных прав и обязанностей обвиняемого, и практически ничего не содержалось в нем в отношении прав и обязанностей подозреваемого.

Третий этап относится к периоду от принятия УПК РСФСР в 1922 г. до принятия УПК РСФСР в 1960 г. УПК РСФСР 1922 г., который является первым в своем роде, внес много изменений в порядок уголовного судопроизводства. Положения, касающиеся участия подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе, также получили соответствующее подтверждение. Так, ст. 103 гласила, что «органы дознания принимают меры к тому, чтобы до начала предварительного следствия или до рассмотрения дела по существу, если предварительное следствие не было проведено, были сохранены следы преступления и возможность исчезновения подозреваемого была исключена» [5]. Приводятся также основания для задержания подозреваемого в совершении преступления, в которые впоследствии были внесены незначительные изменения.

В дальнейшем участие подозреваемого претерпело существенные изменения. Как отмечают А.К. Аверченко и С.Л. Лон, «подозреваемый выпадал из уголовного процесса как участник на целых 20 лет» [1, с. 151]. Поводом для этого стал Циркуляр Прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26 «О повышении качества расследования», согласно которому требовалось исключить использование даже названия «подозреваемый».

По мнению С.А. Дмитриенко, «этап с 1922 г. по 1956 г. в целом характеризуется отходом от демократических завоеваний, утверждением тоталитарно-властного деспотизма и переходом к смешанной, преимущественно розыскной, форме уголовного судопроизводства и даже к его чисто розыскной форме» [5, с. 281].

Правомерность и необходимость участия подозреваемого в качестве самостоятельного участника уголовного процесса нашла подтверждение только в 1958 г. с принятием Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик. Так, Основы признали показания подозреваемого в качестве источника доказательств (ст. 16), а также предусмотрели проведение следственных действий с его участием (в частности, допрос подозреваемого по – ст. 29).

Что касается обвиняемого, то п. 6 ст. 23 Основ относил его к одной из сторон уголовного процесса, но не указал какой, указав, что к стороне, противопоставляющейся прокурору, поддерживающий обвинение в процессе, и потерпевшему.

Кроме того, ряд статей и УПК РСФСР 1922 г. [6] содержали права обвиняемого: ст. 114 – право заявить ходатайство о сборе доказательств и о проведении следственных действий, ст. 117 – право присутствовать при проведении следственных действий, ст. 22 – право на получение процессуальных документов, ст. 135 – право на разъяснение сущности предъявленного обвинения, ст.ст. 216-224 – право на обжалование решений следователя и др.

Четвертый этап относится к периоду действия УПК РСФСР 1960 г. и до принятия действующего УПК РФ 2001 г. Ситуация кардинально изменилась после принятия в 1960 г. УПК РСФСР взамен ранее существовавшего. В обновленном законе содержались не только положения об отдельных правах подозреваемого и обвиняемого, но и проводилось различие между этими участниками уголовного процесса (более того, законодатель тогда не проводил различий между участниками со стороны обвинения и участниками со стороны защиты). Согласно ст. 46 обвиняемым признавалось лицо, в отношении которого в установленном порядке принято решение о привлечении в качестве обвиняемого, а

согласно ст. 52 подозреваемое – это лицо, задержанное либо по подозрению в совершении преступления, либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения [7]. Также в законе были отдельные статьи, касающиеся прав, которыми наделены эти участники. Так, в соответствии с уже упомянутым ст. 46 обвиняемый имел право: знать, в чем он обвиняется, и давать объяснения по предъявленным ему обвинениям; представлять доказательства; заявлять ходатайства; по окончании предварительного следствия или дознания ознакомиться со всеми материалами дела; иметь защитника с момента, предусмотренного ст. 47; участвовать в судебном разбирательстве в суде первой инстанции; заявлять отводы; подавать жалобы на действия и решения лица, проводящего дознание, следователя, прокурора и суда.

Конечно, это не исчерпывающий перечень прав обвиняемых. Аналогичные положения содержались и в других статьях закона. В частности, согласно ст. 19 – обвиняемый имел право на защиту; ст. 50 – обвиняемый имел право отказаться от защитника в любое время в ходе судебного разбирательства; ст. 77 – обвиняемый имел право давать показания по предъявленным ему обвинениям и др.

Отдельно нашел отражение и порядок привлечения в качестве обвиняемого. Согласно ст. 143 привлечение в качестве обвиняемого имело место при наличии достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения в преступлении, по которому следователь выносил мотивированное постановление. Несмотря на это сходство, следует согласиться с А.В. Андреевым, который пишет, что «данное положение было новинкой, поскольку в ранее действующих нормативных правовых актах говорилось о «достаточности данных», а не о «достаточности доказательств» [8, с. 89].

Нормы УПК РСФСР 1960 г. оказали существенное влияние на формирование процессуального статуса подозреваемого. Впервые указывалось не только, когда лицо считается подозреваемым, но и какими правами он обладает. Согласно ст. 52 подозреваемый имел право: давать объяснения; заявлять ходатайства; приносить жалобы на действия и решения лица, проводящего дознание, следователя, прокурора. Кроме того, согласно ст. 76 он также имел право давать показания об обстоятельствах, послуживших основанием для его задержания или задержания, а также об иных обстоятельствах, известных ему по делу.

Указанные права обвиняемого и подозреваемого послужили основой для дальнейшего формирования и развития процессуального положения этих участников. Однако на данных участников не были возложены

обязанности. Примечательно, что до сих пор нет четкого определения обязанностей подозреваемого и обвиняемого. Хотя, по словам А.К. Аверченко, «в соответствии с УПК РСФСР 1960 г. на подозреваемого был возложен ряд обязанностей: являться по вызову органов предварительного следствия и не препятствовать установлению истины по делу; не уклоняться от дознания и следствия; соблюдать условия примененной меры пресечения и др.» [1, с. 37]

Принятие УПК РФ 2001 г. стало результатом судебной реформы, инициированной, с одной стороны, на основе многочисленных поправок к УПК РСФСР в 1960 г. (предел законодательного вмешательства в этот кодекс был достигнут), а с другой стороны, в связи с принятием в 1993 г. Конституции РФ и необходимостью приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствие с Основным законом. УПК РФ расширил перечень и содержание прав и обязанностей лица при наделении его статусом подозреваемого или обвиняемого.

Список литературы

1. Аверченко А. К., Лось С. Л. *Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе.* – Томск: Изд-во НТЛ, 2003.
2. *Свод законов Российской империи.* 3-е изд. – СПб., 1857. – Т. XV. – Ч. 2.
3. Химичева О. А., Андреев А. В. *Роль Устава уголовного судопроизводства 1864 года в становлении института привлечения в качестве обвиняемого // Вестник Московского университета МВД России.* – 2015. – № 3. – С. 109.
4. *Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Доступ из СПС «Гарант».*
5. Дмитриенко С. А. *Обеспечение прав несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук.* – Волгоград, 2005. – 193 с.
6. *Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. // СПС «Консультант Плюс»*
7. *Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // СПС «Консультант Плюс»*
8. Андреев А. В. *Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при привлечении в качестве обвиняемого: Дис. ... канд. юрид. наук.* – М., 2017.

© С.А. Шуаев, 2021

УДК: 34

ПРОБЛЕМЫ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕЧАТНЫХ ТЕКСТОВ

Явруев Игорь Вадимович,

Студент 4 курса

Ростовского филиала ГКОУ ВО

«Российская таможенная академия»

Научный руководитель:

Рogaва Инга Георгиевна,

старший преподаватель кафедры

уголовно-правовых дисциплин

Ростовского филиала ГКОУ ВО

«Российская таможенная академия»

Аннотация: в настоящей научно-исследовательской работе представлены некоторые актуальные проблемы, касающиеся теории и практики судебно-почерковедческой экспертизы. Так же определена необходимость адаптации определенных теоретических и практических аспектов к современным условиям научно-технического прогресса.

Ключевые слова: экспертиза, почерковедение, подпись, идентификация, документы, исследование, технологии.

UDC: 34

PROBLEMS OF HANDWRITING EXPERTISE IN CONDUCTING RESEARCH OF PRINTED TEXTS

Yavruiev Igor Vadimovich,

Scientific adviser: Rogava Inga Georgievna

Abstract: this research paper presents some topical problems related to the theory and practice of forensic handwriting examination. The need to adapt certain theoretical and practical aspects to modern conditions of scientific and technological progress was also determined.

Keywords: expertise, handwriting, signature, identification, documents, research, technology.

Потребность, а также необходимость в использовании экспертизы документов, в том числе и судебно-почерковедческой, исторически возникла еще очень давно, и при этом данное направление не утрачивает силу, а напротив, развивается. Но вместе с развитием методик проведения

тех или иных исследований в области почерковедения, приходят и новые проблемы, которые, прежде всего, связаны с научно-техническим прогрессом, результатами которого всё чаще пользуются правонарушители, в том числе и преступники. В связи с этим, следует сказать о том, что судебно-почерковедческая экспертиза является одной из наиболее распространенных и востребованных криминалистических экспертиз.

В первую очередь, экспертизы между собой разграничиваются по предмету и объекту исследования [5, с. 115]. Таким образом, среди объектов почерковедческой экспертизы можно выделить следующие:

1. Рукописные тексты.
2. Печатные (электронные) тексты.
3. Краткие записи.
4. Подписи и т.д.

Безусловно, без любых из выше перечисленных документов в настоящее время не обходится ни один человек, ведь ежедневно мы сталкиваемся с ними по отдельности, а иногда и со всеми сразу (в совокупности). Но несмотря на то, что все представленные объекты являются широко востребованными в повседневной жизни, это не отменяет того факта, что все актуальные проблемы судебного почерковедения уже так и не нашли решения в области практики или даже теории.

Так, например, проанализировав различные источники, можно сделать вывод о том, что те теоретические наработки, которые нашли своё отражение в научных работах, касающихся методик проведения исследований, устарели и требуют кардинальных изменений и адаптации к современным условиям [4, с. 39].

Говоря о научно-техническом прогрессе, следует упомянуть, что повсеместное, а также ежедневное использование современной техники упростило процесс изготовления любых видов документов, что привело к изменению состава тех самых объектов судебно-почерковедческих экспертиз. Кроме того, в данном случае появляется и вторая сторона этой же медали: у современной молодежи, по мнению Тимофеева А., наблюдается снижение степени выработанности почерка, что, бесспорно, указывает на ухудшение овладения письменно-двигательным навыком и в связи с этим наблюдается тенденция упрощения почерка, снижения его связности и другие изменения.

Все указанные изменения внешних, а также внутренних факторов значительно повлияли на структурные изменения почерка современного

человека, что в совокупности с развитием науки и техники абсолютно логично меняет и систему взглядов на отдельные положения теории судебного почерковедения, а также отдельные частные методики различного рода исследований [1, с. 186].

В настоящее время в практике экспертов доминируют малоинформативные рукописные тексты. Достаточно редко современные эксперты сталкиваются с необходимостью исследования больших и средних по объему рукописных текстов. Зачастую единственным объектом, по которому эксперт может провести процедуру идентификации исполнителя такого документа, является подпись. И то, достаточно часто подпись не позволяет свидетельствовать о том, что лицо, ее поставившее, является автором того или иного текста, ведь в повседневной жизни мы сталкиваемся с заверением или удостоверением юридически значимых фактов посредством подписи определенных документов.

Не для кого не секрет, что практически во всех компьютерных программах используются одни и те же шрифты, по сути являющиеся «компьютерным почерком». Следовательно, по наличию шрифта как такового просто физически невозможно установить лицо, которое набирало исследуемый печатный текст.

В связи с наличием указанных проблем, на наш взгляд, экспертам-криминалистам необходимо делать акцент на другие особенности, которые в большинстве своем связаны с техникой письма, стилем письма, а также на общие признаки, характеризующие способ нанесения красителя, формирующего печатные знаки (особенности принтеров) и т.д.

Так, например, если эксперту необходимо провести анализ текста, хранящегося на компьютере, необходимо обратить внимание на то, кому принадлежит данный компьютер, сравнить исследуемый текст с другими текстами, содержащимися на том же компьютере и сделать вывод о том, свойственны ли те или иные особенности формулировок, речевых оборотов и других речевых инструментов лицу, которому принадлежит такой компьютер.

В том случае, если экспертиза проводится по уже напечатанному тексту, можно так же выявить особенности машины, которая данный текст напечатала. Так, в различных печатающих устройствах проявляются также общие признаки, характеризующие способ нанесения красителя, формирующего знаки (различают матричные принтеры; принтеры с монолитным литероносителем; струйные принтеры; термографические принтеры; лазерные принтеры) [2, с. 240]. В зависимости от этого выделяют признаки, характеризующие тип принтерного устройства

[3, с. 240]. К таковым относятся: ширина штрихов; микроструктура, наличие блеска в штрихах; характер краев штрихов; наличие ореолов вокруг штрихов, знаков; наличие следов давления; наличие магнитных свойств вещества штрихов; отношение красящего вещества к различным растворителям (вода, ацетон, спирт); свечение бумаги и штрихов в инфракрасной люминисценции; наличие или отсутствие тех или иных знаков, конструктивно предусмотренных данным печатающим устройством, и т.п.

Таким образом, подводя итоги настоящего научного исследования, мы полагаем, что данный вид экспертных исследований с учетом своей актуальности и наличия достаточного большого количества проблем и спорных вопросов, требует комплексного подхода, а также нуждается в дополнительной проработке как теоретических основ, так и дальнейшего применения такой выработанной теоретической базы непосредственно на практике. Кроме того, на наш взгляд, необходимо разрабатывать в области судебно-почерковедческой экспертизы новые рекомендации о методах исследования малообъемных (например, подписей) и внешне сходных друг с другом (печатных) текстов.

Так же, в заключение хотелось бы отметить, что каждая экспертиза, в том числе и почерковедческая, требует от эксперта познаний не только в области судебного почерковедения, но и в области исследования документов в целом, а также в различных областях компьютерной техники, поскольку только такой комплексный, совокупный подход к исследованию и решению поставленных перед экспертом вопросов может обеспечить полноту экспертизы и экспертных исследования, а также решение тех или иных задач, которые так же ставятся перед судебно-почерковедческим экспертом.

Список литературы

1. Агафонов, В. В. Криминалистика. Учебное пособие / В.В. Агафонов, А.Г. Филиппов. – М.: Юрайт, 2016. – 186 с.
2. Балашов, Д. Н. Криминалистика. Учебное пособие / Д.Н. Балашов, Н.М. Балашов, С.В. Маликов. – М.: РИОР, Инфра-М, 2016. – 240 с.
3. Лапин, А.В. Криминалистическая экспертиза. Курс интенсивной подготовки / А.В. Лапин. – М.: ТетраСистемс, 2016. – 240 с.
4. Шапошников А. Ю. Практическая криминалистика. Учебник. СПб: Питер, 2017. 39 с.
5. Яблоков Н. П. Криминалистика. Учебник. М: НОРМА-ИНФРА-М, 2017. 115 с.

© И.В. Явруев, 2021

УДК: 343.143

**ТАКТИКА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ
С ДОЛЖНОСТНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ**

Янова Ирина Владимировна,

Магистрант 2 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Демидченко Юрий Викторович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

***Аннотация:** в статье рассматриваются некоторые аспекты тактики допроса подозреваемых при расследовании должностных преступлений. Приводятся примеры тактических приемов и тактических комбинаций, используемых как перед проведением допроса, так и в ходе его осуществления. Предлагаются тактико-криминалистические рекомендации по проведению допроса подозреваемого по делам, связанным с должностными преступлениями.*

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, тактика, расследование, доказательство, показания, подозреваемый, допрос, должностные преступления.*

UDC: 343.143

**TACTICS OF INTERROGATION OF A SUSPECT
IN CRIMINAL CASES RELATED TO OFFICIAL CRIMES**

Yanova Irina Vladimirovna,

Scientific supervisor: Demidchenko Yuriy Viktorovich

***Abstract:** the article examines some aspects of the tactics of interrogating suspects in the investigation of malfeasance. Examples of tactical techniques and tactical combinations used both before and during interrogation are given. The article offers tactical and forensic recommendations for the interrogation of a suspect in cases related to official crimes.*

***Keywords:** criminal proceedings, tactics, investigation, evidence, testimony, suspect, interrogation, malfeasance.*

Как известно, ядром судопроизводства является процесс доказывания, в ходе которого осуществляется сбор необходимой доказательственной базы. Не является исключением и уголовное судопроизводство, которое институтам доказывания и доказательств отводит одноименный Раздел III в Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ), в котором Глава 10 раскрывает понятие доказательств, перечисляет виды доказательств и называет требования, предъявляемые к ним.

Так, согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ под доказательствами понимаются «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель ... устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [1]. В части 2 этой же статьи, называются виды доказательств, среди которых законодатель допускает и показания подозреваемого.

Следует отметить, что в процессе расследования практически любого преступления, где появляется такой участник как подозреваемый, лицо, в производстве которого находится уголовное дело имеет дело с таким доказательством, как показания подозреваемого, которые сообщаются им (подозреваемым) в ходе допроса (как известно, согласно ч. 2 ст. 46 УПК РФ «подозреваемый ... должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания»).

Действующий УПК РФ не только регламентирует порядок получения показаний подозреваемого, но и раскрывает их содержание. Так, ст. 76 УПК РФ определяет, что «показания подозреваемого – это сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства» [1].

Будучи одними из видов сведений, составляющих институт доказательств, показания подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве обладают набором специфических признаков, характеризующие их как отдельную категорию в рамках уголовно-процессуальных доказательств. Анализ вышеприведенного законодательного определения, а также юридической литературы, позволяет выделить следующие отличительные признаки показаний подозреваемого как самостоятельного вида доказательств:

Во-первых, показания подозреваемого – это сведения.

В науке уголовного процесса стоит вопрос, о форме сведений, составляющих показания. Так, одни ученые-процессуалисты считают, что показания в целом и показания подозреваемого в частности являются

«только устными сообщениями» [5, с. 57]. Другие указывают, что показания подозреваемого могут выступать в качестве «устного и / или письменного сообщения» [4, с. 25]. Законодатель же по данному вопросу придерживается нейтралитета, поскольку в статье 76 УПК РФ, посвященной показаниям подозреваемого, говорится о «сведениях».

Для решения данного вопроса необходимо обратиться к этимологическому толкованию термина «показания». Согласно толковому словарю Ожегова показания – это «свидетельство, рассказ; сообщение каких-либо сведений» [7, с. 792].

Таким образом, показания подозреваемого – это сведения, сообщенные им как в устной, так и письменной форме.

Во-вторых, показания подозреваемого – это сведения, имеющие значение для расследуемого уголовного дела.

Для раскрытия содержания данного признака необходимо сопоставить ст. 74 УПК, раскрывающей предмет доказывания в уголовном процессе, со ст. 76 УПК РФ, являющейся специальной нормой и раскрывающей предмет показаний подозреваемого. Из данного сопоставления следует несоответствие, т.к. показания подозреваемого в соответствии с существующей законодательной трактовкой могут формировать информацию, выходящую за рамки знания об обстоятельствах предмета доказывания, поскольку УПК РФ в соответствующих статьях, посвященных показаниям подозреваемого, просто говорит об информации, сообщенной в ходе допроса. Это означает, что это может быть разнообразная информация, указывающая на самые разные обстоятельства и факты.

Из данного признака следует, что при получении сведений иного характера при допросе подозреваемого в качестве доказательств принимаются только показания, содержащие сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию в уголовном производстве, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Вся остальная информация, предоставленная им во время допроса, не является доказательством и не может быть отнесена к категории «показаний подозреваемого» [3, с. 134]. Представляется, что правильнее признать такую информацию средством уголовно-процессуального познания обстоятельств и фактов, которые носят исключительно процессуальный характер.

В-третьих, показания подозреваемого – это показания лиц, являющихся подозреваемыми в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

В уголовно-процессуальной науке проблема определения понятия «подозреваемый» вызывает многочисленные споры и разногласия.

Так, одни авторы считают, что «подозреваемым в уголовном производстве следует считать лицо, в отношении которого были собраны данные, дающие основания подозревать его в совершении преступления, но недостаточные для предъявления обвинения» [2, с. 528]. Другие полагают, что «появление такой фигуры в качестве подозреваемого должно быть связано только с задержанием или выбором одной из мер пресечения» [6, с. 170].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство также четко не формулирует понятие подозреваемого. Согласно ст. 46 УПК РФ, подозреваемым является лицо: «1) в отношении которого возбуждено уголовное дело; 2) или которое задержано; 3) или к которому была применена мера пресечения до предъявления обвинения; 4) либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления» [1].

По нашему мнению, основания для подозрения должны быть связаны с информацией, указывающей на вероятную причастность лица к совершению преступления. Этот вывод основан на доводе о том, что основания для подозрения должны быть выяснены до появления подозреваемого в уголовном деле. Только на основании подозрения рождается процессуальная фигура подозреваемого по уголовному делу.

В-четвертых, показания подозреваемого должны быть сообщением, которое дознаватель или следователь получают в установленном законом порядке.

И, наконец, в-пятых, информация, полученная от подозреваемого, дается в ходе его допроса и фиксируется в установленном законом порядке в протоколе допроса подозреваемого.

Таким образом, следует отметить, что сущность показаний подозреваемого в процессе доказывания по уголовному делу заключается в том, что они являются одним из видов уголовно-процессуальных доказательств.

В целях исключения неоднозначного понимания термина «показания подозреваемого», считаем целесообразным дополнить ст. 76 УПК РФ «Показания подозреваемого» частью второй, следующего содержания: «Показания подозреваемого являются доказательствами по уголовному делу, если сведения, сообщенные им на допросе, проведённом в ходе досудебного производства в соответствии с требованиями статей 187-190 настоящего Кодекса, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному

делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. Ахметшин Р.Э., Таскаева Ю.В. Проблемы понятия «подозреваемый» в уголовном процессе // Ученые заметки ТОГУ. 2014. Т. 5. № 4.

3. Демидченко Ю.В. Всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела в системе принципов уголовного процесса технологии». Ростов-на-Дону, 2011.

4. Кардашевская М.В. Допрос подозреваемого – способ получения новых доказательств по уголовному делу или? // Российский следователь. 2019. № 10.

5. Лайпанов А.А. Особенности оценки показания обвиняемого и подозреваемого по уголовным делам // Современная наука: тенденции развития. 2017. № 18.

6. Миликова А.В., Шабалкина М.И. Понятие и основание появления подозреваемого в уголовном процессе // В сборнике: Междисциплинарность науки как фактор инновационного развития. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2018.

7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 2012.

© И.В. Янова, 2021

УДК: 343

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЖЕНЩИНАМИ

Яцюк Елизавета Николаевна,

Студентка 3 курса

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Научный руководитель:

Демидченко Юрий Викторович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права

Ростовского филиала ФГБОУВО

«Российский государственный университет правосудия»

Аннотация: в статье особое внимание уделено проблемам, которые возникают в процессе расследования преступлений, совершенных женщинами. Данный вид преступления имеет отличие от других в субъектном составе, поэтому особенности, связанные с психофизиологическими свойствами указанной категории обвиняемых, их состояниями и процессами, влияют на ход совершения преступлений и противодействие следствию.

Ключевые слова: женская преступность, анализ женской преступности, факторы влияющие на психическое состояние, физиологические изменения, отличие способов совершения преступления, особый субъектный состав, квалифицирующие признаки, мотивы совершения преступления, объекты посягательства, способы совершения преступления, личность преступницы.

UDC: 343

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY WOMEN

Yatsyuk Elizaveta Nikolaevna,

Scientific supervisor: Demidchenko Yuri Viktorovich

Abstract: *The article pays special attention to the problems that arise in the process of investigating crimes committed by women. This type of crime differs from others in its subject composition, therefore, the features associated with the psychophysiological properties of this category of accused, their states and processes, affect the course of committing crimes and countering the investigation.*

Keywords: *female criminality, analysis of female criminality, factors affecting the mental state, physiological changes, the difference in the ways of committing a crime, a special subject composition, qualifying signs, motives for committing a crime, objects of encroachment, methods of committing a crime, the identity of the criminal*

«Женщина не хуже мужчины. Она просто другая...»

К. Хорни

Проблема расследования преступлений, совершенных женщинами является весьма актуальной. Процесс создания жизни определил разницу между мужским и женским полами, и в соответствии с физическими данными каждый представитель пола занимается тем родом деятельности, к чему лучше была приспособлена его физиология. Те же самые

особенности повлияли и на формирование психических особенностей каждого из полов. Из этого следует, что каждое совершенное преступление это отражение явлений объективной действительности, содержащие элементы общего и особенного.

Расследование преступлений определен ст. 73 УПК РФ и представляет собой установленный уголовно-процессуальными законами порядок доказывания обстановки преступлений, а также розыск преступников и обеспечение государством предотвращения уклонения их от следствия и суда с принятием мер по возмещению нанесенного ущерба и предупреждению преступлений. Порядок судопроизводства един и обязателен по всему многообразию уголовных дел, каждому из которых характерны свои индивидуальные особенности.

Как известно, раскрытие преступлений, совершаемых женщинами, имеет свои особенности, связанные с психофизиологическими свойствами указанной категории обвиняемых, их состояниями и процессами, влияющими на ход совершения преступлений и противодействие следствию.

Женская преступность является относительно самостоятельной подсистемой преступности в целом, следовательно, она обладает теми же признаками системности, что и преступность.

Анализ состояния современной женской преступности показывает тенденцию к его падению. Так, по состоянию на сентябрь 2021 г. количество преступлений, совершенных женщинами составляет 106751. В 2020 году – 136318. В 2019 году-142505. (рис. 1)

Рис.1

Преступления, совершаемые лицами женского пола, имеют отличия в виде высокой общественной опасности в силу самого статуса женщины, которая непосредственно имеет воздействие в виде воспитания на

формирование личности подрастающего поколения, психофизиологических особенностей женщин, воздействующих на поведенческие проявления в процессе совершения криминальных действий, в процессе общения с участниками уголовного процесса.

Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых женщинами является отдельным видом преступлений.

Выделить ее в обособленную обуславливается следующими криминалистическими основаниями:

- особенности элементов подготовки к совершению преступления, совершения и сокрытия следов преступления, обусловленные психофизическими особенностями женщин;

- проявление неразрывной связи со всем механизмом преступления, а именно, с выбором специфического порой предмета преступного посягательства.

- что касается выбора потерпевшего, то данный выбор обусловлен психологическими и физиологическими особенностями женщин. На основании анализа судебной практике объектами посягательства являются люди, не имеющие в силу возраста и физиологического состояния способности к обороне. Такими являются прежде всего пожилые люди и малолетние дети, мужчины, находящиеся в состоянии различного вида опьянения, родственники или друзья женщины, если речь идет о краже, мошенничестве и ряде других преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ.

- мотивом совершения преступления, обусловлено особенностями женской психики, на первое место ставится мотив мести. Ярким примером является изувечение соперницы химическими средствами, при проявлении внимания от лиц мужского пола.

В механизме преступления, совершаемого женщинами, необходимо исследовать следующие элементы: 1) способы совершения преступления, действия по подготовке и сокрытию преступления, обусловленные психологическими и физиологическими особенностями женщины; 2) орудия и средства преступного посягательства; 3) отдельные элементы обстановки, используемые преступницами для совершения преступления (место, время, условия, влияющие на механизм слеодообразования); 4) личность преступницы.

«Способы совершения преступления – совокупность объединённых общим замыслом действий по подготовке, совершению и сокрытию следов преступления, обусловленных психофизиологическими особенностями женщины, определяющими мотивы, выбор средств и орудий преступления

в зависимости от вида совершаемого женщиной преступления. Это один из самых важнейших элементов криминалистической характеристики преступлений. Относится к объективной стороне состава преступления» [1, с. 125-127]. Целый ряд обстоятельств влияет на способы совершения преступлений: 1) от вида преступления (насильственные, корыстные); 2) от личности преступницы; 3) от соучастников; 4) от обстановки совершения преступления; 5) от орудия преступления; 6) от предмета преступного посягательства.

В способах совершения преступлений женщинами отражается эмоционально-волевая сфера личности, отличающаяся высокой степенью проявления эмоциональности, чем у мужчин. Враждебная агрессия встречается у женщин гораздо реже. Особенно низок рейтинг как регулятора деятельности и поведения мотива самоутверждения, что также свидетельствует об уникальной структуре мотива насильственной женской преступности.[2 с-77]

Психофизиологическая обусловленность женщин способствует выделению так называемых женских преступлений, например: детоубийство новорожденного, данный вид преступления сопровождается специальным субъектом, совершение мошеннических действий, кражи т. д. [3 с-26]

Орудия и средства преступного посягательства в большинстве случаев, как правило, являются предметы кухонной утвари (чайники, сковородки и другие приборы, которые лежат на поверхности или различные предметы домашнего обихода, а также колюще-режущие, рубящие предметы. [4, с-109]. Женщина выбирает тот или иной предмет для совершения преступления от той обстановки в которой она находится.

Любое действие преступного характера образует факультативные признаки объективной стороны. А именно когда совершается преступление (время), где совершается преступление (место) и как совершается преступление (обстановка). В ряде случаев они выступают в качестве обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность виновного при назначении наказания.

Мотивационная направленность женщин как субъектов преступной деятельности обусловлена самооправдательными мотивами. «Мотивы самооправдания» характерны для субъектов преступной деятельности в силу проявления защитного стиля поведения, выражающего закономерные процессы выдвижения самооправдательных механизмов личностной активности. «На преступное поведение существенное влияние оказывают и специфические биологические периоды ее жизнедеятельности

(беременность, роды, послеродовой период). Данная специфика может играть главенствующую роль в мотивационной сфере в соответствующий период и является важнейшим фактором, определяющим тот или иной тип поведения.[5, с-208]

В криминалистической литературе, на основе обобщения материалов судебно-следственной практики отмечены наиболее яркие их проявления:

- «женщина-лидер», происходит от личностной активности женщины;
- «женщина, зависимая от лидера преступления»;
- «женщина-приманка»[6, с-804]

Личностная активность женщин в механизме преступной деятельности обусловлена социально-психологическими факторами, психофизиологическими процессами, исследование которых способствует установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию в ходе раскрытия, расследования, а также предупреждения преступлений, совершаемых женщинами, раскрытию причинно-следственных отношений, формирования и развития условий криминальной ситуации взаимодействия.

Большая часть преступлений совершается данной категорией лиц в возрасте до 30 лет (около 48%), однако по отдельным видам преступлений данный показатель смещается в ту или иную сторону: так, возраст женщин, осужденных за получение взяток и крупных хищений, обычно находится в интервале 30-40 лет». А лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, в основном в возрасте 29-25 лет. Уровень образования у осужденных женщин, выше, чем у мужчин, что связано с достижением более зрелого возраста к моменту совершения[7, с-299]

Законодательство Российской Федерации учитывает особенности положения женщины, поэтому исключен перечень наказаний, которые могут применяться к данному субъекту. Исключения составляют: пожизненное лишение свободы (ст. 57 УК РФ), Смертная казнь (согласно ч. 2 ст. 59 УК РФ), а также наказания ч. 4 ст. 49 УК РФ, ч. 5 ст. 50 УК РФ, ч. 2 ст. 54 УК РФ при наличии детей до 3-х и до 14-ти лет или беременность назначаться не могут.

При проведение следственных действий в отношении женщин, следователю необходимо учитывать возраст, так как он влияет на восприятие внешнего облика человека. Девушки-подростки в возрасте от 14 до 18 лет больше обращают внимание на телосложение, рост, причёску, черты лица, которые в совокупности создают портрет человека, к которому либо происходит симпатия, либо нет. Женщины в возрасте старше 18 лет

обращают внимание на жесты, на мимику, учитывают речевые особенности, манеру поведения. Различия в возрасте также влияют и на утомляемость при допросе, более склонны к психозу женщины средних лет. Со стороны следователя недопустимы грубость и применение силы в отношении женщин. Стоит отметить, что женщины по природе обладают способностями все отчетливо запоминать и замечать самые мельчайшие подробности.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что женская преступность является относительно самостоятельной подсистемой преступности в целом, следовательно, женская преступность обладает теми же признаками системности, что и преступность. Преступления несут высокую социальную опасность. Расследование данных видов преступлений зависит от связанных с психофизиологическими свойствами указанной категории обвиняемых, их состояниями и процессами, влияющими на ход совершения преступлений и противодействие следствию.

Список литературы

1. Кудрявцева В.Н., Лунева В.В., Наумова А.В. Уголовное право России. Общ. часть. М., 2004. С.125-127.
2. Кудрявцев И.А. криминальная агрессия. Экспертная типология и судебно-психологическая оценка/ И.А. Кудрявцев, Н.А. Ратинова. – М.: Изд-во МГУ, 200. С.77
3. Демидченко, Ю. В. Особенности первоначального этапа расследования краж автотранспортных средств, совершаемых межрегиональными преступными группами: специальность 12.00.09 "Уголовный процесс": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Демидченко Юрий Викторович. – Волгоград, 2000. – 26 с.
4. Вологина Е.В. Методика расследования преступлений, совершенных женщинами: дис. канд.юр.наук. Волгоград. 2001. С.109.
5. Вологина Е.В. Методика расследования преступлений, совершенных женщинами. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград. 2001. С.208.
6. Серебрякова В.А. Женская преступность / Криминология: Учебник для вузов / Под ред. А.И. Долговой. 4-е изд. М., 2013. С. 804
7. Малков В.Д. Криминология: Учебник. – М; 2010. С.299

© Е.Н. Яцюк, 2021

Научное издание

МЕЖВУЗОВСКИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

**В РАМКАХ НАУЧНОГО ПРОЕКТА «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА»**

электронный сборник научных статей

Дата проведения: 25-26 ноября 2021 г.

Редакционная коллегия:
Полтавцева Лариса Ивановна
Палиева Оксана Николаевна
Серегина Елена Владимировна
Коблева Мария Мухадиновна
Рogaва Инга Георгиевна

Издается в авторской редакции

Сдано в набор 18.11.2021.
Дата подписания к использованию 25.11.2021.

Издатель: ИП Беспамятнов С.В.
346715, Ростовская обл., Аксайский р-он,
п.Янтарный, пер.Незабудковый, 6.
тел. +7 (928) 190-80-42
e-mail: bes777@yandex.ru

Гарнитура «Times».
Уч.-изд. л. 15.85

Объем данных: 2.05 Мб.
Тираж 100 CD-ROM.
Заказ № 429.

Записано CD-ROM: ИП Беспамятнов С.В.
346715, Ростовская обл., Аксайский р-он,
п.Янтарный, пер.Незабудковый, 6.
тел. +7 (928) 190-80-42
e-mail: bes777@yandex.ru

ISBN 978-5-9500447-5-5

9 785950 044755 >